

**ЕВРО-
АТЛАНТИКА
СЕГОДНЯ:**

**БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ
ВЫЗОВЫ**

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт Европы
Российской академии наук

ЕВРО- АТЛАНТИКА СЕГОДНЯ: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ВЫЗОВЫ

Научный редактор –
доктор политических наук А.И. Шумилин

МОСКВА
ИЕ РАН
«Международные отношения»
2018

УДК 327-049.5[(4+7):(5)]:327.5[(4+7):(470+571)]
ББК 66.4(4),9(5),30+66.4(73),9(5),30+66.4(2Рос),9(0),633
Е24

Оглавление

Научные рецензенты:

Косач Григорий Григорьевич – доктор исторических наук
Потемкина Ольга Юрьевна – доктор политических наук

Авторский коллектив:

А.И. Шумилин (введение, главы I, II, заключение), *Т.А. Карасова* (глава III),
Е.С. Мелкумян (глава IV), *А.А. Цуркан* (глава V), *И.В. Шумилина* (глава IV, VI),
В.П. Журавель (глава VII)

Тема НИР 115032740022

Трансформация европейской системы безопасности.
Отношения России с участниками европейской
системы безопасности и евро-атлантическими институтами
(ЕС, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ)

Монография издана при финансовой поддержке ПАО «Транснефть»

Евро-Атлантика сегодня: ближневосточные вызовы [коллек-
тивная монография, А.И. Шумилин и др.; науч. ред. А.И. Шу-
милин]. – М.: Международные отношения, 2018. – 208 с. –
(ИЕ РАН / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т
Европы Российской академии наук). Авт. указаны на обороте
тит. л.

ISBN 978-5-98163-114-6 (ИЕ РАН)

ISBN 978-5-7133-1623-5 (Международные отношения)

Особенность данного монографического исследования в том, что эффект
воздействия пылающего Ближнего Востока на относительно спокойные Евро-
пу и Северную Америку (Евро-Атлантика) рассматривают ведущие специали-
сты из нескольких институтов Российской академии наук и университетов.
В работе представлены взгляды на проблемы этих взаимоотношений как из
Европы и Америки (ИЕ РАН, ИСКРАН), так и из Туниса, арабских монархий
Персидского залива и Израиля (ИВ РАН, РГГУ). Последние события в регио-
не Ближнего Востока и Персидского залива, их отзвуки в странах Евро-Атлан-
тики воспринимаются авторами монографии как точка отсчета для углублен-
ного политологического и исторического анализа многослойных проблем.

Для специалистов в области международных отношений, сотрудников го-
сударственных учреждений, экспертов, аналитиков, а также для студентов, ас-
пирантов и преподавателей, интересующихся проблемами Ближнего Востока
и их влиянием на ситуацию в странах Европы и США.

УДК 327-049.5[(4+7):(5)]:327.5[(4+7):(470+571)]

ББК 66.4(4),9(5),30+66.4(73),9(5),30+66.4(2Рос),9(0),633

ISBN 978-5-98163-114-6 (ИЕ РАН)
ISBN 978-5-7133-1623-5 (Между-
народные отношения)

© ИЕ РАН, 2018

© Подготовка к изданию, оформление.

ООО «Издательство «Международные отно-
шения», 2018

Введение. Ближний Восток для США и Европы – пространство партнерства или источник угроз?	7
Глава I. Иранский узел: США и Евросоюз в поиске общей стратегии	19
США versus Иран: как рождался СВПД	20
«Новая стратегия» Дональда Трампа	27
Евросоюз в «критическом диалоге» с Ираном	35
Трамп выходит из соглашения с Ираном	41
Евросоюз отвергает американские санкции	43
СВПД: взгляд из Европы	48
Глава II. Сирийский узел: Евросоюз в альянсе с США	54
«После Алеппо» – Астана	55
«После Алеппо» – Женева	57
От войны гражданской к войне с терроризмом	60
Трамп в роли «Анти-Обамы»	66
Треугольник напряжения: Россия–Иран–Израиль	70
Россия «понимает» Израиль	73
Евросоюз в поисках новой роли в Сирии	77
Европа усиливает свой голос	83
Сирийский кризис – тест для Парижа и Лондона	85
Глава III. Америко-израильское партнерство: от Барака Обамы к Дональду Трампу	89
Трамп гарантирует Израилю понимание	93
Трамп между Израилем и Палестиной	101
Глава IV. Североатлантический альянс продвигает «Арабское НАТО»: геополитика на фоне цивилизационного разрыва	110
Вашингтон оживляет стратегическое партнерство с монархиями Залива	111
НАТО западное и «НАТО арабское»	123
Трамп определяет Эр-Рияд главным партнером в Заливе	123
Убийство Джамали Хашогги путает карты Белому дому ...	126

Саудовская Аравия и Запад: «ценностные» помехи	127
Истоки «новых вызовов»	131
Запад готов реагировать, но по-разному	133
Глава V. США и демократические преобразования в Тунисе:	
подходы Барака Обамы и Дональда Трампа	138
Тунис в фокусе политики Барака Обамы	140
Подход Д. Трампа: ожидать ли перемен?	147
Глава VI. Эра Трампа для Америки: «война с террором» или	
«война с иммиграцией»?	151
Шарлоттсвилль: «внутренний терроризм» в США	152
Трамп «оживил» правых радикалов	155
Как «отмыть» имидж президента	158
Белый дом стал «белее» – националисты в администрации	
Трампа	160
Американские мусульмане – угроза США?	164
Американские арабы – мишень белых националистов	167
Глава VII. «Исламское государство» пытается взорвать Европу...	171
Как ИГ активизируется в Европе	172
Контртерроризм: уроки для Европы	179
Контртерроризм в режиме онлайн	186
Заключение. На пути к деконфликтации: возможные сценарии	192
Об авторах	205

Введение

Ближний Восток для США и Европы – пространство партнерства или источник угроз?

У данного монографического исследования как минимум четыре особенности. Первая: ее авторы – ведущие научные сотрудники разных научных учреждений России, известные специалисты по различным аспектам не только ближневосточных проблем как таковых, но и давно и основательно изучающие воздействие процессов, происходящих на Ближнем Востоке, на экономику и политику стран Евро-Атлантики (Северной Америки и Европы). Вторая особенность монографии сводится к попытке авторов соотнести важнейшие тенденции последних месяцев прежде всего в политической и военной областях в ближневосточном регионе с фундаментальными трендами, характерными для политикума арабских стран и Израиля, для суннитского и шиитского пространств региона, а также для зон столкновений основных религиозно-политических акторов Ближнего Востока. Третья особенность сводится к попытке прояснить факторы, влияющие на процессы формирования в странах Евро-Атлантики механизмов реакции на то, что многие европейцы и американцы склонны считать угрозами. Наконец, четвертая особенность данной монографии состоит в том, что ее авторы не рассматривают Евро-Атлантическое сообщество как единое целое в подходе к оценке проблем и процессов на Ближнем Востоке.

Эта последняя из перечисленных особенностей данной работы, возможно, будет представлять повышенный интерес для международных партнеров в самой ближайшей перспективе. Действительно, такого раскола внутри группы G7 («Большой семерки», олицетворяющей и воплощающей Евро-Атлантическое сообщество, т. е. государств с устойчивой демократией), как это произошло весной-летом 2018 г., не было никогда. Главная линия расхождений между США и Евросоюзом пролегла в связи с Ираном: 8 мая 2018 г. президент Дональд Трамп подписал

документ, означавший выход Соединенных Штатов из достигнутой в июле 2015 г. международной «шестеркой» (пять постоянных членов Совбеза ООН плюс Германия) договоренности с Ираном по ядерной программе Исламской республики («Совместного всеобъемлющего плана действий» – СВПД; *JCPOA – Joint Comprehensive Plan of Action*). Белый дом пошел на этот шаг вопреки попыткам лидеров ведущих стран Евросоюза (президента Франции Эммануэля Макрона, канцлера Германии Ангелы Меркель и премьер-министра Великобритании Терезы Мэй) предотвратить такой поворот событий. Мотивы поведения политиков Старого Света достаточно понятны: за два с половиной года действия этого соглашения в основном европейские компании (американские намного меньше) успешно «осваивали» иранский рынок, а Иран, в свою очередь, наладил поставки своих энергоносителей (нефти и газа) в Европу.

Конечно, прилив иранских углеводородов на европейский рынок повысил остроту конкуренции там со всеми другими поставщиками – Саудовской Аравией, Алжиром, Ливией, Россией, а также и Соединенными Штатами. Это обстоятельство (усложнение конкурентной среды для экспорта американских углеводородов в Европе), однако, вряд ли оправданно рассматривать в качестве не только главного, но и просто весомого фактора, сработавшего на принятие Трампом решения о прекращении американского участия в СВПД. В данном случае справедливо, на наш взгляд, утверждение, что экономические расчеты были отодвинуты в Вашингтоне на второй план, уступив место расчетам, продиктованным соображениями безопасности (осознанием новых угроз, исходящих от Ирана в адрес как интересов самих США, так и – главным образом – в адрес их ближневосточных союзников и партнеров). Мотивы команды Трампа в этой связи, равно как и факторы, обусловившие реакцию стран Евросоюза на действия Вашингтона, достаточно подробно анализируются в первой главе данной монографии. Здесь же подчеркнем, что негативная реакция европейцев обусловлена в первую очередь политическими аргументами: в частности, их неготовностью смириться с тем, что инициатором по сути разрыва утвержденного Совбезом ООН соглашения становится не Иран, а ведущая держава Евро-Атлантического блока, что автоматически ставит европейцев в уязвимую позицию подрыва доверия и к ним со стороны третьих стран; кроме того, действия

Белого дома демонстрируют повышенную степень зависимости европейцев от поведения «старшего брата» – главного заокеанского партнера и союзника. Другой набор аргументов сводится к банальным экономическим и коммерческим расчетам: европейские компании уже успели заключить сделки с иранскими партнерами на внушительные суммы, которые многим из корпораций придется «списать в расход» по иным, т. е. некоммерческим, соображениям.

И здесь мы подходим к еще одному последствию для европейцев антииранского демарша Дональда Трампа: представители команды американского президента расставляют точки над *i*, с тем чтобы у их европейских партнеров и союзников не оставалось сомнений в том, что впервые за послевоенную историю отношений между странами Евро-Атлантики результатом восстановления санкционного режима США против Ирана станет... неизбежное наказание тех европейских компаний, которые не свернут свою деловую активность на рынке Исламской республики до августа 2018 г. Речь идет либо о наложении на европейские корпорации – нарушители американских законов внушительных штрафных санкций, либо и вовсе о лишении их права доступа на американский рынок. Иными словами, европейские компании ставятся тем самым перед выбором: либо работать на рынке иранском, либо – на американском. Для большинства компаний это практически не выбор, а диктат. Поскольку их интересы на американском рынке на данный момент несравнимы с таковыми в Иране.

На этом фоне Евросоюз переходит к выстраиванию стратегии и тактики защиты от своего заокеанского союзника: на саммите ЕС в Софии 17 мая 2018 г. председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер призвал европейцев не просто сохранить соглашение по ядерной программе Ирана, но и реактивировать так называемое «блокирующее постановление» («Blocking Statute»), принятое более 20 лет назад.

По словам Юнкера, суть и конкретные предписания этого документа запрещают европейским компаниям выполнять американские санкции против Ирана. Данная законодательная норма была принята в 1996 г. в ходе конфликта вокруг американских санкций, введенных против Кубы, Ирана и Ливии, но так и не была востребована, поскольку тогда недопонимание между Вашингтоном и Брюсселем удалось преодолеть. Таким

образом, весной 2018 г. сложилась своеобразная ситуация, когда выход США из договоренностей по ядерной программе Ирана поддержали большинство арабских стран и Израиль (ближневосточные партнеры Вашингтона), а критиковали администрацию Трампа ближайшие союзники США по НАТО (страны Евросоюза), а также Россия и Китай.

Вряд ли останется незамеченным в Вашингтоне и тот факт, что свой выбор европейцы сделали в том числе и под воздействием мощной лоббистской кампании Тегерана. Глава иранского МИД Мохаммад Джавад Зариф после посещения Китая и России 15 мая 2018 г. прибыл в Брюссель, где провел ряд встреч со своими европейскими коллегами в преддверии саммита в Софии 17 мая. Начиная с июня 2018 г. официальные структуры и аналитические центры Ирана проводят «разъяснительные мероприятия» на площадках своих партнеров в странах Европы. Их задача (если оставить в стороне угрожающие заявления политиков в Тегеране о намерении покинуть СВПД и возобновить ядерную программу в полном объеме) – убедить европейцев не следовать «слепо» за Вашингтоном, а найти способы сохранения достигнутой в 2015 г. договоренности. Иранцы настойчиво требуют от европейцев гарантий двух позиций: беспрепятственного сбыта своих углеводородов на рынках Старого Света и, второе, получения за это денег посредством банковских операций, которые должны быть избавлены от угрозы и возможности оказаться блокированными усилиями соответствующих американских структур.

На фоне потрясений евро-атлантического партнерства из-за Ирана, казалось бы, намного менее болезненной для европейцев выглядит другая ближневосточная инициатива команды Д. Трампа – перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. 45-м президентом США этот вопрос представлялся как «дело принципа» еще со времен его избирательной кампании: кандидат в президенты Дональд Трамп, по сути, превратил обещание перенести американское посольство в Иерусалим в один из важнейших элементов-символов своей ближневосточной политики. Однако, оказавшись в Белом доме и столкнувшись с возражением европейских партнеров, а затем и дипломатическими протестами арабских союзников США, он поначалу предпочел не спешить с практическими шагами по претворению в жизнь этого своего обещания. Но, как оказалось, тянул

он с этим недолго: в декабре 2017 г. 45-й президент все-таки нарушил устоявшуюся в Белом доме традицию «на словах признавать Иерусалим столицей Израиля, но не переводить туда американское посольство». Тогда же он распорядился начать подготовку к переводу посольства из Тель-Авива в Иерусалим, а 14 мая 2018 г. посольство США было официально открыто в торжественной обстановке – при полном бойкоте со стороны государств Евросоюза. Подробно ситуация, связанная с переводом американского посольства в Иерусалим, а также состояние американо-израильских отношений в целом анализируется в третьей главе данной монографии.

Заметим, что, пожалуй, это тот случай, когда даты двух перечисленных событий (выход США из СВПД и открытие американского посольства в Иерусалиме) имеют принципиальное значение. Дело в том, что объявленный 8 мая Трампом вердикт СВПД означал ни больше ни меньше, как декларацию о повышении интенсивности противодействия Соединенных Штатов политике Ирана в регионе – вплоть до возможности прямого военного столкновения. О таком развороте событий ближайшие партнеры Вашингтона в регионе – Израиль и арабские (суннитские) монархии – могли только мечтать после того, как основательно разочаровались в ближневосточной политике Барака Обамы. За такую решимость «надавить на Иран» элиты и правящие группы в суннитских монархиях Персидского залива были готовы тогда и позднее многое простить Трампу. И фактически простили перенос 14 мая посольства в Иерусалим, ограничившись словесными осуждениями, но несколько не поддержав попытки палестинской группировки ХАМАС в секторе Газа устроить очередную интифаду.

По сути, эти две инициативы давно готовились командой Трампа и осуществлялись в упомянутой последовательности в мае 2018 г. вопреки позиции стран Евросоюза, но под давлением американских партнеров в ближневосточном регионе. Ценой отчуждения от традиционно приоритетных партнеров США в лице стран Евросоюза по данным двум вопросам Трамп отчетливо продемонстрировал разрыв с политикой своего предшественника Барака Обамы практически на всех направлениях. На Ближнем Востоке этот разрыв был встречен партнерами Америки с энтузиазмом. Можно говорить о том, что после «провального», по оценкам представителей истеблишмента араб-

ских монархий и Израиля, президентства Обамы отношения США с суннитскими монархиями (да и с Израилем) возвращаются к своей традиционной норме. О том, как формировалось и на что опирается партнерство между США и арабскими монархиями Залива, можно прочесть в главе четвертой.

Основные вызовы с Ближнего Востока для США и Европы, основные конфликты в арабском сегменте региона напрямую связаны с последствиями «Арабской весны» — волны политических потрясений и трансформаций, начавшейся с массового протестного движения в Тунисе еще в конце 2010 г. и приведшей к первому осязаемому результату — падению авторитарного режима Зин аль-Абедина бен Али (14 января 2011 г.). Политический маятник в Египте, качнувшийся было в сторону умеренного исламизма (кратковременное нахождение у власти Мухаммеда Мурси) и вернувшийся в свое прежнее состояние летом 2013 г., непрекращающаяся межклановая борьба в Ливии, затянувшаяся гражданская война в Сирии, давшая почву для появления и активизации новых террористических группировок (главная из них — запрещенная в России группировка «Исламское государство»), внутрирелигиозная по форме и межклановая по содержанию война в Йемене — все это результат в первую очередь внутриполитических трансформаций в упомянутых странах, к последствиям которых евроатлантисты пытаются адаптировать свои интересы и свою политику. Примечательно, что единственной из арабских стран, потрясенных «Арабской весной», которая приблизилась к изначально заявленным целям установления демократической системы правления, оказывается на данный момент Тунис. Этот маршрут политического транзита был и во многом еще остается непростым, но до сих пор тунисцы следуют им, избегая соскальзывания в силовое противостояние. США и Европа готовы оказывать и дальше помощь тунисцам в надежде, что граждане хотя бы этой арабской страны продемонстрируют способность к демократическим преобразованиям мирными средствами. В 2015 г. Квартет тунисских посредников на переговорах по национальному примирению стал лауреатом Нобелевской премии мира. Действительно, группа общественных организаций — Всеобщее тунисское объединение труда, Тунисская конфедерация промышленности, торговли и ремесел, Тунисская лига в защиту прав человека и Тунисский союз адвокатов — обеспе-

чила общенациональный диалог в стране. Многие даже считают, что благодаря их усилиям тунисцам удалось избежать гражданской войны.

Все возрастающее значение уделяется Тунису и по линии НАТО: в своей декларации, опубликованной по завершении саммита альянса 11–12 июля 2018 г. в Брюсселе, лидеры стран-членов назвали Тунис «ключевым партнером» блока, согласовав выделение пакета помощи этой арабской стране для повышения ее способностей обеспечения обороны и поддержания безопасности¹.

Вопросам взаимодействия США и Евросоюза с Тунисом в сфере государственного строительства и возрождения экономики посвящена пятая глава данной монографии. Особый акцент в ней делается на выявлении различий в подходах к проблемам данной страны двух американских администраций — Барака Обамы и Дональда Трампа. Один из выводов, к которым приходит автор, состоит в том, что в случае ослабления финансовой и политической поддержки Туниса западными партнерами эта страна может вернуться к авторитарной системе правления, от которой она избавилась, дав в свое время толчок столь драматичной волне «Арабской весны», захлестнувшей практически весь регион Северной Африки и Ближнего Востока. Кстати, такой вариант событий не представляется совсем невероятным, если учесть, что другая арабская страна — Египет — прошла круговой политический маршрут, вернувшись в итоге к прежней системе правления — разве что сменив в ходе драматических событий «Арабской весны» значительную часть политической элиты и политического класса в целом.

Что касается самих Соединенных Штатов, то еще в качестве кандидата в президенты этой страны Дональд Трамп уверял своих сограждан в неправильности и неоправданности ближневосточной политики его как минимум двух предшественников в Белом доме. По его словам, эта политика не увеличила безопасность американцев, а лишь поставила ее под угрозу. И речь, мол, не только о вторжениях в Афганистан в конце 2001 г., а позднее в Ирак (в марте 2003 г.), породивших при администра-

¹ NATO — Official Text: Brussels Summit Declaration. Press Release (2018) 074. 2018. Jul. 11 (https://www.nato.int/cps/su/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=en).

ции Джорджа Буша-младшего «чрезмерную вовлеченность» США в ближневосточные конфликты. Это, понятно, прямые затраты американского бюджета и жизни граждан США, отданные во имя не вполне понятных целей политики его, Трампа, соратника по Республиканской партии. Но, мол, и демократ Барак Обама «хорош» — с его левизной и либерализмом, особенно в отношении «обездоленных иммигрантов». Вкупе же, по Трампу, политика Буша-младшего (вовлеченность в ближневосточные конфликты) и Обамы («милосердие» по отношению к мигрантам, включая незаконных) привели к увеличению наплыва беженцев в США из проблемных арабских стран (иммиграция с юга, из Латинской Америки, — другая история), а следовательно, и к возрождению и обострению противостояния по расовым и религиозным линиям разлома, особенно потрясшего американскую глубинку. А такого рода разломы всегда удобряли почву для терроризма.

Если говорить о терактах, замешанных на идеях радикального ислама и связанных с ближневосточными проблемами, то за примерами, утверждает Трамп, далеко ходить не надо: взрывы в ходе Бостонского марафона 13 апреля 2013 г. (погибли три человека, ранены 176) — исполнители братья Царнаевы, иммигрировавшие из республик Северного Кавказа (проживали в Дагестане и Чечне) и уже в США ставшие приверженцами радикального ислама; 2 декабря 2015 г. в калифорнийском городе Сан-Бернардино Сайед Ризван Фарук и его жена Ташфин Малик из двух автоматов и двух пистолетов убили 14 человек и ранили 21 человека; несколько других терактов с меньшим числом жертв и пострадавших. Они заявляли себя сторонниками запрещенной в России группировки «Исламское государство». Эти два теракта наиболее показательны, хотя есть и другие примеры (хотя и менее резонансных) нападений террористов на американских граждан под знаменем радикального ислама. Аргумент же Трампа предельно прост — он сводится к формуле: «Рост иммиграции из проблемных стран Ближнего Востока напрямую обусловил активизацию террористической деятельности исламистов на территории США». А потому новая администрация уже в самом начале своей каденции (27 января 2017 г., т. е. через неделю после инаугурации) пошла на принятие скандального решения — приостановить на 90 дней въезд в США выходцев из следующих стран: Иран, Йемен, Ирак (позд-

нее, в марте 2017 г., эта страна была выведена из данного списка), Ливия, Сирия, Сомали, Судан. Этот шаг команды Трампа дал дополнительный толчок и без того уже расколотому по этнорелигиозным линиям американскому обществу. Возникли бурные дискуссии, противники политики Трампа в этом вопросе обращались в суды различных инстанций, некоторые из которых отменяли действие иммигрантского указа президента на территории отдельных штатов. Но вот что примечательно: 26 июня 2018 г. Верховный суд США незначительным большинством голосов признал иммигрантский (точнее — антииммигрантский) указ 45-го президента «законным и соответствующим Конституции». И это при том, что трое судей (Стивен Брейер, Елена Каган и Соня Сотомайор) открыто назвали указ «антимусульманским».

Приход Трампа в Белый дом воспринимался многими мусульманами в США как «потенциальная угроза» и по другой причине: в первом составе ближайшей команды 45-го президента оказалось несколько персон с широко известной репутацией расистов, сторонников течения превосходства белых и вполне откровенных исламофобов. Особенно скандально выглядел Стив Бэннон, назначенный советником президента по стратегическим вопросам. Ранее он возглавлял националистический веб-сайт под названием Breitbart News. Членом той же команды и сотрудником того же веб-ресурса оказался и заместитель помощника президента Себастьян Горка. Как справедливо отмечает автор главы VI данной монографии, оба чиновника считались чрезвычайно влиятельными фигурами в администрации Трампа, обоих называли за глаза «идеологическими ястребами», а журналисты задавались вопросом — как такие люди умудрились пройти проверку? Примечательно, что оба они покинули свои посты в конце августа 2017 г., вернувшись на работу на ту же онлайн-платформу, и это не был уход «по собственному желанию». Расстался президент и со своим первым по счету советником по национальной безопасности Майком Флинном (с января 2017 по апрель 2018 г. Трамп дважды сменил ранее им же назначенных на этот пост чиновников). Флинн же приобрел известность помимо прочего и своими откровенно антимусульманскими высказываниями, называя ислам «раковой опухолью»,

«политической идеологией, которая скрывается под покровом религии»¹.

Формальное дистанцирование Трампа от Бэннона, а еще раньше и от Флинна, похоже, подправило имидж президента — как в глазах мусульман, так и в глазах либерально настроенной части населения. Важнейшим стимулом и одновременно испытанием для трансформации имиджа главы Белого дома стали трагические события в Шарлоттсвилле 11–12 августа 2017 г. Организованные там ультраправыми беспорядки всколыхнули волну, казалось бы, подзабытых расистских настроений в духе Ку-клукс-клана. Вынужденный реагировать, президент поначалу попытался воздержаться от оценок идеологического характера, делая акцент на необходимости сохранить единство нации, а также подчеркивая, что «подобному насилию нет места в Америке». Однако такой позицией Трампа остались недовольны как демократы, так и республиканцы. «Господин президент, мы должны называть зло по имени! Это были расисты и внутренний терроризм», — написал в своем Твиттере сенатор-республиканец Кори Гарднер². А бывший госсекретарь, демократ Джон Керри заявил, что произошедшее в Шарлоттсвилле должно быть названо тем, «чем оно является на самом деле — ненавистью, злом, расизмом и доморощенным экстремизмом»³.

В конечном счете — после ряда риторических маневров — Трамп «вырулил» на позицию внятного осуждения ультраправых. А спустя неделю после трагедии в Шарлоттсвилле и вовсе расстался со своим стратегом крайне правых взглядов — Стивом Бэнноном. Тот поначалу вернулся на свою прежнюю работу в редакции веб-ресурса Breitbart News, а позднее (летом 2018 г.) открыл для себя новые просторы деятельности по распространению «доморощенного экстремизма» в странах Европы. Он заявил о намерении действовать в глобальном масштабе

¹ Flynn Michael. Islam Is A 'Cancer,' 'Political Ideology' That 'Hides Behind' Religion / RWWNews // RWW Blog. 2016. Nov. 18 (https://www.youtube.com/watch?v=fzh9b_vo4vs).

² Gardner Cory. «Mr. President — we must all evil by its name» // Twitter. 2017. Aug. 13 (<https://twitter.com/SenCoryGardner/status/896472477844385792>).

³ Kerry John. 1) What we've seen in #Charlottesville needs to be condemned and called what it is: hatred, evil, racism // Twitter. 2017. Aug. 13 (<https://twitter.com/JohnKerry/status/896473518145196032>).

с целью дать бой глобалистам, «партии Давоса», т. е. сторонникам либерального миропорядка. С целью «повторить феномен Трампа в Европе» Бэннон намерен объединить стратегии популистских сил в Старом Свете на базе создаваемого им фонда The Movement («Движение»), который будет поддерживать организации правопопулистского толка — от «Лиги» в Италии до «Национального фронта» во Франции, UKIP в Великобритании, «Фидес» Виктора Орбана в Венгрии и т. п. Создание коалиционного правительства популистов «Лиги» и «Пяти звезд» в Италии также не обошлось без его вклада. Бэннон с самого начала выступал за такой вариант.

Одна из первоочередных задач Бэннона, пишет издание *The Daily Beast*, — способствовать формированию правой фракции в Европарламенте после выборов в мае 2019 г.¹ Для этого предполагается добиться на выборах в Европарламент не менее трети голосов и сформировать объединенную фракцию евроскептиков. Заметим, что на данный момент в общеевропейском законодательном органе евроскептики представлены двумя группами: фракцией «Европа наций и свобод», куда входят французский «Национальный фронт», нидерландская «Партия свободы», итальянская «Лига», Австрийская партия свободы, бельгийский «Фламандский интерес», польский «Конгресс новых правых» и фракция «Европа за свободу и демократию», где представлены британская UKIP, итальянское «Движение пяти звезд», литовская партия «Порядок и справедливость», чешская «Партия свободных граждан» и «Шведские демократы». В новом составе Европарламента объединенная фракция может расширяться за счет других европопулистов, перешедших на эти позиции «консерваторов старого типа» — Австрийской народной партии или «Фидес».

Сторонники Бэннона намерены создать экспертно-аналитический центр, который обеспечит политтехнологические разработки для национальных и общеевропейских избирательных кампаний 2019 г. — таргетирование аудиторий, помощь в подготовке программ и донесении месседжа популистов до максимально большого числа избирателей. Ожидается, что бу-

¹ Hines N. Inside Bannon's Plan to Hijack Europe for the Far-Right // Daily Beast. 2018. Jul. 20 (<https://www.thedailybeast.com/inside-bannons-plan-to-hijack-europe-for-the-far-right>).

дуг использованы в том числе методы, применявшиеся в ходе предвыборной кампании Трампа, которой Бэннон руководил с 17 августа 2016 г.

Сам Бэннон, как и его европейские партнеры, рассчитывают активно разыграть «миграционную карту». Напомним, что тема борьбы с тем, что они склонны именовать «хаотичной и легализованной иммиграцией» из стран Ближнего Востока и Африки, обозначена как одна из самых приоритетных в повестках всех без исключения популистских партий Старого Света.

Получается, что мейнстримовское – преимущественно либерально настроенное – общественное мнение в США вытолкнуло стратегов американского «доморощенного популизма и экстремизма» на европейские просторы, где теперь предстоит новый этап схватки между сторонниками традиционных либеральных ценностей и консерваторов-популистов. Вряд ли этот этап завершится с окончанием выборов 2019 г.

Впрочем, исход этого противостояния во многом будет определяться и тем, насколько успешными окажутся усилия европейцев в сфере борьбы с исламистским терроризмом. Сюжетам о том, как они объединяют и координируют эти усилия, посвящена VII глава данной монографии.

Александр Шумилин,
доктор политических наук,
научный руководитель монографии

Глава I

Иранский узел: США и Евросоюз в поиске общей стратегии

*Александр Шумилин**

Выход администрации Дональда Трампа из многостороннего соглашения по иранской ядерной программе создал гораздо большее напряжение в отношениях между евро-атлантическими союзниками (между США и Евросоюзом), чем даже между основными акторами на «поле боя», т. е. в регионе Ближнего Востока и Персидского залива. Напряжение в отношениях Вашингтона с европейскими партнерами достигло критической отметки. Это и понятно: за прошедшие после подписания соглашения с Ираном время (т. е. с июля 2015 г.) немало европейских компаний уже успели не только обосноваться на рынке Исламской республики, но и начать получать внушительные доходы от сбыта своей продукции. Впрочем, пугает европейцев не только перспектива возвращения к прежнему режиму санкций с Ираном и, следовательно, утрате, казалось бы, уже отлаженных каналов торгово-экономического взаимодействия, но и происходящее по инициативе Вашингтона нарушение правил международного поведения, когда европейцев, по сути, принуждают пересмотреть или даже отказаться от утвержденного Совбезом ООН соглашения без явных признаков нарушения его со стороны контрапартнера – Ирана.

На этом фоне Евросоюз переходит к выстраиванию защитных редутов против своего заокеанского союзника: на саммите ЕС в Софии 17 мая 2018 г. председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер призвал европейцев сохранить соглашение о ядерной программе Ирана и с этой целью реактивировать так называемое «блокирующее постановление» («Blocking Statute»), принятое более 20 лет назад, но остававшееся невостребованным.

** Шумилин Александр Иванович, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН.*

По словам Юнкера, «блокирующие постановления» запретят европейским компаниям выполнять американские санкции против Ирана. Данная законодательная норма была принята в 1996 г. в ходе конфликта вокруг американских санкций, введенных против Кубы, Ирана и Ливии, но так и не была востребована, поскольку тогда конфликт удалось уладить. Таким образом, весной 2018 г. сложилась весьма своеобразная ситуация, когда выход США из договоренностей по ядерной программе Ирана поддержали большинство арабских стран и Израиль (ближневосточные партнеры Вашингтона), а критиковали администрацию Трампа ближайшие союзники США по НАТО (страны Евросоюза), Россия и Китай.

США versus Иран: как рождался СВПД

Уже в первые месяцы пребывания команды Дональда Трампа в Белом доме расхождения по проблеме Ирана обозначили одну из главных точек напряжения между США и Евросоюзом. Авторитетный Европейский совет по международным отношениям (ЕСМО) в своем докладе так описывает проблему: «По многим вопросам глобальной безопасности европейцы проявляют склонность к подходам, отличным от таковых нынешнего президента США. Но, похоже, нигде эти расхождения не глубоки так, как по проблеме Ирана. С учетом жесткой риторики президента и его конкретных шагов по претворению слов в действия столкновения трансатлантических союзников по данному вопросу представляются почти неизбежными»¹.

Отношения между Ираном и странами Запада осложнились сразу после Исламской революции 1979 г. Выпадение Ирана из разряда ориентирующихся на западные модели государств «третьего мира» не могло не вызвать негативной реакции политических кругов США и Европы. Неудивительно, что на протяжении 80-х гг. страны НАТО вполне открыто поддерживали режим Саддама Хусейна в Ираке в его войне против хомей-

нистского Ирана. В 90-е гг. политические элиты США и Европы активно критиковали иранские власти за нарушения прав человека, за непризнание Израиля, за поддержку экстремистских группировок типа «Хезболла» в Ливане и ХАМАС в Палестинской автономии, за преследование британского писателя Салмана Рушди. Однако с 2003 г. главной проблемой между Ираном и странами Евро-Атлантики становится ядерная программа: Запад начинает усматривать в ней военную направленность. Озабоченность этой программой становится общей для США и Европы, а способы реагирования на нее – разными. «В то время как Соединенные Штаты настаивали на безотлагательных мерах наказания Ирана, Европа выступала за политику “критического диалога”, цель которого – показать Ирану то, что он мог бы приобрести в результате отказа от ядерного оружия. Это вкратце объясняет логику, историю и результаты европейской стратегии», – говорится в докладе Европейского центра исследований при университете Северной Каролины¹.

В то время как 43-й президент США Джордж Буш-младший в январе 2002 г. в своем обращении к Конгрессу называет Иран «государством-изгоем» наряду с Ираком и Северной Кореей², а в марте 2003 г. начинает военную операцию с целью свержения режима Саддама Хусейна в Багдаде, Евросоюз выработывает альтернативную силовой модель взаимодействия с Ираном, противоположную риторике и действиям американской администрации, – модель «вовлечения через переговоры».

Подход Вашингтона к Исламской республике формировался на протяжении трех десятилетий после 1979 г. Все администрации Белого дома (до Барака Обамы в 2009 г.) ужесточали законодательные акты, регулирующие отношения США с Ираном, что фактически вело к установлению режима бойкота последнего. В результате сложилась впечатляющая законодательная база, имеющая не только внутриамериканское, но и международное значение. Так, на американский рынок не допускаются

¹ Europe's Iran Diplomacy – European Union Center of North Carolina, EU Briefings. 2008. March. P. 1 (https://europe.unc.edu/files/2016/11/Brief_Europe_Iran_Diplomacy_2008.pdf).

² President Delivers State of the Union Address. The President's State of the Union Address. The United States Capitol, Washington, D.C. 2002. Jan. 29 – The White House. President George W. Bush (<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>).

иностранные нефтяные компании, имеющие оборот с иранскими партнерами на сумму свыше 20 млн долл. Длительное время США в целом безуспешно пытались ограничить сотрудничество России с Ираном в строительстве ядерно-энергетических объектов и в поставках современных вооружений. Определенного результата в этом отношении они смогли добиться от Евросоюза и Китая. С 2003 г. американская стратегия, направленная на нейтрализацию Ирана, ужесточается. Необходимость такой стратегии пояснил глава Пентагона (в то время Дональд Рамсфелд), заявив следующее: «Разведсообщества в США и других странах мира считают, что сегодня у Ирана нет ядерного оружия, но есть активная ядерная программа, которая может обеспечить эту страну ядерным оружием через короткий промежуток времени»¹.

Важен и еще один аргумент, объясняющий ужесточение американской политики в отношении Ирана вскоре после 2003 г.: после вторжения в Ирак Вашингтон и Тегеран де-факто вступили в непрямое противоборство «за будущий Ирак». По данным американской разведки, иранские власти якобы подстрекали иракских шиитов (а таковых в Ираке более 60%) к восстанию с целью захвата власти и превращения этой арабской страны в «исламскую республику» по иранской модели. США же стремились не только не допустить расширения политического влияния Ирана в нестабильном тогда Ираке, но и исключить нанесение прямого ущерба силами проиранских группировок находившимся там американским войскам².

Эту традиционную линию американской политики в отношении Ирана нарушила администрация Барака Обамы. Завершение 44-м президентом США вывода войск из Ирака (в 2011–2012 гг.) вскоре дополнилось новой политической реальностью – сменой в августе 2013 г. президента ИРИ: вместо радикала-антизападника Махмуда Ахмадинежада этот пост занял умеренный (и даже, по оценкам западной прессы, «либерально настроенный») Хасан Роухани. Эти два фактора сработали на диалог Ирана с Западом. Тогда резко ускорился начавшийся ранее

¹ Ramsfeld. Iran's building nuclear arms. UPI. 2003. Jun. 12 (<https://www.upi.com/Rumsfeld-Irans-building-nuclear-arms/15191055427711>).

² Stolberg S., Santora M. Bush Declares Iran's Arms Role in Iraq // The New York Times. 2007. Febr. 15 (<https://www.nytimes.com/2007/02/15/world/middleeast/15prexy.html>).

процесс подготовки «ядерной сделки» с «шестеркой» международных посредников (пять постоянных членов ООН плюс Германия): 24 ноября 2013 г. было подписано промежуточное соглашение – «Совместный план действий», предусматривающий «замораживание» Ираном предполагаемых военных аспектов его ядерной программы в ответ на постепенное «размораживание» иранских активов в западных банках, смягчение и поэтапную отмену антииранских санкций. В июле 2015 г. эта договоренность получила окончательное оформление в виде более основательного «Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана» (СВПД. *JCPOA – Joint Comprehensive Plan of Action*).

Оба упомянутые документа вызвали негативную реакцию руководства Саудовского королевства, большинства арабских монархий Залива, а также Израиля, которые считают недостаточными как прописанный в СВПД режим контроля за выполнением Ираном своих обязательств, так и временные ограничения действия документа – по ряду аспектов до 15 лет, в течение которых освобожденный от санкций Иран сможет, по их оценкам, нарастить такой финансовый и военный потенциал, что будет в состоянии в кратчайшие сроки создать ядерную бомбу современного образца.

Еще на промежуточной стадии подготовки «ядерной сделки» с Ираном в 2013 г. племянник саудовского короля, посол Саудовской Аравии в Лондоне, принц Мухаммед бен Наваф бен Абдулазиз упрекнул западных участников этого процесса в стремлении «умиротворить» Иран, заявив, что Эр-Рияд и его партнеры в регионе «не будут сидеть сложа руки, не раздумывая о том, как лучше обеспечить собственную безопасность, а также безопасность региона в целом»¹. Назвав эту сделку «поспешной и непродуманной», Эр-Рияд пригрозил обзавестись собственным ядерным оружием перед лицом иранской угрозы. Отчетливо на высшем уровне эту угрозу вновь недавно сформулировал нынешний фактический правитель королевства, наследный принц, 32-летний Мухаммад бен Салман. В интервью американскому телеканалу *CBS News* он заявил, что королевство займется разработкой собственной ядерной бомбы,

¹ Boyesand R., Watson R. Saudi Arabia turns up heat on the West over possible Iran nuclear deal // The Times. 2013. Nov. 22.

если Иран продолжит реализацию военной ядерной программы¹. Неудивительно, что в Израиле перспектива «нуклеаризации» (распространения ядерного оружия) региона воспринималась как прямая угроза существованию еврейского государства. В сложившихся условиях израильские стратеги не скрывают, что приступили к изучению возможности превентивного удара по ядерным объектам в Иране².

С резкой критикой СВПД израильский премьер-министр Биньямин Нетаньяху выступил в ООН в сентябре 2015 г. — сразу после подписания сторонами этого соглашения. Почти дословно он повторил приведенные аргументы позднее в своем выступлении на Генассамблее ООН в сентябре 2017 г. По словам Нетаньяху, «ядерная сделка не только не блокирует путь Ирана к бомбе, но фактически его прокладывает.., потому что через несколько лет ограничения будут автоматически отменены — не из-за изменения поведения Ирана, не из-за сокращения масштабов его агрессии и террора, а просто из-за того, что перевернется листок в календаре... Когда наступит тот закат, темная тень будет отброшена по всему Ближнему Востоку и миру, потому что тогда Иран будет вправе обогащать уран в промышленных масштабах, что поставит его на порог создания массивного арсенала ядерного оружия». При этом израильский премьер призвал «остановить разработку Ираном баллистических ракет, а также остановить его агрессивные действия в регионе»³.

В отличие от израильского премьера официальные лица в Эр-Рияде (как и в других арабских монархиях Персидского залива) воздерживались от прямой и открытой критики Вашингтона. Тем не менее саудовские СМИ и ведущие эксперты королевства не скупались на критические высказывания в адрес США, обосновывая необходимость для Эр-Рияда переходить от своей традиционно «реактивной» политики в регионе к «проактивной». Иными словами, меньше полагаться на американ-

ского партнера, выстраивая собственную стратегию и планы действий в отношении пылающих конфликтов, и прежде всего в отношении Сирии и Йемена¹.

На этом фоне сильное впечатление в международных кругах произвела статья Абдельазиза Сагера, ведущего саудовского аналитика, руководителя одного из самых авторитетных в регионе Исследовательского центра стран Персидского залива (*Gulf Research Center*), в которой тот напрямую обвинил Барака Обаму в «нерешительности», что толкает Эр-Рияд к проведению более активной политики, формально призванной компенсировать «слабость» Соединенных Штатов. «В случае с Сирией отсутствие решительности со стороны такой ключевой державы, как США, подвигло саудовскую элиту к пониманию того, что ее прежняя модель поведения “не выпячивания своей роли” уже не работает; требуются большие активность и действенность в региональных делах, чтобы обеспечить интересы королевства, — пишет А. Сагер. — Осознание того, что внутривосточные интересы существенно более значимы (для Обамы. — авторы), чем международная роль, которую США играли до сих пор, только усилило убежденность (в необходимости новой политики Эр-Рияда. — авторы). В результате Саудовская Аравия — помимо своей воли — оказалась вынужденной играть новую роль, к которой она никогда не стремилась»².

Собственно, скатываться вниз с нарастающей скоростью отношения между США и их ближайшими партнерами на Ближнем Востоке начали в сентябре 2013 г., после достижения Россией и США договоренности по «химическому разоружению правительства Башара Асада». 18 октября 2013 г. произошло необычное и драматичное для международной политики событие: Эр-Рияд публично и громко отказался занять место в Совете Безопасности ООН в знак несогласия с позицией его постоянных членов по проблеме Сирии³. Это был тревожный

¹ Saudi crown prince: If Iran develops nuclear bomb, so will we // CBS. 2018. March 15 (<https://www.cbsnews.com/news/saudi-crown-prince-mohammed-bin-salman-iran-nuclear-bomb-saudi-arabia>).

² Norman L., Barnes J. Netanyahu warns Israel may strike Iran if it doesn't ease up in Syria // The Wall Street Journal. 2018. Feb. 18.

³ Нетаньяху потребовал изменить или отменить соглашение по ядерной программе Ирана. ТАСС. 2017. 19 сентября (<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4575233>).

¹ Turki bin Faisal al-Saud. Has Iran Changed? Project Syndicate. 2014. Jan. 8 (<http://www.project-syndicate.org/commentary/turki-bin-faisal-al-saud-assesses-the-continuing-threat-of-iranian-influence-in-the-middle-east>).

² Sager A. Challenging Times for Saudi Foreign Policy // ArabNews. 2014. Jan. 23.

³ Saudi Arabia Rejects UN Security Council Seat — SUSRIS. 2013. Oct. 18 (<http://susris.com/2013/10/18/saudi-arabia-declines-un-security-council-membership>).

сигнал в адрес ближайшего партнера королевства — Соединенных Штатов. Накануне этого шага — 8 сентября 2013 г. — в газете *The New York Times* была опубликована статья весьма знаковых авторов, приближенных к королевской семье в Эр-Рияде, журналиста Джамала аль-Хашогги (подробнее о его убийстве 2 октября 2018 г. и последствиях этого преступления речь пойдет в гл. IV) и политолога-аналитика Навафа Обейда под названием «Арабский D-Day» (*The Arab D-Day*), в которой они призвали арабов незамедлительно приступить к военной интервенции в Сирии под эгидой Лиги арабских государств, свергнуть «кровавого правителя» Башара Асада и тем самым остановить кровопролитие в этой стране и предотвратить ее превращение в «иранскую провинцию»¹.

Перечисленные шаги Эр-Рияда свидетельствовали о том, что элиты королевства и других арабских монархий рассматривали конфликт в Сирии прежде всего через призму своего противостояния с Ираном, как результат экспансионистских устремлений шиитской державы в регионе в ущерб базовым интересам арабо-суннитских государств. Попытки же администрации Обамы в этих условиях «потакать», как полагали в Эр-Рияде, Ирану лишь усугубляли конфликты (в Сирии, Ираке, Йемене) и де-факто ставили под вопрос традиционные партнерские отношения Вашингтона с арабами и Израилем. Это, похоже, сознавали и в окружении Обамы: в мае 2015 г. в резиденции президента США в Кэмп-Дэвиде был проведен так называемый «Саммит примирения», на который приглашались главы государств «арабской нефтяной шестерки» (Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива — ССАГПЗ: Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Оман, Бахрейн, Кувейт). На приглашение американского президента, однако, откликнулись лидеры только двух из упомянутых государств (Кувейта и Катара), а остальные ограничились делегированием уполномоченных лиц существенно более низкого ранга. Завершилась встреча принятием совместного коммюнике, в котором провозглашалось «новое партнерство ССАГПЗ с Соединенными Штатами». Речь в основном шла об обязательствах Вашингтона поставлять арабским монархиям современное вооружение, наращивать взаимодействие в сфере обеспечения безопасности морских

путей, в киберпространстве, в области борьбы с терроризмом, содействовать подготовке воинских частей арабских монархий, а также наладить систему противоракетной обороны. Особо оговаривалось, что основной боевой силой должна стать совместная армейская группировка арабских монархий, которую и намерен вооружать и тренировать Пентагон. Тем самым Вашингтон подталкивал своих арабских партнеров делать большую ставку на собственные силы. Однако важнейшей целью арабских участников саммита было получить гарантии администрации Обамы, что она не перейдет к активному взаимодействию с Ираном в ущерб арабским партнерам. Такое заверение было получено в виде упоминания в Заключительном коммюнике о готовности США совместно с партнерами «противодействовать дестабилизирующей активности Ирана»¹. На эти накопившиеся проблемы в отношениях США с арабскими партнерами в Заливе и наложилась июльская 2015 г. «ядерная сделка» с Ираном, вызвав новую волну разочарований арабских элит в администрации Барака Обамы.

«Новая стратегия» Дональда Трампа

С приходом администрации Дональда Трампа в Белый дом одной из главных ее задач на ближневосточном направлении стало возвращение отношений с партнерами в регионе на прежний уровень. Это выглядело маловероятно без пересмотра подхода его предшественников — команды Барака Обамы — к проблеме Ирана, которая в основном и стала главной точкой расхождений: другие конфликтные зоны в регионе — Сирия, Йемен, Ирак, Ливан — рассматривались аналитиками 45-го президента во многом как производные от главного противостояния в регионе — между суннитами и шиитами, что чаще всего олицетворялось в эскалации враждебности между Саудовской Аравией и Ираном. Поэтому изучать эту проблему «свежим взглядом» окружение Трампа начало практически с первых дней своего появления в Белом доме. Повышенное внимание к Ира-

¹ Annex to U.S. Gulf Cooperation Council Camp David Joint Statement — The White House. President Barack Obama. 2016. May 14 (<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/05/14/annex-us-gulf-cooperation-council-camp-david-joint-statement>).

¹ *Obaid N., Khashoggi J. The Arab D-Day // The New York Times. 2013. Sept. 8.*

ну производило к тому же и впечатление готовности 45-го президента всерьез выполнять предвыборные обещания в целом. Напомним, что еще в ходе избирательной кампании Трамп регулярно высказывал критические оценки достигнутого в 2015 г. соглашения.

Вскоре стало ясно, что претензии команды Трампа к Ирану не ограничиваются критикой СВПД, а идут значительно дальше: Белый дом обвиняет Тегеран в агрессивности и территориальной экспансии в регионе (в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене), в расширении программы разработки баллистических ракет и в поддержке террористических группировок, трактуя политику Ирана как «угрозу национальной безопасности США»¹. На этом фоне СВПД представляется Вашингтоном как документ «ущербный», а сама сделка — не соответствующей в полной мере национальным интересам Соединенных Штатов.

Подобная оценка нынешней администрацией Д. Трампа политики Ирана и достигнутой с ним договоренности — СВПД сформировалась после интенсивных контактов и консультаций Белого дома с традиционными партнерами в регионе, в частности с арабскими монархиями Персидского залива и Израилем. Напомним, что свой первый зарубежный визит Д. Трамп совершил в мае 2017 г. в Саудовскую Аравию, откуда начал турне по другим странам Ближнего Востока.

На фоне множащихся угроз нового саудовского руководства приступить к созданию собственного ядерного потенциала военной направленности, с одной стороны, и разработки планов израильского генералитета начать сдерживание Ирана военными средствами — с другой², проблема Ирана воспринималась администрацией Трампа уже как более масштабная и комплексная, чреватая прямым военным столкновением между Ираном и его противниками с глубокими и далеко идущими последствиями, несравнимыми с нынешними локальными конфликтами в регионе.

¹ Remarks by President Trump on Iran Strategy — The White House. 2017. Oct. 13 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy>).

² Израиль вызвался в одиночку сдерживать Иран // Военное обозрение. 2017. 15 ноября (<https://topwar.ru/129682-izrail-vyzvalsya-v-odinochku-sderzhat-iran.html>).

Подчеркнем, что наметившийся конфронтационный подход Белого дома в отношении Ирана с ходу получил поддержку республиканского большинства Конгресса США, поскольку антииранский крен в этой политике воплощал в себе и обещанное Трампом расставание с позицией Обамы (названной в Конгрессе «притиркой с Ираном» — *«accommodation with Iran»*), и демонстрировал стремление к восстановлению и укреплению ухудшившихся при Обаме отношений США с их ближневосточными союзниками и партнерами. Кстати, важнейшим условием одобрения конгрессменами СВПД в 2015 г. стало утвержденное положение о так называемой «сертификации выполнения соглашения», т. е. о регулярном (каждые 90 дней) отчете администрации перед законодателями накануне снятия очередной порции санкций (отчет о соответствии между снимаемыми санкциями и сделанными Ираном шагами навстречу)¹.

В октябре 2017 г. эксперты Белого дома в целом завершили процесс пересмотра подхода США к Ирану. 12 октября президент выступил с речью, в которой осудил политику Тегерана в регионе, обвинив власти Исламской республики в поддержке терроризма и в экспансионизме, а также подверг критике ряд аспектов СВПД. Сам Трамп назвал свое видение проблемы *«новой стратегией противодействия всему спектру деструктивных действий Ирана»*².

Президент сосредоточился на следующих пунктах:

первое — совместно с союзниками противодействовать дестабилизирующей активности Ирана, оказывать политическую поддержку американским партнерам в регионе;

второе — ввести дополнительные санкции против иранского режима, чтобы воспрепятствовать финансированию им террористических группировок;

третье — противодействовать распространению Ираном ракет и вооружений, угрожающих соседям, мировым торговым связям и свободе навигации в Персидском заливе.

¹ H.R. 1191 — Iran Nuclear Agreement Review Act of 2015. Congress.gov, 114th Congress (2015–2016) (<https://www.congress.gov/bills/114th-congress/housebill/1191?q=%7B%22search%3A%5B%22The+Iran+Nuclear+Agreement+Review+Act+of+2015%5D%7D&r=6>).

² Remarks by President Trump on Iran Strategy. WhiteHouse.gov. 2017. Oct. 13 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy>).

Первым шагом во исполнение этой стратегии призваны были стать новые американские санкции в отношении «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР), который глава Белого дома определил в своей речи как «контролируемое Высшим духовным руководителем Ирана коррумпированное террористическое формирование»¹. При этом Трамп отказался придерживаться согласованного графика «сертификации», т. е. снимать оговоренную с европейскими партнерами и Ираном порцию санкций в определенное время («дорожная карта»), пригрозив в скором времени и вовсе выйти из СВПД².

Эти угрозы, заметим, впечатлили не только руководство Ирана, но и внешнеполитический истеблишмент большинства стран Евросоюза (подробнее об этом ниже). Одной же из важнейших причин появления этого пункта расхождений между Вашингтоном и Брюсселем стало обострение проблемы, связанной с производством баллистических ракет в Иране, способных достигать не только арабские монархии Залива, но и Израиль. Сама эта проблема не нова: программа производства ракет стратегического характера реализуется в Иране с 80-х гг., но в силу ее прямой увязки с проблемой производства ядерного оружия (производство ракет дальности от 2000 до 5500 км без оснащения ядерной боеголовкой не имеет смысла) она стала камнем преткновения в ходе переговоров 2013–2015 гг. и в конечном счете была вынесена за рамки СВПД (тем не менее в резолюции СБ ООН 2231 от 20 июля 2015 г., одобряющей СВПД, содержится призыв к Ирану воздержаться от производства, испытаний и распространения ракет средней дальности)³.

Однако на протяжении 2017 г. Иран провел серию испытаний подобных ракет, чем вызвал протесты своих оппонентов в регионе, поставивших перед Трампом данный вопрос. Проблема еще больше обострилась после вызывающего заявления командующего военно-космическими войсками «Корпуса стра-

жей Исламской революции» бригадного генерала Амир-Али Хаджизаде 6 марта 2018 г. о том, что производство ракет в Иране увеличилось в три раза. При этом военачальник не уточнил, за какой срок. «Раньше нам постоянно приходилось объяснять свои действия международному сообществу. Теперь ситуация изменилась. Все ветви власти едины: нам необходимы ракеты земля–земля», – добавил он¹.

Уместно выделить одну из причин (к некоторым другим мы вернемся ниже) столь вызывающего заявления иранского генерала. По мнению аналитиков расположенного в ОАЭ исследовательского центра *FARAS (Future for Advanced Research and Studies)*, генерал Хаджизаде, один из руководителей КСИР, взял на себя миссию продемонстрировать, что эта структура в целом не находится под контролем правительства Роухани, а действует параллельно с правительством и вполне самостоятельно. Более того, считают эмиратские аналитики, методами реализации своей ракетной программы КСИР рассчитывает «определять траекторию развития ядерной сделки в предстоящий период»². Иными словами, ракетная программа – инструмент в руках КСИР (командующий этой структурой генерал Джаафари время от времени называет Иран «ракетной сверхдержавой»), способный затормозить и даже вовсе сорвать реализуемую правительством Роухани сделку с мировым сообществом, столь важную для модернизации Ирана. Обоснованно, на наш взгляд, однако, считать, что руководство КСИР (по-видимому, с согласия Верховного правителя Хаменеи) прибегло к напоминанию о «ракетной угрозе» в ответ на заявление Дональда Трампа от 12 января, в котором американский президент пояснил, что дает «сертификацию» СВПД (отказывается от возобновления санкций) только на короткое время «по просьбе европейских союзников», с тем чтобы участники сделки «смогли либо исправить ее катастрофические недостатки, либо США выйдут из договоренности»³.

¹ Remarks by President Trump on Iran Strategy. WhiteHouse.gov. 2017. Oct. 13 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy>).

² Ibid.

³ Report of the Secretary-General on the implementation of Security Council resolution 2231 (2015) – United Nations, Security Council. 2016. Jul. 12 (http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/589&Lang=E).

¹ Iran's missile production tripled despite enemy pressure: IRGC commander. Tehran Times. 2018. March 7 (<http://www.tehrantimes.com/news/421882/Iran-s-missile-production-tripled-despite-enemy-pressure-IRGC>).

² What's Behind Iran's Continued Missile Muscle-Flexing? FARAS. 2018. March 12 (<https://futureuae.com/en-US/Mainpage/Item/3779>).

³ Statement by the President on the Iran Nuclear Deal – The White House. 2018. Jan. 12 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-iran-nuclear-deal>).

Подчеркнем, что давление на Трампа с целью «исправить СВПД» оказывается ближневосточными союзниками США по-разному: если руководство Израиля предпочитает *мобилизовать израильское лобби в Вашингтоне*, одновременно прибегая к *угрозам нанести удары по ядерным объектам Ирана*, то новые правители Саудовского королевства действуют менее вызывающе и агрессивны. Например, они заявляют о *намерении построить у себя объекты атомной промышленности*, которые должны развиваться строго по условиям режима, примененного в отношении Ирана по СВПД¹, а это означает, что такие условия не должны привести к появлению ядерного оружия по завершении срока действия договоренности. В противном случае оно появится и у Саудовской Аравии — даже если главным опекуном и покровителем атомной отрасли в королевстве будут Соединенные Штаты, как того хотел бы Трамп. Другая форма воздействия на администрацию Трампа — созданный в марте 2018 г. тройственный Высший комитет в составе самого президента США, наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бен Сальмана (его часто именуют в прессе сокращенно — МБС) и наследного принца эмирата Абу Даби, министра обороны ОАЭ Мухаммеда бен Зайеда ан-Нахьяна (сокращенно МБЗ). Задача этого комитета (в прессе именуют «группой действия») — *координировать военные и дипломатические усилия по сдерживанию экспансии Ирана в регионе*².

Важно уточнить, что призывы израильтян и арабских монархий к президенту Трампу занять более жесткую позицию в отношении Ирана не должны рассматриваться как побуждение США к военным действиям против Исламской республики. Речь идет в основном о целесообразности ужесточить подход к Ирану с целью корректировки положений СВПД. Особенно отчетливо это формулируют представители саудовского истеблишмента. Так, в ходе выступления в Брукингском институте в Вашингтоне 22 марта 2018 г. глава саудовского МИД Адель Джубейр открыто попросил США и их европейских

партнеров по СВПД «найти способ сохранить договоренность с Ираном и одновременно ограничивать возможности Ирана вести себя в регионе столь вызывающе»¹. Простой же уход США из СВПД, считает А. Джубейр, может сыграть на руку иранским «ястребам»². Дело в том, что, как правило, элиты арабских монархий Залива гораздо больше, чем израильские политики, опасаются боевых действий в своем регионе — особенно между мусульманскими странами, сознавая глубину последствий такого рода столкновений (например, суннитов против шиитского Ирана): проигрывающая сторона вполне может спекулировать на радикальных исламских лозунгах, поднимая «арабскую улицу» против стороны побеждающей, если та действует совместно с армиями стран Запада.

«Иранская тема» прослеживается и в осуществленной Д. Трампом в марте 2018 г. замене двух ключевых фигур в его окружении — госсекретаря Рекса Тиллерсона на Майка Помпео (директора ЦРУ) и советника по национальной безопасности Джона Макмастера на Джона Болтона, занимавшего ряд видных должностей в предыдущих республиканских администрациях и приобретшего известность как «ястреб» в вопросах внешней политики. Американские аналитики пишут по этому поводу, что уволенные «силовики» хоть и высказывались жестко по проблеме Ирана, все же они выступали за частичную корректировку СВПД, возражая против выхода США из этой договоренности. Болтон же не только неизменно настаивает на выходе из договоренности с Ираном, но и заявляет себя сторонником решительных действий против Исламской республики, включая в случае необходимости ракетные удары по ядерным объектам страны³. «Болтон — не единственный “ястреб” в окружении Трампа: новый госсекретарь, бывший директор ЦРУ Майк Помпео, также открыто высказывается против ядерной сделки с Ираном и даже недавно призывал нанести удары по

¹ *Ibish H.* Trump's Pick of Hawkish Bolton Raises Old Ghosts of 2003 Iraq Invasion — AGSIW. 2018. March 26 (<http://www.agsiw.org/trumps-pick-hawkish-bolton-raises-old-ghosts-2003-iraq-invasion>).

² *Ibid.*

³ *Lake E.* John Bolton Has His Chance to Kill the Iran Deal Trump Tried to Fix. Bloomberg View. 2018. March 23 (<https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-03-23/bolton-has-chance-to-kill-iran-deal-trump-tried-to-fix>).

ядерным объектам в этой стране... Джереми Беш, в прошлом высокопоставленный сотрудник ЦРУ и Пентагона, считает, что Трамп «формирует военный кабинет». И с этим трудно спорить», — пишет авторитетный аналитик Зак Бошамп в издании *Vox Media*¹.

Между тем переход Трампа к политике «демонстрации мускулов» в подходе к проблеме Ирана, как и ожидалось, воспринят американцами в прямой зависимости от их отношения к самой фигуре Трампа. Так, преимущественно антитрамповская аудитория телекомпании *CNN* показала следующие результаты социологического опроса от 20 октября 2017 г.: $\frac{2}{3}$ респондентов против выхода США из «ядерной сделки» с Ираном, а $\frac{1}{3}$ — за выход или серьезную корректировку самой договоренности². Проведенный тогда же опрос телекомпанией *FOX News* показал, что основная аудитория этого консервативного канала сохраняет веру в своего президента: против сохранения сделки высказались 38% опрошенных, а за нее — 35%; при этом намерение Трампа выйти из договоренности назвали проявлением «жесткого подхода» только 14%; 25% сочли его недостаточным, а еще 44% назвали его «правильным». Иными словами, порядка 70% «базового электората» Трампа не только поддерживают его политику в отношении Ирана, но и согласились бы с ее ужесточением³.

Проведенные Трампом в марте перестановки среди «силовиков» в его окружении свидетельствуют о том, что глава Белого дома все больше сосредоточивается на «собственной аудитории», на ее группах поддержки, не активизируя усилия по разъяснению своей политики в отношении Ирана в других слоях американского общества. На данный момент можно констатировать, что ужесточающаяся риторика самого Трампа, проведенные им кадровые изменения, а также постоянная координация действий в данном аспекте с арабскими монархиями

¹ *Beauchamp Z.* John Bolton, Mike Pompeo, and the rise of Trump's war cabinet. *Vox*. 2018. March 23 (<https://www.vox.com/world/2018/3/23/17155796/john-bolton-trump-mike-pompeo-war-cabinet>).

² *Struyk B.* CNN poll: Two-thirds want to stay in Iran nuclear deal. *CNN*. 2017. Oct. 20 (<https://edition.cnn.com/2017/10/20/politics/poll-trump-iran-deal-north-korea/index.html>).

³ *Fox News Poll: Voters say Trump talk not helpful on Iran, North Korea.* *Fox News*. 2017. Sept. 28 (<http://www.foxnews.com/politics/2017/09/27/fox-news-poll-voters-say-trump-talk-not-helpful-on-iran-north-korea.html>).

и Израилем свидетельствуют о сокращении ставки администрации на методы «мягкой силы» и наращивании рычагов силового воздействия на Иран (методы «жесткой силы»).

Евросоюз в «критическом диалоге» с Ираном

После исламской революции 1979 г. отношения стран Европы с Ираном складывались не столь драматично, как у Соединенных Штатов. Это во многом объяснялось двумя факторами: первый — Европа изначально рассматривалась аятоллой Хомейни (первым Верховным правителем Ирана) как часть «коллективного Запада», внутри которого в качестве «Большого Сатаны» определялись Соединенные Штаты («Малым Сатаной» в Тегеране именовали Советский Союз), а роль Европы в риторике религиозного истеблишмента Исламской республики сводилась к «обслуживанию Большого Сатаны». Второе обстоятельство — сам аятолла Хомейни в 70-е гг. находил убежище во Франции, откуда он и прибыл в Тегеран в 1979 г., чтобы возглавить антишахскую революцию. Не случайно с тех пор многие аналитики нередко определяли отношения между иранским истеблишментом и Парижем как «особые».

Подчеркнем, что с приходом к власти иранские аятоллы почти всегда были склонны в большей мере воспринимать международные процессы скорее через призму идеологии, чем геополитики и практической выгоды. В рамках своей концепции они подразделяли враждебный им мир на «коммунистический» (СССР, Китай) и «либеральный», частью которого, разумеется, была Европа. Ислам же, в их понимании, призван вытеснить и сокрушить как коммунизм, так и либерализм. Окончательно же иранские аятоллы причислили Европу к «лагерю врагов» только в ходе ирано-иракской войны (1980—1988 гг.), поскольку тогда и «мир либерализма», и Советский Союз оказывали поддержку багдадскому режиму во главе с Саддамом Хусейном. И все же, оказавшись перед лицом обострившегося противостояния с ближайшими соседями в регионе — арабскими суннитскими монархиями Персидского залива, с одной стороны, и под нарастающим давлением США (политика президента Билла Клинтона «двойного сдерживания» Ирана и Ирака в 90-е гг.) — с другой, иранский истеблишмент начал смяг-

чать отношения со странами Евросоюза. Это неудивительно, поскольку из самого ЕС в адрес Тегерана на протяжении 90-х гг. поступали настойчивые сигналы к налаживанию полноценных отношений, но при одном на тот момент условии — отказа Ирана от ядерной программы военного назначения и отказа от производства баллистических ракет.

Показательно, что за период с 1977 г. и до конца 90-х гг., т. е. накануне революции и после нее, Иран оставался важным рынком сбыта западноевропейской продукции. Доля импорта из Западной Европы в Иран колебалась за указанные 20 лет вокруг отметок, близких к 50% (самые высокие показатели фиксировались в 1989–1992 гг. — 52%, а самые низкие — почти 45 % — в 1996–1998 гг.). И это при том, что доля импорта из США упала с 18,5% в 1978 г. до нулевой отметки в 1996 г.¹ Европейцы явно были не готовы расставаться со столь привлекательным рынком. В период президентства Мохаммада Хатами в конце 90-х гг., называвшегося «временем нового взаимопонимания» между Ираном и Европой, повышенную активность на иранском рынке проявляли компании из Франции, Германии и Великобритании. Примечательно, что во многих случаях, как уже упоминалось выше, европейские компании действовали на иранском рынке вопреки принятому в США в 1996 г. закону под названием «Санкционный акт против Ирана и Ливии» (*The Iran and Libya Sanctions Act — ILSA*). Европейским политикам тогда удавалось сглаживать с Вашингтоном проблемы, возникавшие из-за сотрудничества с Ираном в торгово-экономической сфере².

В основном в те годы и сформировалась более мягкая политическая линия европейцев («Евротройки» — Франции, Германии и Великобритании) в отношении Ирана и более жесткая — американцев, что напоминало политику «кнути и пряника». Впервые механизм «Евротройки» был запущен после того, как в 2002 г. получила распространение информация разведслужб о секретных ядерных объектах в Иране: европейцы поспешили

¹ Estelami H. A Study of Iran's Responses to U.S. Economic Sanctions. MERIA Journal. Volume 3. No 3. 1999. Sept. (<http://www.rubincenter.org/1999/09/estelami-1999-09-05>).

² Patterson R. EU Sanctions on Iran: The European Political Context. Middle East Policy. Volume XX. Spring. No 1 (<http://www.mepc.org/eu-sanctions-iran-european-political-context>).

тогда начать переговоры с Тегераном еще и с расчетом упредить готовившиеся администрацией Джорджа Буша-младшего более жесткие действия. В результате в 2004 г. в Париже было подписано соглашение о временной приостановке Ираном деятельности по переработке и обогащению урана. Однако избранный в августе 2005 г. радикально настроенный президент Махмуд Ахмадинежад возобновил обогащение урана, что повлекло за собой передачу «иранского досье» из Международного агентства по атомной энергии в Совет Безопасности ООН.

Начиная с 2006 г. СБ ООН принимает серию санкционных резолюций в отношении Ирана. Евросоюз с этого времени все больше склоняется к жесткой линии Соединенных Штатов, присоединяясь к санкциям ООН, а с 2010 г. вводит собственные санкции. Это происходит в три этапа: 26 июля 2010 г., 23 января 2012 г. и 15 октября 2012 г.¹ Похоже, что последний санкционный пакет европейцев (вкуче с США), блокировавший выход иранских энергоносителей на европейский рынок и изолировавший финансовую систему Ирана от мировой (отключение от *SWIFT*), отчасти повлиял на избрание иранцами в августе 2013 г. президента-«либерала» Роухани, обещавшего облегчить участь своих сограждан через возобновление переговоров между «шестеркой» и Тегераном.

В конечном счете в 2015 г. и было подписано СВПД, по условиям которого с начала 2016 г. Запад начал постепенно снимать отдельные санкции с Ирана и размораживать его финансовые активы в банках на территории ЕС и США в ответ на оговоренные шаги Тегерана. За последние два года фиксируется резкий взлет в торгово-экономических отношениях Ирана, прежде всего с Европой. Только в 2016 г. европейский экспорт в эту страну оценивался в 8,2 млрд евро (в основном это промышленные товары и оборудование); импорт же из Ирана в Европу составил 5,5 млрд евро (в основном — энергоносители). И тем не менее эти показатели на данный момент еще не достигли уровня до введения режима санкций (тогда ЕС был первым партнером Ирана, а в 2016–2017 гг. — только шестым)².

¹ Patterson R. EU Sanctions on Iran: The European Political Context. Middle East Policy. Volume XX. Spring. No 1 (<http://www.mepc.org/eu-sanctions-iran-european-political-context>).

² Countries and regions. Iran-European Commission. 2016. Jul. 7 (<http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/iran>).

Предвыборная риторика Дональда Трампа и его первые заявления по Ирану на президентском посту заметно обеспокоили европейские элиты, всерьез опасавшиеся срыва им СВПД. В ходе начавшихся весной 2017 г. контактов с командой Трампа по данному вопросу европейские переговорщики исходили из вновь подтвержденной единой позиции дипломатии Евросоюза: *СВПД остается неизменным и подлежащим исполнению в полном объеме; он должен быть «отделен» от других аспектов и перипетий региональной политики (на Ближнем Востоке и в Персидском заливе), но при этом «европейские правительства выражают свою готовность работать совместно с США по другим спорным вопросам, связанным с Ираном»*¹. Разъясняя свое понимание проблемы, официальные лица ЕС публично высказали озабоченность позициями Тегерана по региональным вопросам, эскалацией его противостояния с Саудовской Аравией, расширением ракетной программы, нарушением прав человека. Все эти моменты, подчеркивают европейские политики, тормозят нормализацию отношений ЕС с Ираном².

Главной же идеей Евросоюза было и остается – не отталкивать Иран, а притягивать его, налаживать взаимодействие через переговоры и конкретное сотрудничество, приносящее ощутимую отдачу и пользу. По словам главы европейской дипломатии Федерики Могерини, «Европа проявляет интерес и ответственность в том, что касается участия Ирана». И добавляет: «Все большее число европейских стран полагают, что методы дипломатии в отношениях с Ираном могут стать эффективным средством сокращения масштабов насилия и нестабильности на Ближнем Востоке»³.

Расхождения между США и Евросоюзом в видении иранской проблемы не только как таковой, связанной с ядерной программой, но и политики Тегерана в регионе в целом выразились в конкретных шагах на политическом уровне. Это часто оказывались шаги в разных направлениях: так, в мае 2017 г. в

¹ *Geranmayeh E.* The transatlantic divide on Iran-European Council on Foreign Relations. 2017. Dec. 19 (http://www.ecfr.eu/article/essay_the_transatlantic_divide_on_iran).

² *Ibid.*

³ *Sen A.* EU Seeks to Preserve Iran Nuclear Deal. Atlantic Council. 2017. Feb. 10 (<http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/mogherini-iran-russia-trump>).

Эр-Рияде Трамп выступил с угрозами в адрес Тегерана, а спустя несколько часов Евросоюз поздравил недавно избранного на новый срок президента Хасана Роухани¹. Новая волна угроз из Вашингтона в связи с испытаниями Ираном баллистических ракет в феврале 2018 г. выглядела диссонансом на фоне визита в начале марта в Тегеран главы МИД Франции Жан-Ива Ле Дриана с целью убедить иранское руководство прекратить испытания ракет, что могло бы предотвратить выход США из СВПД. Однако переговоры там закончились безрезультатно, а, как уже упоминалось выше, генерал Амир-Али Хаджизаде во время пребывания французского министра в Тегеране публично заявил о намерении КСИР продолжить испытания. Стороны подтвердили также и расхождения по проблеме сирийского урегулирования. Подводя итог своему визиту, Жан-Ив Ле Дриан дал понять, что до реального преодоления разногласий между Ираном и ЕС еще далеко (по его словам, «многое еще предстоит сделать»). И тем не менее он предложил налаживать сотрудничество там, где это возможно, например в сфере предотвращения гуманитарных катастроф².

Показательна и прозвучавшая во время визита французского министра оценка его иранским коллегой Мохаммадом Джавадом Зарифом ситуации вокруг СВПД. Он сказал следующее: «Многосторонняя сделка заключена с участием европейских государств, а сейчас СВПД становится объектом нелогичных и политически мотивированных махинаций со стороны США... Европа должна не только полностью выполнить свои обязательства по договору, но и убедить США сделать то же самое. Она не должна позволить США и далее выдвигать свои нелогичные и незаконные требования и тем самым препятствовать реализации соглашения»³.

Сложившаяся вокруг СВПД ситуация подводит к выводу: в треугольнике США–ЕС–Иран дипломатия Евросоюза склоняется к роли посредника между двумя остальными, все более расходящимися полюсами. Чтобы «исправить недостатки

¹ *Bologaro K.* EU Congratulates Rouhani on Iran election win. Politico. 2017. May 20 (<http://www.politico.eu/article/eu-congratulates-rouhani-on-iran-election-win>).

² *Al-Salmi A.* French FM in Iran... No Agreement on Ballistic Missile Program. Asharq Al-Awsat. 2018. March 6.

³ *Ibid.*

СВПД», США и страны «Евротройки» создали 22 января 2018 г. рабочую группу. По словам зам. госсекретаря США Стивена Голдстейна, стороны «пытаются разработать поправки, которые бы сделали это соглашение более прочным. И у нас есть временные рамки, поскольку это должно быть сделано до мая 2018 года»¹. Голдстейн также подчеркнул, что «это последний шанс» для сохранения сделки и при отсутствии обязательств от европейских союзников работать с Вашингтоном над исправлениями недостатков СВПД Белый дом больше не будет продлевать режим снятия санкций². Так и случилось: ниже мы подробнее рассмотрим обозначившиеся последствия выхода США из ядерной сделки с Ираном.

Заметим, что одновременно и сам Евросоюз становится объектом давления со стороны обоих полюсов – США и Ирана. Если США стремятся объединить усилия с ЕС для воздействия на Иран, то Иран пытается сблизиться с Евросоюзом (а также с другими участниками СВПД – с Россией и Китаем) для воздействия на Вашингтон. Чередуя ставки на «мягкую силу» (дипломатию, торговлю) и «жесткую силу» (реализацию ракетной программы), Тегеран явно рассчитывает вбить клин между Вашингтоном и Брюсселем.

При этом потенциал воздействия Тегерана на Брюссель заметно сокращался (явно нарастали расхождения между ними по другим региональным проблемам, например по Сирии и Йемену), а потенциал воздействия со стороны США вкупе с арабскими монархиями и Израилем возрастал. Так, в своем интервью изданию *The Wall Street Journal* 29 марта 2018 г. Мухаммед бен Салман, наследный принц Саудовской Аравии, призвал международное сообщество усилить экономические и политические санкции против Ирана, «чтобы избежать прямой военной конфронтации в регионе». По его словам, если санкции не будут достаточно эффективными, то в течение ближайших 10–15 лет может начаться война между Ираном и Саудовским королевством³.

¹ США и «евротройка» разработают поправки к СВПД. РИА Новости. 2018. 31 января (<https://ria.ru/world/20180131/1513734340.html>).

² *Stancati M.* Saudi Prince Calls for Stepped-Up Pressure on Iran // *The Wall Street Journal*. 2018. March 29 (<https://www.wsj.com/articles/saudi-prince-calls-for-stepped-up-pressure-on-iran-1522365518>).

³ *Ibid.*

Можно предположить, что в сложившихся условиях дипломатия Евросоюза будет ослаблять свою посредническую функцию между США и Ираном, все больше солидаризируясь на обновленной компромиссной платформе с США и арабскими монархиями для оказания сдерживающего, прежде всего санкционного, влияния на Иран.

Трамп выходит из соглашения с Ираном

Вопреки увещаниям глав ведущих европейских государств 8 мая 2018 г. Дональд Трамп объявил о выходе США из СВПД. При этом он призвал своих союзников в Старом Свете последовать его примеру. Большинство европейских политиков расценили действия Трампа как начало реализации негативного для них сценария. Эта тема, а точнее – утверждение ранее согласованной общей позиции ЕС, стала главной интригой проходившего в Софии 17 мая 2018 г. саммита Евросоюза. По его результатам уполномоченные представители ЕС заявили о намерении стран-членов продолжить выполнение условий договоренности с Ираном. В сложившейся ситуации европейцы решили пойти своим путем, предпочтя из двух зол меньшее, а именно – полагая, что очередные разногласия в отношениях с Вашингтоном могут быть преодолены «по-союзнически» и в достаточно скором времени, а перспектива возвращения Тегерана к обогащению урана может стать реальной угрозой для европейской безопасности в долгосрочной перспективе.

Отрицательный ответ глав европейских государств на призыв своего американского визави действительно выглядел в сложившихся обстоятельствах как вызов, как угроза того, что евроатлантическая солидарность начинает пробуксовывать и даже давать трещину.

Пожалуй, особенно жестко после саммита прозвучали такие слова Дональда Туска, председателя Евросовета: «В отношении ядерной сделки с Ираном мы пришли к единодушному согласию о том, что ЕС должен оставаться в рамках СВПД так долго, пока Иран полностью выполняет свои обязательства по этому документу. Кроме того, комиссии дан зеленый свет мобилизовать все возможности для отстаивания европейских ин-

тересов в случае нанесения им ущерба... Реальная геополитическая проблема — это не когда у вас непредсказуемый противник или враг или партнер, а когда ваш ближайший друг непредсказуем. Сейчас это не шутка. Это суть нашей проблемы сегодня с нашими друзьями на другой стороне Атлантики»¹.

Ущерб в данной ситуации, понятно, может быть нанесен только американскими санкциями, значительную часть которых Вашингтон был намерен восстановить уже к началу августа. Они предполагают целый набор карательных мер в отношении тех иностранных компаний, которые продолжают к тому времени свою деятельность на рынке Ирана: от значительного штрафа до лишения этих компаний прав сбывать свою продукцию на рынке американском.

Столь необычно жесткая для евро-атлантических союзников стилистика европейского ответа на призывы Вашингтона, скорее всего, побудит Белый дом к новым демаршам в отношении европейцев. Эта реакция вряд ли смягчит готовящиеся в недрах Минфина США санкции, хотя до саммита в Софии появлялись признаки их возможной корректировки в виде «точечного изъятия» отдельных европейских компаний из-под санкционного навеса (такая возможность проговаривалась во время апрельской встречи Трампа в Вашингтоне со своими европейскими визави — Эммануэлем Макроном и Ангелой Меркель). Впрочем, еще накануне упомянутого саммита Хайко Маас, глава МИД Германии, признавал публично, что шансов остановить возобновление американских санкций мало. «Я не вижу простого решения, как оградить компании от рисков, связанных с американскими санкциями», — сказал Маас². А потому в штаб-квартирах ведущих европейских концернов уже начали просчитывать худшие для них варианты развития событий.

¹ США добавили тем Балканскому саммиту ЕС // Euronews. 2018. 17 мая (<http://ru.euronews.com/2018/05/17/balkan-summit-us>); ЕС готов расширяться на Балканы и спорить с США // Euronews. 2018. 17 мая (<http://ru.euronews.com/2018/05/17/eu-balkans-summit-results>).

² Баталов Н. Глава МИД ФРГ пессимистично оценил шансы немецких фирм на продолжение бизнеса в Иране // DW. 2018. 13 мая (<https://www.dw.com/ru/глава-мид-фрг-пессимистично-оценил-шансы-немецких-фирм-на-продолжение-бизнеса-в-иране/a-43761626>).

Выход администрации Дональда Трампа из многостороннего соглашения по иранской ядерной программе создал серьезное напряжение в отношениях между евро-атлантическими союзниками (США и Европой). Европейцев смущает не только перспектива возвращения к прежнему режиму санкций с Ираном и, следовательно, утраты, казалось бы, уже отлаженных каналов торгово-экономического взаимодействия с этой страной, но и подталкивание Вашингтоном Евросоюза согласиться с нарушением правил международного поведения, когда европейцев, по сути, принуждают пересмотреть или даже отказаться от утвержденного Совбезом ООН соглашения (СВПД) без явных признаков нарушения этого документа со стороны контрапартнера — Ирана.

На этом фоне Евросоюз переходит к оборонительным действиям перед лицом своего заокеанского союзника: на саммите ЕС в Софии 17 мая 2018 г. председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер призвал европейцев не просто сохранить соглашение по ядерной программе Ирана, но и реактивировать так называемое «блокирующее постановление» («Blocking Statute»), принятое более 20 лет назад.

По словам Юнкера, суть и конкретные предписания этого документа запрещают европейским компаниям выполнять американские санкции против Ирана. Данная законодательная норма была принята в 1996 г. в ходе уже упоминавшегося выше конфликта вокруг американских санкций, введенных против Кубы, Ирана и Ливии, но так и не была востребована, поскольку тогда недопонимание между Вашингтоном и Брюсселем удалось преодолеть. Таким образом, весной 2018 г. сложилась своеобразная ситуация, когда выход США из договоренностей по ядерной программе Ирана поддержали большинство арабских стран и Израиль (ближневосточные партнеры Вашингтона), а критиковали администрацию Трампа ближайшие союзники США по НАТО (страны Евросоюза), а также Россия и Китай.

Вопрос, однако, в том, в какой мере применение «блокирующего постановления» сможет избавить европейские компании от главной угрозы — удара американских санкций, а в какой — еще больше подогреть недовольство в Белом доме столь

демонстративно протестной (против позиции США) акцией? Скорее всего, как представляется, прав глава МИД Германии – европейским компаниям следует готовиться к американским санкциям: на нарушителей санкционного режима будут наложены штрафы, а их американские бизнес-партнеры будут вынуждены расторгнуть с ними деловые отношения. Тот факт, что европейские компании будут при этом строго соблюдать европейские законы, никоим образом не оправдывает их с точки зрения Вашингтона, который может наказать европейцев, минуя сложное международное торговое и коммерческое право, а точнее – посредством воздействия на их бизнес-интересы в Америке. По сути, европейские предприятия оказываются перед коммерческим выбором, какой рынок сбыта – американский или иранский – им важнее. С учетом того, что США являются главным внешнеторговым партнером значительного числа государств Старого Света, выбор большинства фирм представляется очевидным.

Вряд ли останется незамеченным в Вашингтоне и тот факт, что свой выбор европейцы сделали в том числе и под воздействием мощной лоббистской кампании Тегерана. Глава иранского МИД Мохаммад Джавад Зариф после посещения Китая и России 15 мая 2018 г. прибыл в Брюссель, где провел ряд встреч со своими европейскими коллегами в преддверии саммита в Софии. Вскоре стало очевидно, что медийная стратегия Тегерана направлена на «вбивание клина» между евро-атлантическими партнерами – США и ЕС. Шаблонными в этом плане можно считать частые выступления в европейских СМИ иранского посла при ЕС Пеймана Саадата. Так, в интервью *Euronews* он сказал следующее: «Если Европа решит при администрации Трампа уделить первоочередное внимание трансатлантическим связям, она рискует оказаться на пути, который идет вразрез с ее собственными принципами и ценностями и лишь подрывает ее суверенитет и авторитет»¹.

При этом иранцы пытаются аккуратно припугнуть политиков Старого Света перспективой дестабилизации положения на Ближнем Востоке в целом в случае краха «ядерной сделки». Так, по словам того же Пеймана Саадата, «Европа должна про-

¹ Асланьян А. «Спокойствие Ирана не следует переоценивать» (посол Ирана при ЕС) // *Euronews*. 2018. 5 июня (<http://ru.euronews.com/2018/06/05/iran-ambassador-ru>).

тивостоять США и предпринять действия, чтобы остановить Дональда Трампа на пути расторжения ядерной сделки, которая до сих пор помогала поддерживать стабильность на Ближнем Востоке... СВПД – это стратегический гарант стабильности и мира на региональном и международном уровне»¹.

Одновременно активную кампанию воздействия на Европу развернул и аппарат руководителя ядерной программы Ирана Али Акбара Салехи. 19 мая на совместной пресс-конференции с еврокомиссаром по вопросам климата и энергетики Мигелем Ариасом Каньете в Тегеране Салехи заявил, что Иран готов вернуться к обогащению урана до уровня 20%, если Европа не выполнит условия «ядерной сделки». По его словам, власти Ирана намерены выждать несколько недель, чтобы понять, что произойдет с «ядерной сделкой» после выхода из нее США. В ответ Каньете заверил иранских партнеров, что страны ЕС не только продолжат выполнять условия договоренности, но и планируют увеличить торговый оборот с Ираном. «Мы сообщили нашим иранским друзьям, что пока они будут выполнять условия соглашения, европейцы будут придерживаться своих обязательств (по договору). Мы попробуем увеличить объем торговли, которая была очень позитивна для иранской экономики»². Многие обозреватели отмечают, что заявление Салехи в присутствии Каньете о том, что «США показали, что им нельзя доверять в международных делах», воспринималось почти как совместная оценка позиции Белого дома со стороны Тегерана и Брюсселя.

На этом фоне возраставшего взаимопонимания между Брюсселем и Тегераном из Вашингтона прозвучали весьма резкие слова в адрес Ирана в связи с СВПД. На сей раз точки расставил новый госсекретарь Майк Помпео в ходе своего выступления в консервативном «мозговом тресте» «Фонд Наследие» (Heritage Foundation). По его словам, США намерены ввести в отношении Ирана «самые жесткие санкции за всю историю»

¹ Асланьян А. «Спокойствие Ирана не следует переоценивать» (посол Ирана при ЕС) // *Euronews*. 2018. 5 июня (<http://ru.euronews.com/2018/06/05/iran-ambassador-ru>).

² Демидова О. Комиссар ЕС в Иране подтвердил приверженность ядерному соглашению // *DW*. 2018. 19 мая (<http://www.dw.com/ru/комиссар-ес-в-иране-подтвердил-приверженность-ядерному-соглашению/a-43849326>).

этой страны, в результате действия которых «Ирану придется бороться за выживание его экономики»¹. При этом глава Госдепартамента впервые перечислил несколько условий, которые Тегерану необходимо выполнить для заключения новой сделки. Среди них — ликвидация программы производства баллистических ракет, вывод иранских войск из Сирии и прекращение поддержки повстанцев в Йемене. А также следующие условия:

— предоставить МАГАТЭ полный отчет о своей прошлой деятельности в ядерной области, сопровождаемое бессрочным обязательством не возобновлять эту деятельность;

— прекратить «угрожающее поведение» в отношении соседей, включая «угрозы уничтожить Израиль и запуск ракет в Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты»;

— освободить всех граждан США и американских союзников, которые удерживаются в Иране по ложным обвинениям².

Помпео уточнил, что санкции будут сняты, когда Вашингтон увидит реальные изменения в политике Ирана. «Мы окажем беспрецедентное финансовое давление на иранский режим. Лидеры в Тегеране несомненно почувствуют нашу серьезность. У Ирана больше не будет карт-бланша, чтобы доминировать на Ближнем Востоке», — заключил госсекретарь США³. При этом глава дипломатического ведомства США призвал Иран начать новый раунд переговоров для заключения новой «полноценной сделки»⁴.

В том же, что касается карательных мер в отношении иностранных компаний, которые продолжают свою деятельность на рынке Ирана (от значительного штрафа (американским компаниям) до лишения прав сбывать свою продукцию на американском рынке для иностранных корпораций), то европейские компании, скорее всего, не станут исключением. Это, в частности, следует из заявления советника Трампа по национальной безопасности Джона Болтона. В своем интервью для телекомпании CNN он пояснил, что санкции вполне могут быть

¹ *Remarks Mike Pompeo. After the Deal: A New Iran Strategy // U.S. Department of States. 2018. May 21* (<https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/05/282301.htm>).

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Sanger D. U.S. Wants to Restart Nuclear Talks With Iran, but Hasn't Budged on Demands // The New York Times. 2018. May 18.*

наложены на европейские компании. И добавил: «Это зависит от поведения правительств данных европейских государств»¹.

На этом фоне уже в начале июня 2018 г. стала проявляться паника в среде крупнейших корпораций, в частности, во Франции и Германии. Это и понятно: французский энергетический гигант Total, например, только годом раньше заключил с иранскими партнерами сделку по добыче газа на сумму в 5 млрд долл., а авиастроительный гигант Airbus уже начал поставлять свои самолеты иранской компании Iran Air в рамках многомиллиардного (в долларовом исчислении) контракта. Эти поставки приостановлены, поскольку некоторые составляющие Airbus производит по американской лицензии². Кстати, вскоре после этого приостановила свою деятельность в Иране и американская авиастроительная корпорация Boeing, у которой власти США отозвали экспортную лицензию³.

4 июня 2018 г. стало известно, что руководство еще одного французского гиганта — автомобильного концерна PSA (Peugeot) — приняло решение приостановить свою деятельность в Иране. Представитель корпорации пояснил, что при поддержке французского правительства концерн развивает контакты с властями США, чтобы добиться исключения из американских санкций против Тегерана. Это и не удивительно, поскольку — в отличие от американского рынка — деятельность данной компании в Иране приносит ей только один процент годового оборота⁴. В Германии скандальный резонанс приобрел демарш американского посла Ричарда Гренелла, который оставил в Твиттере следующую запись: «Немецким компаниям, делающим бизнес в Иране, лучше побыстрее его свернуть»⁵.

¹ *Vazquez M., Westwood S. Bolton says 'it's possible' US sanction European companies working with Iran // CNN. 2018. May 13* (<https://edition.cnn.com/2018/05/13/politics/john-bolton-iran-deal-cnntv/index.html>).

² *Ibid.*

³ *Boeing Aborts 2 Large Contracts with Iran // Asharq Al-Awsat. 2018. Jun. 7.*

⁴ *Французский автоконцерн PSA уходит из Ирана // DW. 2018. 6 июня* (<http://www.dw.com/ru/французский-автоконцерн-psa-уходит-из-ирана/a-44074164>).

⁵ *Germans chide US envoy Grenell for call to 'empower' right // BBC News. 2018. Jun. 4* (<https://www.bbc.com/news/world-us-canada-44352779>).

В ответ на жесткие заявления Помпео и Болтона Верховный лидер Ирана (рахбар) аятолла Али Хаменеи выдвинул 23 мая 2018 г. ряд своих условий Евросоюзу, соблюдение которых позволит сохранить приверженность Тегерана ядерной сделке. По его словам, Европа должна перестать настаивать на прекращении программы производства баллистических ракет, а также должна гарантировать Ирану благоприятные условия для продажи его нефти. В случае если США нанесут ущерб этим продажам, европейские государства должны его возместить. Кроме того, иранский лидер потребовал от европейских банков гарантий продолжения торгового сотрудничества. Помимо прочего, Европа должна принять резолюцию, которая осудит США за нарушение резолюции 2231, в которой поддерживается ядерная сделка с Ираном¹.

Иранский рахбар подчеркнул, что его страна не намерена затевать конфликт с Германией, Францией и Великобританией, но европейские гранды должны доказать, что они работают над ядерным соглашением. «Если европейцы не решатся ответить на наши требования, то Иран оставляет за собой право возобновить ядерную программу», — заявил Хаменеи². Как видно, Тегеран наращивает усилия, с тем чтобы углубить расхождения между Евросоюзом и Соединенными Штатами.

СВПД: взгляд из Европы

Эти расхождения, пожалуй, самые значимые между евроатлантическими партнерами, возможно, за всю послевоенную историю. На наш взгляд, их причину не следует сводить к так называемым «легкомыслию» или «некомпетентности» 45-го президента США. Более того: именно к этой позиции США тяготеют как большинство арабских стран (особенно главный прозападный блок — арабские монархии Персидского залива), так и Израиль. Забегая вперед, заметим, что по существу выдвину-

¹Iran's top leader sets conditions for Europe to save nuclear deal // Reuters. 2018. May 23 (<https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-khamenei-conditions/irans-top-leader-sets-conditions-for-europe-to-save-nuclear-deal-idUSKCN110331>).

²Ibid.

тых Белым домом аргументов в оправдание его позиции у лидеров ведущих стран Евросоюза возражений нет. Но они возникают при обсуждении вопроса *КАК решать данную проблему*.

Вот как оценивает группа европейских аналитиков сложившееся положение в подходе евро-атлантических партнеров к проблеме Ирана: «Франция, Германия и Великобритания решительно отвергает такие, по их мнению, проявления иранской политики, как “дестабилизирующая” роль в Сирии, усиление угрозы для Израиля, поддержка шиитской милиции в Ливане и Ираке, поддержка боевиков хути в Йемене и способствование распространению ракетных программ в регионе. Европейские правительства хотели бы, чтобы Иран выступил в роли арбитра для стабилизации региональных конфликтов... Но мнения расходятся (европейцев с США. — *А.Ш.*) в вопросе, а что можно реально ждать от Ирана в этом отношении, а также в том, что касается оценки эффективности санкций как средства воздействия на Иран»¹.

Итак, каковы основные претензии администрации Трампа к своему предшественнику (Барак Обама) и европейским партнерам по заключенной ими «сделке» с Ираном (СВПД). Во-первых, уверяет команда Трампа, *эта договоренность только оттягивает процесс получения Ираном ядерного оружия, а не кладет ему конец*. И в этом плане глава Белого дома склонен солидаризироваться с израильским премьер-министром Биньямином Нетаньяху, который утверждает, что по прошествии определенного периода времени Тегеран обретет уже «законное право» (сейчас оно отрицается мировым сообществом, а по результатам реализации СВПД оно оказывается признанным) на обогащение урана (а по сути — на производство ядерного оружия) «только потому, что перевернулся листок календаря»². Нетаньяху потребовал изменить или отменить соглашение по ядерной программе Ирана³. Во-вторых, договоренность не на-

¹Barnes-Dacey J., Geranmayeh E., Lovatt H. The Middle East's new battle lines // European Council of Foreign Relations. http://www.ecfr.eu/mena/battle_lines.

²Rizzo S., Kelly M. Fact-checking President Trump's reasons for leaving the Iran nuclear deal // The Washington Post. 2018. May 9.

³Нетаньяху потребовал изменить или отменить соглашение по ядерной программе Ирана // ТАСС. 2017. 19 сентября (<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4575233>).

кладывает на Иран ограничений по производству баллистических ракет (радиуса действия – от 2 до 5 тыс. километров), что якобы является составной частью общей программы обретения Ираном оружия массового поражения (баллистические ракеты создаются не для того, чтобы оснащаться обычным боезарядом, а только ядерным). В-третьих, договоренность не предполагает ограничения региональной экспансии Ирана, а, наоборот, – содействует ей, поскольку иранцы получают значительные средства от резко возросших объемов торговли с Европой (прежде всего энергоносителями), которые, мол, расходуются на «военные авантюры» и «террористические операции» «Корпуса стражей иранской революции» в соседних арабских странах¹.

Можно ограничиться этими тремя аргументами Белого дома, даже оставив в стороне ряд других, включая и известные утверждения Б. Нетаньяху о том, что его правительство располагает «надежной информацией», подтверждающей тот факт, что и сегодня Иран якобы разворачивает «секретную программу» производства ядерного оружия в нарушение действующего СВПД². Европейцы, как выяснилось по результатам вышеупомянутых визитов французского президента и германского канцлера в Вашингтон в апреле 2018 г., склонны согласиться с перечисленными тремя аргументами администрации Трампа. Разъясняя свое понимание проблемы, официальные лица ЕС публично высказали озабоченность позициями Тегерана по региональным вопросам (Сирия, Йемен, Ирак), эскалацией его противостояния с Саудовской Аравией, расширением ракетной программы, нарушением прав человека. Все эти моменты, подчеркивают европейские политики, тормозят нормализацию отношений ЕС с Ираном. Со своей же стороны, они предлагают начать работу (переговоры) с Тегераном по решению данных проблем, сохраняя при этом в неизменном виде нынешнее СВПД. В случае достижения компромиссов по указанным позициям лидеры европейских государств предлагают оформить их либо в виде дополнительного соглашения, либо

¹ *Rizzo S., Kelly M.* Fact-checking President Trump's reasons for leaving the Iran nuclear deal // The Washington Post. 2018. May 9.

² *Landau N.* Netanyahu: Iran Nuclear Deal Is Based on Lies – Here's the Proof // Haaretz. 2018. May 29 (<https://www.haaretz.com/middle-east-news/pm-expected-to-reveal-how-iran-cheated-world-on-nuke-program-1.6045300>).

внести изменения в действующий документ. Европейцев явно пугает перспектива разрушения последнего: в этой связи канцлер Ангела Меркель задается вопросом – «Станет ли Европе и миру лучше в случае отказа от нынешнего соглашения?» – и дает на него отрицательный ответ. Она заверила президента Ирана Хасана Роухани в том, что Германия, так же как Франция и Великобритания, намерена придерживаться условий СВПД. Однако она уточнила в ходе телефонного разговора с Роухани, что необходимо «начать переговоры в расширенном кругу стран-участниц с Ираном о его ракетной программе и региональной политике, в том числе в Сирии и Йемене». А это уже выглядит как сигнал о готовности германского правительства в большей степени ориентироваться на позицию Вашингтона¹.

В своей основе, как представляется, позиция Евросоюза во многом остается производной от экономического фактора. Дело в том, что, как уже указывалось выше, за последние два года обозначился резкий взлет в торгово-экономических отношениях Ирана прежде всего с Европой. Поэтому, говоря о необходимости сохранения принципов и рамок СВПД, европейские политики, пожалуй, в первую очередь подразумевают свое стремление сохранить торгово-экономический статус-кво в отношениях с Ираном или даже наращивать товарооборот². И это в условиях, когда из Тегерана подаются четкие сигналы о неготовности приступить к новому раунду переговоров с целью дополнения или пересмотра ныне действующего³. В этой связи заявление главы внешнеполитической службы ЕС Федерики Могерини о том, что СВПД не нуждается ни в дополнении, ни в изменении⁴, свидетельствует прежде всего об осознании

¹ *Ромашенко С.* Меркель заверила Иран в приверженности атомной сделке // DW. 2018. 10 мая (<http://www.dw.com/ru/меркель-заверила-иран-в-приверженности-атомной-сделке/a-43734664>).

² *Демидова О.* Комиссар ЕС в Иране подтвердил приверженность ядерному соглашению // DW. 2018. 19 мая (<http://www.dw.com/ru/комиссар-ес-в-иране-подтвердил-приверженность-ядерному-соглашению/a-43849326>).

³ *Iran says nuclear deal with major powers not renegotiable* // Reuters. 2018. Jan. 13 (<https://www.reuters.com/article/iran-nuclear-usa/iran-says-nuclear-deal-with-major-powers-not-renegotiable-idUSL1N1P71T9>).

⁴ *Чевтаева И.* Могерини отвергла любые попытки пересмотра соглашения с Ираном // DW. 2017. 13 декабря (<http://www.dw.com/ru/мо>

политическим истеблишментом ЕС невозможности изменить данный документ — Иран, судя по всему, на это не пойдет. Вскоре и Ангела Меркель признала, что в условиях возрастающих угроз американских санкций контрмеры ЕС не в состоянии исправить ситуацию и многие европейские компании попросту уйдут из Ирана¹.

Напряженность внутри евро-атлантического сообщества в связи с Ираном продолжает нарастать. Заметим, что ответ ЕС администрации Трампа лежит в основном в политической плоскости (попытка утвердить свою независимую позицию), а потому он может повлечь за собой политические последствия в большей степени, чем экономические. В Вашингтоне позиция ЕС по иранской сделке скорее всего будет воспринята как вызов, как стремление Евросоюза дистанцироваться от США в данном вопросе. Трудно предвидеть, что в экономическом плане принимаемые Евросоюзом меры по защите своих компаний в Иране вряд ли окажутся эффективными: бизнесменам придется выбирать между рынками иранским или американским. Также нетрудно предсказать, что в условиях разногласий и соперничества между США и ЕС по иранской проблеме прозападный блок государств на Ближнем Востоке (большинство арабских стран и Израиль) будет склоняться к поддержке Вашингтона, а не Брюсселя. Первые сигналы о намерении, например, арабских монархий начать оказывать давление на Евросоюз последовали достаточно быстро: как сообщил журнал *Der Spiegel* 25 мая 2018 г., недовольная политикой Германии на Ближнем Востоке Саудовская Аравия прекращает заказы у немецких фирм. Соответствующее внутреннее распоряжение государственным учреждениям отдал накануне наследный принц Мухаммед бен Сальман ас-Сауд². По данным издания, под санкции попали такие крупные немецкие концерны, как Siemens, Bayer и Boehringer, которые уже многие годы интенсивно со-

герини-отвергла-любые-попытки-пересмотра-соглашения-с-ираном/a-41767411).

¹ Жуковский И. Делать нечего: европейские компании уйдут из Ирана // Газета.ru. 2018. 24 мая (https://www.gazeta.ru/politics/2018/05/24_a_11762005.shtml).

² Koelbl S. Reception Grows Frosty for German Firms in Saudi Arabia // Spiegel. 2018. May 25 (<http://www.spiegel.de/international/business/reception-grows-frosty-for-german-firms-in-saudi-arabia-a-1209576.html>).

трудничают с министерством здравоохранения в Эр-Рияде. Запрет на заказы распространяется и на автоконцерн Daimler, который должен был поставить сотни автобусов для Эр-Рияда и Джидды¹. Аналогичные сигналы посылают Евросоюзу и израильские политики: так, 10 июня 2018 г. премьер-министр Нетаньяху под формальным предлогом («чрезмерной занятости») отказался принять в Иерусалиме главу внешнеполитической службы ЕС Федерику Могерини. В результате она предпочла и вовсе отменить свой визит в Израиль².

Нетрудно предвидеть, что позиция Ирана будет определяться соотношением сил между двумя центрами — Вашингтоном и Брюсселем, а точнее — в рамках соотношения политик «кнута» (США) и «пряника» (Евросоюз). При этом Тегеран будет всячески пытаться «вбить клин» в отношения между евроатлантическими партнерами (в первую очередь, надо полагать, ценовой политикой — снижая цены на свою продукцию в Европе). Одновременно следует ожидать усиления роли «ястребов» в принятии внешнеполитических решений в Тегеране. При этом между самими двумя центрами евроатлантического партнерства (США и Евросоюз) напряженность в связи с Ираном, скорее всего, будет постепенно снижаться. Можно ожидать реализации следующей схемы: Вашингтон дает возможность (и призывает) европейцев вывести Иран на новые переговоры, не слишком злоупотребляя санкциями в отношении европейских компаний; попытка возобновления переговоров, скорее всего, закончится неудачей, одновременно европейские компании будут сокращать свое присутствие в Иране, что в конечном счете приведет к аналогу положения дел в отношениях ЕС с Ираном накануне заключения СВПД.

¹ Ibid.

² EU policy head cancels appearance in Jerusalem after Netanyahu declines meeting // JTA. 2018. Jun. 10 (<https://www.jta.org/2018/06/10/news-opinion/eu-policy-head-cancels-appearance-jerusalem-netanyahu-declines-meeting>).

Глава II

Сирийский узел: Евросоюз в альянсе с США

Александр Шумилин

В подходе к сирийской проблеме между Евросоюзом и США не проявляется сколь-либо серьезных разногласий — как это происходит в случае с Ираном. Более того, заявления Дональда Трампа о его готовности вывести американские подразделения с территории Сирии вызвали замешательство и возражения со стороны лидеров Старого Света. Судя по всему, европейцы не готовы брать на себя обязательства стать ведущей политической и военной силой в международной коалиции по борьбе с ИГИЛ. Они в основном последовательно солидаризируются с Соединенными Штатами как в осуществлении боевых операций против ИГИЛ в Сирии и Ираке, так и в переговорном процессе на обеих площадках — Женевы и Астаны.

Развитие событий в Сирии и вокруг нее за последние два года показали, что военными средствами можно извлечь страну от группировок иностранных джихадистов, но погасить собственно внутрисирийский конфликт (гражданскую войну) невозможно. Требуется политическое решение, причем только в широком формате Женевского процесса, который не может быть подменен «форматом Астаны», несмотря на полезность последнего.

На протяжении последних двух лет события вокруг сирийского кризиса определялись следующими основными факторами: практическим сворачиванием двустороннего формата дипломатического взаимодействия по Сирии между США и Россией; реализацией новой администрацией в Вашингтоне стратегии сдерживания Ирана и форсирования разгрома запрещенной в России группировки «Исламское государство»; переориентацией Россией (совместно с Ираном и правитель-

ством Башара Асада) основных военных усилий с западной и центральной частей Сирии на восточные районы как для разгрома ИГ, так и для сдерживания наступления международной коалиции против ИГ с востока и севера: запуском переговорного процесса в Астане с выходом на переговоры в Женеве; нарастающим вовлечением Израиля в сирийский конфликт.

Главный вектор развития событий в Сирии и вокруг нее в 2017 г. был задан форсированием «тройственной коалицией» (Россия, Иран, правительство Сирии) операции по освобождению восточной части города Алеппо от оппозиционных Башару Асаду группировок в сентябре-октябре 2016 г. Завершение этой операции перевело военно-политическую ситуацию в стране в новое состояние. Ниже рассмотрим внешнее и внутреннее измерения этой ситуации.

«После Алеппо» — Астана

Важным политическим последствием действий «тройки» стал выход США из режима дипломатического диалога с Россией в результате срыва достигнутой 9 сентября 2016 г. договоренности между Москвой и Вашингтоном по «дорожной карте» окончания кровопролития в Сирии. Эта договоренность, утверждали в Госдепартаменте, была нарушена авианалетами на грузовики гуманитарного конвоя ООН 12 сентября, а также начавшимися 21 сентября «масштабными атаками» на восточную часть Алеппо войск Асада, шиитской группировки «Хезболла» при авиационной поддержке ВКС России.

Заметим, что по договоренности от 9 сентября партнеры России в Сирии должны были воздерживаться от боевых действий в городе, чреватых усугублением гуманитарной катастрофы. В результате 3 октября Джон Кирби, официальный представитель Госдепартамента, заявил, что «Соединенные Штаты приостанавливают свое участие в двусторонних каналах общения с Россией, созданных для обеспечения прекращения боевых действий»¹. А 7 октября уже и госсекретарь Джон

¹ США прекратили двустороннее общение с Россией по Сирии // РБК. 2016. 3 октября (<http://www.rbc.ru/politics/03/10/2016/57f2960f9a7947f2619f462f>).

Керри обвинил Россию в совершении «военных преступлений» в Алеппо¹.

В сложившихся условиях к началу 2017 г. представлялось маловероятным возвращение к переговорам в Женеве. Тогда Россия, заинтересованная в налаживании переговорного процесса по сирийскому урегулированию, пошла на создание нового формата с участием в качестве гарантов трех основных стран, непосредственно задействованных на поле боя в Сирии (помимо самой России), – Ирана и Турции и ряда умеренных оппозиционных группировок. Первые переговоры в новом формате состоялись в столице Казахстана 23–24 января 2017 г. В них принял участие спецпосланник ООН по Сирии Стаффан де Мистура. Присутствие США было сведено к функции наблюдателя, в роли которого выступил американский посол в Казахстане Джордж Крол. Россия и Турция проявили заинтересованность в расширении роли США в переговорах, предложив американцам направить в Астану полноформатную делегацию. Однако Вашингтон отклонил это предложение (формально из-за начавшейся процедуры смены власти в Белом доме). Важно, однако, отметить, что против участия представителей Вашингтона в новом формате переговоров выступил Иран.

Изначально стратегической задачей переговорного процесса в Астане было обеспечить диалог между правительством Асада (его делегацию возглавлял постоянный представитель Сирии в ООН Башар Джаафари) и противостоящими ему боевыми группировками оппозиции. Делегацией оппозиции руководил Мохаммед Аллуш, лидер боевой организации «Джейш уль-Ислам» (в России считается террористической группировкой), поскольку Высший комитет по переговорам сирийской оппозиции (ВКП, политический орган под руководством Рияда Хиджаба) воздержался от участия во встрече в Астане. Приглашение «боевиков», а не «политиков» свидетельствовало об определенных изменениях в подходе России, которая до того предпочитала иметь дело с группами «мирной оппозиции» Асаду.

Добиться прямых контактов между сирийскими сторонами в Астане не удалось. Оппозиционеры также игнорировали общение с представителями Ирана, действуя через посредничество делегаций России и Турции. Не проявлял особой гибкости

и официальный Дамаск, отказавшийся рассматривать выдвинутые оппозицией условия продления режима прекращения огня, достигнутого в декабре 2016 г. В свою очередь оппозиция отвергла подготовленный Москвой проект новой сирийской конституции, предусматривавшей децентрализацию государственной власти, усиление парламента (как противовес власти президента), а также – по сути – открывал перед Асадом перспективы сохранения президентских полномочий на новый срок.

В результате первая встреча в Астане завершилась без подписания совместного коммюнике сирийскими сторонами, но страны-гаранты выступили с совместным заявлением, в котором выразили приверженность принципам суверенитета и территориальной целостности Сирии и оговорили невозможность военного решения конфликта. До конца октября 2017 г. последовали еще шесть раундов встреч в Астане. Основным их результатом стало согласование положения о совместной оперативной группе по мониторингу режима прекращения боевых действий в Сирии и подписание странами-гарантами меморандума о создании зон деэскалации в Сирии, направленного на прекращение насилия и сохранение единства и территориальной целостности этой страны.

Факт отсутствия или неполноценного участия во встречах в Астане важных политических игроков (США, Евросоюза, арабских монархий Персидского залива), а также сохранившиеся противоречия в позициях сторон дали основание организаторам заявить, что формат Астаны не может рассматриваться как замена Женеве, а может лишь как дополнение к ней. «В действительности то, что происходит в Астане, увеличивает шансы на успех политического процесса в Женеве», – подытожил позднее де Мистура¹.

«После Алеппо» – Женева

Наращивание в конце 2016 – начале 2017 г. интенсивности боевых операций армией Башара Асада при поддержке Ирана

¹ Межсирийские переговоры под эгидой ООН в Женеве (2016–2017) // РИА Новости. 2017. 10 июля (<https://ria.ru/spravka/20170710/1497980585.html>).

и России отразилось на ведущихся с 2015 г. в Женеве межсирийских переговорах под эгидой Стаффана де Мистуры. 3 февраля глава ВКП сирийской оппозиции Рияд Хиджаб заявил, что его делегация покидает Швейцарию и не вернется, пока не будут приостановлены боевые действия стороной Б. Асада. Лидер ВКП отметил, что правительство Сирии «привело переговоры к провалу». В МИД России пояснили, что делегация ВКП покинула переговоры в Женеве из-за «успешных действий сирийской армии против террористов под Алеппо»¹. В результате офис де Мистуры распространил заявление, в котором с 5 февраля объявлял паузу в межсирийских переговорах на женевской площадке.

После достигнутого 27 февраля при посредничестве России и США временного прекращения огня между противостоящими сирийскими группировками (на террористические организации ИГИЛ и Фронт ан-Нусра оно не распространялось) на протяжении марта и апреля команда де Мистуры пыталась возобновить полноценные контакты в Женеве, но происходило это без видимого прогресса по существу (делегации приезжали, делали заявления и покидали Швейцарию). Повестка спецпосланника ООН тогда сводилась к попытке начать диалог по самому острому вопросу — о политическом переходе в Сирии. Позиция же сторон на тот момент оставалась полярной: ВКП настаивал на имплементации положений Женевского коммюнике 2012 г., а делегация Дамаска предлагала собственную интерпретацию базовых женевских документов. В результате де Мистура попытался возобновить прерванный после отбытия делегации ВКП диалог уже с более сговорчивыми группами сирийских оппозиционеров, известных как «Московская платформа», «Каирская группа» и «группа Хмеймим» (последняя сформирована из представителей племен, расположенных поблизости от базы российских ВКС в Сирии). Эти усилия спецпосланника также не увенчались успехом.

Одновременно в феврале-марте предпринимались попытки самими оппозиционерами согласовать общую платформу. Инициатором этих усилий стало руководство ВКП, которое провело встречу с «Каирской группой» в Женеве (24 февраля)

¹ Межсирийские переговоры под эгидой ООН в Женеве (2016–2017) // РИА Новости. 2017. 10 июля (<https://ria.ru/spravka/20170710/1497980585.html>).

и с «Московской платформой» в российской столице (2 марта). Данные попытки также не дали ощутимого результата. Однако в этот период обозначилась основная тенденция — стало ясно, что для сколь-либо значимого прогресса на переговорах должен быть найден модус вивенди именно в оппозиционной среде. Позднее к поиску компромисса между оппозиционными группами подключился и главный покровитель ВКП — Саудовская Аравия, руководство которой не без оснований полагает, что успех Эр-Рияда в формировании единой делегации оппозиции станет залогом и гарантией его собственной политической и дипломатической роли в женевском процессе, что существенно контрастировало бы на фоне его малозначимой роли в Астане. В августе в Эр-Рияде прошли консультации трех основных групп сирийской оппозиции — «московской», «каирской» и «эр-риядской». Вот как прокомментировал данный процесс глава МИД королевства Адель аль-Джубейр: «Вопрос заключается в том, что если мы хотим реализовать резолюцию Совета Безопасности ООН 2254, то должны запустить политический процесс. А чтобы он был эффективным, нам нужна объединенная оппозиция. И этого хотим не только мы, но и Россия, Египет, США — все страны Международной группы поддержки Сирии»¹.

Начиная с мая повестка и содержание встреч в рамках женевского процесса все заметнее фокусируется на проблематике создания четырех зон деэскалации в Сирии, в рамках которых, как предполагается, должны быть прекращены боевые действия, обеспечен обмен пленными, налажены каналы снабжения мирного населения продовольствием и гуманитарной помощью². Меморандум по этому вопросу был оглашен странами — гарантами переговоров в Астане 5 мая³.

С осуществлением декларированных Россией, Турцией и Ираном целей, однако, возникли проблемы: согласно офици-

¹ Саудовская Аравия надеется на объединение оппозиции Сирии к женевскому раунду // ТАСС. 2017. 8 октября (<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4627410>).

² Syrian peace talks to reconvene in Geneva on May 16: U.N. // Reuters. 2017. May 9 (<http://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-un/syrian-peace-talks-to-reconvene-in-geneva-on-may-16-u-n-idUSKBN1842A0>).

³ Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике // МИД РФ. 2017. 6 мая (http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2746041).

альным версиям стран-гарантов на протяжении четырех месяцев (до середины сентября) большинство базовых аспектов реализации меморандума о зонах деэскалации (границы зон, размежевание сторон конфликта, режим контроля нарушений и т. д.) не были согласованы. Вот как описал состояние дел на тот момент глава российской делегации в Астане Александр Лаврентьев: «Касательно ответственности за нарушения. До сих пор мы все бьемся и бьемся и никак не можем подготовить проект положения об ответственности за несоблюдение режима прекращения боевых действий. То есть само соглашение между группировками вооруженной оппозиции и сирийскими правительственными силами при посредничестве трех стран-гарантов подписано, а механизм фиксации нарушений до сих пор окончательно еще не прописан. Работа идет, несмотря на то, что прошло уже три месяца»¹. И только в интервью для прессы по результатам заседания в Астане 15 сентября Лаврентьев заявил о завершении процесса создания упомянутых зон. «Сегодня мы с вами присутствовали при завершении этапа создания четырех зон деэскалации», — сказал Лаврентьев, выразив мнение, что встреча в Астане «стала серьезным достижением в поиске формулы сирийского урегулирования». По его словам, эти результаты внесут вклад в запуск процесса политического урегулирования в Сирии на переговорах в Женеве².

От войны гражданской к войне с терроризмом

Примечательно, что начавшийся процесс создания зон деэскалации позволил руководству Минобороны РФ переориентировать стратегию боевых действий с преимущественно концентрировавшихся в западной части Сирии, где активно противостояли друг другу войска Асада и повстанцы, на восточную часть. 22 августа Сергей Шойгу, глава Минобороны РФ, даже поспешил заявить о «фактическом прекращении гражданской

войны»: «В Сирии нам удалось, отделив умеренную оппозицию от террористов, создать четыре зоны деэскалации и прекратить фактически гражданскую войну». И добавил, что это также позволило сосредоточить основные силы не на борьбе оппозиции с властью внутри страны, а на общей борьбе с международным терроризмом, имея в виду в первую очередь ИГИЛ¹.

Судя по всему, к инструментарию умиротворения в виде создания четырех зон деэскалации Россия, Турция и Иран прибегли в мае 2017 г. во многом в силу обозначившихся существенных изменений военной ситуации в Сирии в целом (и отчасти в Ираке, где заметно активизировались боевые действия против «Исламского государства»). Эти изменения определялись двумя основными факторами: *первое* — сохранявшимися в 2017 г. высокими темпами наступления сухопутных сил Дамаска и Тегерана при поддержке ВКС РФ на северном и восточном направлениях, что вело к растягиванию продвигавшихся группировок и тем самым повышало их уязвимость перед «ударами в спину» (т. е. часть боевых группировок Дамаску и Тегерану нужно было отвлекать от наступательных операций для обеспечения безопасности в тылу, где в обозначенных зонах деэскалации находились не менее полутора десятка тысяч вооруженных боевиков)²; *второе* — успешным завершением силами коалиции и иракской армией операции по вытеснению подразделений ИГИЛ из городов на северо-западе Ирака.

Освобождение от террористов города Мосул 10 июля и продолжение наступательной операции коалиции в направлении столицы «Исламского государства» в Сирии города Ракки и центра нефтеносного района Дейр-эз-Зор создавали угрозу захвата этих обширных и богатых ископаемыми сирийских территорий войсками международной коалиции, сухопутные подразделения которой составляли курды и группировки сирийской оппозиции, включая Сирийскую свободную армию. Иными словами, промедление с переориентацией основных наступательных операций Дамаска — Тегерана — Москвы было чревато

¹ *Петров И.* Террористы на «Рассвете». Шойгу объявил, что в Сирии удалось фактически прекратить гражданскую войну // Независимая газета. 2017. 23 августа (<https://rg.ru/2017/08/23/shojgu-obiavil-ob-okonchani-grazhdanskoj-vojny-v-sirii.html>).

² *Jansen M.* What to expect after de-escalation zones // The Jordan Times. 2017. May 10.

перспективой утраты контроля со стороны правительства Асада над принципиально важными для восстановления страны нефтеносными районами на востоке Сирии.

В августе стало ясно, что войска коалиции не «увязнут» в ходе операции по взятию Ракки и смогут форсировать наступление к Дейр-эз-Зору. Тем самым отчетливо начала выстраиваться перспектива противостояния, если ни столкновения войск двух наступающих к этому сирийскому городу коалиций. Тогда появилась информация о якобы достигнутой договоренности между Москвой и Вашингтоном считать реку Евфрат условной «демаркационной линией», т. е. линией разделения. Как бы ни выглядела логичной такого рода договоренность, подтвердить ее наличие, судя по всему, невозможно. В результате 18 сентября наступавшие с востока войска тройственной коалиции форсировали Евфрат с целью выбить сопротивлявшиеся на той стороне группы боевиков ИГИЛ и создать плацдарм для возможной дальнейшей переправки своих сил на территории к востоку от Евфрата. Начала складываться достаточно взрывоопасная ситуация, чреватая столкновением двух коалиций (проасадовской и антиасадовской).

Описывая данную ситуацию под броским заголовком «Россия почти объявила войну США», германская газета *Die Welt* обращает внимание на следующее: «Понтонный мост через Евфрат имеет длину 210 м и способен переправлять 8 тыс. военных машин в сутки. Российские спецподразделения построили его через крупнейшую реку страны вблизи города Дейр-эз-Зор. И теперь этот мост, который соединяет западный и восточный берега Евфрата, провоцирует опасное обострение и без того уже напряженной военной ситуации, которая очень легко может привести к конфронтации с Америкой». Аналитики *Die Welt* делают следующий вывод: «До сих пор пути союзников российской и американской армий еще не пересекались. Но что произойдет, если речь будет идти о том, кто первым захватит месторождения нефти и газа? До сих пор передвижения вокруг Дейр-эз-Зора напоминали собой игру в шахматы. Но вооруженные столкновения представляются неизбежными, когда речь пойдет о последней, решающей фазе»¹.

¹ Hackensberger A. Wie eine Kriegserklärung Russlands an die USA // WEIT. No 24. 2017. Oct. 4.

С целью предотвратить масштабные столкновения, которые частично уже обозначились в сентябре-октябре, американские и российские генералы провели ряд встреч, в ходе которых обменялись картами и, судя по всему, попытались обозначить возможные линии территориального компромисса. В ходе такой встречи в середине сентября, сообщает журнал *Newsweek*, «США приняли решение не вмешиваться в продолжающееся несколько месяцев наступление сирийской армии, поскольку ее российские и иранские союзники готовятся разбить боевую группировку “Исламское государство” в ее последнем, восточном оплоте в Сирии»¹. Издание приводит слова полковника Райана Диллона, официального представителя объединенной оперативно-тактической группы, сражающейся против ИГИЛ в рамках операции «Непоколебимая решимость», согласно которым возглавляемая США коалиция приняла решение не вступать в Дейр-эз-Зор. Вместо этого, по словам Диллона, «Демократические силы Сирии» (а это в основном арабо-курдский альянс, оппозиционно настроенный к Башару Асаду) продвинулись вдоль долины на восточном берегу реки Евфрат, выбивая оттуда формирования ИГИЛ².

Помимо намечающегося противостояния двух коалиций в контексте приближающегося разгрома ИГИЛ на востоке неясной выглядит перспектива умиротворения противоборствующих сирийских сторон в двух обозначенных зонах деэскалации — на севере (в провинции Идлиб) и на юге (в районе Дераа и вблизи границы с Иорданией). По сентябрьской договоренности стран-гарантов в Астане основной контроль за развитием ситуации в провинции Идлиб должна осуществлять Турция. Напомним, что именно в те районы были эвакуированы тысячи боевиков с семьями из осажденного Алеппо в конце прошлого года. Несмотря на высокую степень напряжения в этой провинции между различными группировками сирийских повстанцев и исламистов, военное командование Турции, по мнению экспертов, нацелено главным образом на минимизацию влияния курдских организаций, с тем чтобы предотвратить возможность формирования там какого-либо образования курдов. Одновременно оно, судя по всему, намерено воспрепятство-

¹ O'Connor T. Russian military, not U.S., to lead battle for ISIS's final major city in Syria // Newsweek. 2017. 14 Sept.

² Ibid.

вать реализации в Идлибе «сценария Алеппо». Эксперт Фонда политических, экономических и общественных исследований Турции (SETA) Вейсель Курт, например, так оценивает намерения Анкары в Идлибе: «Учитывая тот факт, что Россия, Иран и режим Башара Асада до сегодняшнего дня не считались с фактором безопасности мирного населения, вероятность превращения Идлиба во второй Алеппо весьма велика. Повторение сценария противостояния в Алеппо означает формирование нового очага активных боевых действий у границ Турции»¹.

Следствием реализации «сценария Алеппо» неизбежно станет огромный поток беженцев на территорию Турции. Именно поэтому турецкие части развертываются непосредственно в городе Идлиб, как бы прикрывая собой город и его население, а российские силы – в прилегающих к Идлибу районах. Если учитывать, что Анкара, судя по всему, решает в Идлибе в основном две свои упомянутые задачи (предотвращение потока беженцев из Идлиба в Турцию и ограничение свободы действий курдских формирований), то перспектива противостояния экстремистским группировкам в этой зоне выглядит весьма неопределенно. Американский эксперт Чарльз Листер, изучавший на месте ситуацию в Идлибе в октябре, считает, что турецкие генералы пытаются исключить лобовую конфронтацию с главной исламистской группировкой там – «Хайят тахрир аш-Шам» (бывшая «ан-Нусра») – в попытках найти иные способы нейтрализации ее, как это предусмотрено договоренностями с Россией в Астане². Неудивительно, что время от времени в этом районе возникают боестолкновения между группировками исламистов и российскими подразделениями.

Что касается зоны деэскалации на юге Сирии, формально согласованной между Путиным и Трампом на саммите G20 в Гамбурге 8 июля (она распространяется на провинции Дараа, Кунейтра и Суэйда, включая территории, примыкающие к израильской и иорданской границам), то вскоре договоренность

¹ Операция в Идлибе и стратегические цели // Анадолю. 2017. 9 октября (<http://aa.com.tr/ru/анализ-новостей/аналитика-операция-в-идлибе-и-стратегические-цели-/930903>).

² *Lister Ch.* Turkey's Idlib incursion and the HTS question: understanding the long game in Syria // WarOnThe Rocks. 2017. Oct. 31 (<https://warontherocks.com/2017/10/turkeys-idlib-incursion-and-the-hts-question-understanding-the-long-game-in-syria>).

была подвергнута резкой критике со стороны высшего руководства Израиля. Премьер-министр Биньямин Нетаньяху назвал его «очень плохим», так как оно легитимизирует присутствие иранских военных в этом регионе. Израиль опасается стремления Ирана существенно расширить свое присутствие в Сирии. Причем речь идет не только об отправке иранских военных советников в Сирию, а о направлении в эту страну значительного военного контингента, а также о создании в Сирии баз иранских ВВС и ВМС¹.

9 июля министр обороны Израиля Авигдор Либерман так прокомментировал вступление в силу соглашения о прекращении огня в Сирии: «Израиль сохраняет полную свободу действия – вопреки договоренности между (президентом Дональдом) Трампом и Путиным. Мы будем делать все, что сочтем необходимым»².

19 октября после обстрела израильской территории ЦАХАЛ разбомбил позиции артиллерийских и ракетных установок армии Асада в районе сирийского города Кунейтра. «ЦАХАЛ не потерпит попыток нанести удар по суверенитету нашей страны и по безопасности ее жителей. ЦАХАЛ считает сирийский режим ответственным за происходящее на его территории», – говорится в сообщении пресс-службы Армии обороны Израиля³.

Неудивительно, что срочно посетивший Израиль 19 октября глава Минобороны РФ Сергей Шойгу призывал израильское руководство к сдержанности на фоне боевых действий в Сирии, поскольку война там «близится к завершению, а потому силы иранского “Корпуса стражей Исламской революции” и ливанской “Хезболлы” вскоре покинут эту страну». Однако Нетаньяху и Либерман акцентировали внимание на реальной угрозе создания военных баз КСИР на территории Сирии, в непосредственной близости от израильской границы. Кроме того, говорят израильские руководители, Иран строит в Сирии новые военные заводы и вооружает «Хезболлу», а потому Израиль не намерен выполнять договоренности, достигнутые без его

¹ *Ravid B.* Netanyahu: Israel Opposes Cease-fire Deal Reached by U.S. and Russia in Southern Syria // Haaretz. 2017. Jul. 16.

² *Ravid B.* Netanyahu Seeks Buffer Zones Against Iran and Hezbollah on Syria's Borders With Israel and Jordan // Haaretz. 2017. Apr. 7.

³ *Staff T.* IDF strikes 3 Syrian artillery targets after stray shells hit the Golan // The Times of Israel. 2017. Oct. 21.

продолжают сдерживать падение цены на мировых рынках. Более того, это становится выгодно и американским производителям углеводородов. Иными словами, требуется взаимопонимание с ближневосточными партнерами по этим вопросам.

Кроме того, стремление Обамы переформатировать острие стратегии США на Тихоокеанский регион, его попытки сократить масштабы американского присутствия на Ближнем Востоке, стремление уйти в «задние ряды» (известная концепция Обамы «Лидировать с задних рядов») ослабили уверенность американских партнеров в незыблемости альянса с США. Чтобы восстановить доверие партнеров к Америке, команда Трампа считает для себя правильным действовать в модели «Анти-Обама». В противном случае намечается тенденция заполнения стратегического вакуума в регионе Россией. Причем не столько по инициативе России, сколько самих американских партнеров. Сегодня главная задача Белого дома в регионе, судя по всему, – придать сколь-либо внятную форму пусть и негласному, но реальному партнерству арабских монархий Залива и Израиля в противостоянии с Ираном. Большой вопрос, однако, в том, насколько этому могут способствовать заявления и практические действия Д. Трампа о признании Иерусалима столицей Израиля и осуществленный в середине мая 2018 г. перенос туда американского посольства из Тель-Авива¹. Эти действия американской администрации не были поддержаны дипломатией Евросоюза. Между тем в самом ЕС сложилась в этом плане необычная ситуация: ведомое западноевропейскими «грандами» (Франция, Германия, Великобритания) большинство членов сообщества выразили осуждение переноса американского посольства в Иерусалим, но прохождение соответствующей резолюции было заблокировано позицией ряда восточноевропейских государств – Чехии, Румынии и Венгрии².

В результате к концу 2017 г. стало очевидно, что динамика наступательных операций обеих коалиций (проасадовской и антиасадовской) на полях сражений главным образом с ИГ

¹ *Landler M.* Trump Recognizes Jerusalem as Israel's Capital and Orders U.S. Embassy to Move // *The New York Times*. 2017. Dec. 6.

² *Аросев Г.* Критическая резолюция ЕС о переносе посольства США в Иерусалим заблокирована // *DW*. 2018. 13 мая (<http://www.dw.com/ru/критическая-резолюция-ес-о-переносе-посольства-сша-в-иерусалим-заблокирована/a-43762174>).

продолжает нарастать. Несмотря на то что «почетное право» разгромить группировку террористов в их формальной столице Ракке выпало на долю международной коалиции, проасадовская «тройка» смогла ликвидировать оплот ИГ в других местах на востоке Сирии (например, освободить полностью город Дейр-эз-Зор).

Однако по мере ликвидации основных баз ИГ в Сирии становится все более актуальным вопрос о поиске политических решений прежде всего между самими сирийскими сторонами – как, возможно, краткосрочных (по типу зон деэскалации), так и долгосрочных. Потребность в такого рода решениях становится безотлагательной, поскольку их отсутствие может стать фактором стимулирования всякого рода дезинтеграционных процессов в Сирии: например, в зоне контроля международной коалиции может начаться формирование отдельного района с устойчивым преобладанием групп курдов и антиасадовской оппозиции, что как «свершившийся факт» может затруднить последующие переговоры об окончательном административном устройстве этой страны.

В попытках возродить полноформатный переговорный процесс в Женеве Россия действует как самостоятельно (предложение созвать в Сочи конференцию с самым широким участием сирийской оппозиции, которое изначально было проигнорировано сирийским ВКП), так и возлагает надежды на главного спонсора сирийских повстанцев – Саудовскую Аравию, которая не только заявляла о готовности содействовать объединению сирийской оппозиции, но и приложила усилия в этом плане. Тем не менее прибывшая в Женеву объединенная делегация сирийской оппозиции заявила о неизменности ее отношения к Башару Асаду (он, мол, должен уйти). Заметим, что неизменной остается и позиция Эр-Рияда, который продолжает настаивать на ослаблении поддержки Россией действий и стратегии Ирана в регионе. Это отчетливо проявилось в ходе визита в Москву в начале октября короля Саудовской Аравии Салмана бен Абдельазиза ас-Сауда. Одновременно возрастает и давление на Россию со стороны руководства Израиля с той же целью – убедить Кремль содействовать сокращению военного присутствия Ирана в Сирии. К этому следует добавить и резко усилившуюся антииранскую риторику администрации Трампа.

При всем при этом, тем не менее, пока не ясно, до какой степени Москва готова позволить себе усилить давление на Иран и тем самым наверняка ослабить военно-политическое партнерство с ним в Сирии: визит Владимира Путина в Тегеран 1 ноября выглядел скорее как демонстрация прочности российско-иранского альянса. Проблема поиска политических компромиссов по Сирии настолько остра и актуальна, что именно она стала главной темой второй встречи Путина и Трампа на полях очередного международного саммита (на сей раз в ноябре во Вьетнаме). В условиях сохраняющегося политического тупика в сирийском урегулировании 11 декабря Владимир Путин прибыл с кратким визитом на российскую базу Хмеймим, чтобы не только еще раз отчетливо заявить об окончании миссии российских ВКС в этой стране, но и публично отдать приказ о начале вывода большей части российского контингента из Сирии. Тем самым российский президент подал сигнал о том, что боевые действия в этой стране завершаются, с тем чтобы мобилизовать стороны на поиски политического урегулирования¹.

Треугольник напряжения: Россия – Иран – Израиль

На протяжении 2017 и первой половины 2018 г. заметно нарастала военная активность Израиля, направленная в первую очередь против военных объектов и инфраструктуры Ирана (точнее – КСИР и подчиненной ему ливанской группировки «Хезболла») в Сирии, а в ряде случаев и против объектов сирийской армии. Инциденты с запуском ракет «неопознанными» истребителями по объектам на территории Сирии, связанным с Ираном или проиранской шиитской группировкой «Хезболла», становились все более частыми. Сегодня, однако, предположения о том, что «неопознанные» летательные аппараты (а это не только самолеты, но и дроны) принадлежат Израилю и управляются штабами ВВС этой страны, стали, по сути, доказанным фактом (особенно после того, как был сбит изра-

ильский самолет сирийскими ПВО в феврале 2018 г.). Однако этот факт по-прежнему не подтверждается ни военным, ни политическим руководством в Иерусалиме. Не признается, поясним, каждая отдельная акция, но общий посыл, регулярно озвучиваемый лично премьером Биньямином Нетаньяху, ясен до предела: Израиль «не потерпит военного присутствия Ирана у своих границ, в том числе в Сирии».

Израильское руководство обвиняет Иран в стремлении превратить Сирию во враждебный плацдарм с десятками тысяч бойцов из подконтрольных шиитских милиций, постоянными сухопутными, морскими и воздушными базами. В Иерусалиме обещают воспрепятствовать этому, в том числе силовыми средствами. Вот одно из заявлений премьера, с которым он выступил в конце ноября прошлого года: «Мы многократно разъясняли, что не приемлем ядерного оружия в руках Ирана, и не допустим военного присутствия Ирана возле наших границ, в Сирии или в любом другом месте. Благодаря трудам поколений мы создали все из ничего, и невозможно обратить все в ничто»¹.

Такого рода заявления особенно часто приходится слышать сейчас Владимиру Путину. Ситуация, в которой оказывается Россия со своими партнерами в Сирии (правительством Башара Асада и Ираном), все сильнее омрачает не только доверительное общение лидеров России и Израиля, но и ставит под угрозу сами отношения между этими государствами. Проблема в действительности сводится к простой формуле: военные успехи Дамаска–Москвы–Тегерана означают почти неминуемое вовлечение Израиля в сирийскую бойню. Ибо, в понимании большинства израильтян, речь идет о «жизни и смерти» («невозможно обратить все в ничто»).

Контакты между руководством России и Израиля в связи с Сирией развиваются несомненно – без всякого тяготения к теории заговора – в двух плоскостях: публичной (выражение взаимных симпатий) и непубличной, где достигаются весьма малоприятные для третьих сторон договоренности, которые, заметим, легко наблюдать в процессе их реализации. Вот одна из них: Россия воздерживается от сбивания своими силами

¹ Владимир Путин посетил авиабазу Хмеймим в Сирии // Президент России. 2017. 11 декабря (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56351>).

¹ Нетаньяху: Израиль не потерпит военного присутствия Ирана у своих границ // РИА Новости. 2017. 23 ноября (<https://ria.ru/world/20171123/1509475944.html>).

«неопознанных» летательных аппаратов, скорее всего, после соответствующего уведомления из Иерусалима. Позднее, однако, эта договоренность трансформировалась в иную: Россия не сбивает эти аппараты, но и не мешает ПВО Асада делать это.

Речь, как видно, о новом витке осложнения ситуации: на протяжении длительного времени израильские стратеги, придерживаясь нейтралитета по отношению к сирийским батальонам, даже не планировали создавать проблем для армии Асада (еще недавно в Иерусалиме преобладало мнение, что Асад, мол, «меньшее из зол» в Сирии); сегодня, однако, сирийская армия все чаще обеспечивает прикрытие для подразделений иранского «Корпуса стражей исламской революции» и «Хезболлы», поскольку те были и остаются главной ударной силой Дамаска – Москвы – Тегерана на земле. Израильская разведка считает, что иранцы не просто «окапываются» в Сирии надолго, но и строят там заводы по производству ракет для армии Асада и «Хезболлы». Все это вкуче означает, что, с точки зрения израильских стратегов, у них нет выбора – в логической конструкции «бить или не бить» знака вопроса нет. Конечно, бить.

Похоже, что и иранские генералы более не намерены скрываться под сирийским прикрытием, поскольку оно перестает защищать их от ударов, приписываемых Израилю. И они открыто грозят Израилю «полным уничтожением». Вскоре после эвакуации боевиков из города Дума там побывал Али Акбар Велайати, советник рахбара аятоллы Хаменеи по вопросам внешней политики. И из этого города, который прозвучал на весь мир, не преминул погрозить Израилю¹.

Наращивание де-факто израильского вмешательства в Сирии становится очевидной проблемой как для Башара Асада, так и для его партнеров. Особенно для России, которую Дамаск и Тегеран не публично критикуют за «чрезмерную терпимость по отношению к Израилю». Неудивительно, что Москва начинает постепенно «замечать» и критиковать «агрессивные действия Израиля». Так, впервые еврейское государство было упомянуто в этом контексте представителем Минобороны РФ 9 апреля

¹ Iran's Velayati says Tehran will stand with Damascus against foreign aggression – TV // Reuters. 2018. Apr. 11 (<https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-iran/irans-velayati-says-tehran-will-stand-with-damascus-against-foreign-aggression-tv-idUSKBN1HI2EP>).

2018 г. в связи с ракетным ударом по сирийской авиабазе¹. Это может сигнализировать о грядущем изменении правил поведения, некогда оговоренных Москвой и Иерусалимом. Действительно, в отношении безопасности Израиля у России нет формальных обязательств (таковые есть у Соединенных Штатов), но у Кремля и Арбатской площади есть партнерские обязательства перед Ираном – как минимум в Сирии.

«Прятать» присутствие Ирана в Сирии (от глаз Израиля) становится тяжелее и Дамаску, и Москве. Для того чтобы разжечь в этих условиях пламя нового конфликта (уже ирано-сирийско-израильского), иранцам даже не надо первыми нападать на Израиль. Достаточно просто создать внушительный (пугающий) военный объект или построить оружейный завод где-то в Сирии, которые несомненно будут сметены ударами «неизвестных» самолетов. И в какой-то момент Иран наверняка ответит атакой на Израиль. В этом случае уния Путин–Нетаньяху вряд ли сработает: Израиль не преминет нанести настолько мощные удары (скорее всего с участием Пентагона), которые ликвидируют военный потенциал как самой Сирии, так и иранское присутствие в этой стране.

«Шахматная доска» сирийского конфликта может оказаться перевернутой с неожиданной стороны (т. е. отнюдь не повстанцами). А что в этой ситуации делать России?

Россия «понимает» Израиль

На этом фоне всеобщее внимание привлекло появление 9 мая 2018 г. рядом с российским президентом на Красной площади в Москве израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Он рядом с Владимиром Путиным принимал военный парад, затем при возложении венков у могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены прозвучал государственный гимн Израиля (наряду с российским), и, наконец, Нетаньяху опять же рядом с Путиным прошел в колонне «Бессмертного полка», неся портрет фронтовика.

¹ Минобороны России: Авиаудар по сирийскому аэродрому нанес Израиль // Российская газета. 2018. 9 апреля (<https://rg.ru/2018/04/09/minoborony-rossii-aviaudar-po-sirijskomu-aerodromu-nanes-izrail.html>).

Эти транслируемые на весь мир картинки представлялись тем более сенсационными, что накануне Владимир Путин обсуждал с членами Совета безопасности РФ действия Израиля, направленные против партнеров нашей страны в Сирии — правительства Башара Асада и Ирана¹. В частности, обсуждался последний на тот момент ракетный удар якобы со стороны Израиля по сирийским складам с оружием в пригороде Дамаска, в результате которого погибли, по разным данным, — от 20 до 32 человек, среди которых якобы и некий иранский генерал. По сообщениям российских СМИ, члены Совбеза выражали озабоченность нарастанием военной активности Израиля в Сирии. Это и понятно: при сложившихся обстоятельствах на месте сирийских и иранских военных вполне могут оказаться военнослужащие РФ. А это может рассматриваться как *casus belli* — основание для нанесения как минимум ответного удара по источникам угрозы.

До сих пор от такого развития событий стороны во многом удерживала условная договоренность: израильтяне неизменно отказываются от комментариев в связи с каждым ударом по объектам Асада и Ирана в Сирии, стремясь сохранять двусмысленность ситуации (вроде как «это не мы, если сможете, то докажите обратное, а если ударите по Израилю, то получите по полной программе в ответ»), да и Россия — в отличие от Ирана и, понятно, армии Асада — предпочитает аналогичный отработанный и на других полях сражений вариант реакции по известному принципу «нас-там-нет», из чего чаще всего следует, что «россияне не пострадали». А значит, и *casus* отнюдь не *belli* (нет оснований для силового ответа).

Ситуация в плане противостояния между Ираном и Израилем в Сирии меняется нарастающими темпами: Тегеран и Дамаск грозят нанести ответный удар конкретно по Израилю, откуда звучат заявления первых лиц государства о намерении любыми средствами не допустить усиления позиций Ирана в Сирии, после чего и следуют ракетные атаки. Нетаньяху, со своей стороны, настойчиво пытался наладить постоянную координацию между силами российской и израильской армий. Это практически официальное признание вовлеченности ЦАХАЛА

¹ Путин обсудил с Совбезом авиаудары Израиля по Сирии и ядерную сделку // Известия. 2018. 9 мая (<https://iz.ru/741326/2018-05-09/putin-obsudil-s-sovbezom-aviaudary-izrailia-po-sirii-i-iadernuiu-sdelku>).

(Армии обороны Израиля) в бои на сирийском фронте. Причем против партнеров России, что, несомненно, создавало Москве немало проблем хотя бы в ее отношениях с Дамаском и Тегераном, которые, понятно, не могут не упрекать Кремль в нечто вроде «чрезмерных нейтральности и терпимости в отношении агрессивного Израиля». Ведь немалую часть сирийского неба защищают именно российские системы ПВО — либо напрямую контролируемые россиянами, либо переданные в пользование сирийской армии.

Примечательно, что не заставила себя долго ждать реакция Тегерана на небывало тесное, почти откровенно союзническое, общение Нетаньяху с Путиным 9 мая в Москве. Уже в ночь на 10 мая израильские объекты на Голанских высотах были подвергнуты массированному ракетному обстрелу силами иранского «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР) в Сирии. По сообщению пресс-службы ЦАХАЛА, в ответ в ночь на 10 мая Израиль атаковал более 50 целей, в том числе пять радаров принадлежащих Сирии противоракетных систем С-200 (SA5), С-75 «Двина» (SA2), «Панцирь-С1» (SA22) и «Бук-М1-2» (SA17). При этом отмечается, что большая часть ударов была нанесена по базам, штабам и разведывательным подразделениям иранского КСИР. Атаке подверглась расположенная к северу от Дамаска иранская военная база, разбомблены склады вооружений в международном аэропорту Дамаска и другие объекты. Все израильские самолеты, участвовавшие в операции, благополучно вернулись на аэродромы базирования. И на этот раз не последовало серьезной реакции со стороны России на происшедшее¹.

Именно отсутствие реакции Москвы по горячим следам боевых действий между Израилем, с одной стороны, Ирана и Сирии, с другой, похоже, подтверждает главный вывод, который сделал публично израильский премьер после встречи с Владимиром Путиным: Москва не будет мешать действиям ЦАХАЛ в Сирии². Понятно, что это может быть так только в том случае,

¹ Жуковский И. «Самая масштабная атака со времен 1974 года». ВВС Израиля нанесли удар по десяткам иранских объектов в Сирии // Газета. Ru. 2018. 10 мая (<https://www.gazeta.ru/army/2018/05/10/11745931.shtml>).

² Williams D. Russia unlikely to limit Israeli actions in Syria: Netanyahu // Reuters. 2018. 9 May (<https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis->

если в результате израильских атак не пострадают российские военнослужащие. Достижение именно такой договоренности, судя по всему, и было главной задачей срочного броска Нетаньяху прямо на Красную площадь российской столицы. Данное заявление Нетаньяху свидетельствует о том, что отношения между Израилем и Россией в связи с Сирией (проще говоря, все, что касается военной активности Израиля в этой соседней арабской стране) выведены 9 мая из тени на свет.

Интрига, связанная с появлением израильского премьера на Красной площади 9 мая, не стала секретом. Ее активная фаза началась выступлением Нетаньяху в Минобороны Израиля 30 апреля. Показанные им в театрализованном стиле груды документов и цифровых носителей (добытые разведкой «Моссад» прямо в Тегеране) были призваны разоблачить «ложь Ирана» в том, что касается его обязательств по СВПД отказаться от развития ядерной программы военного назначения¹.

В Пентагоне почти с ходу подтвердили правдоподобность этих документов, которыми якобы и без Нетаньяху к тому моменту оперировала команда Дональда Трампа, готовя свой доклад Конгрессу США о состоянии выполнения соглашения с Ираном от 2015 г. В Европе отнеслись к презентации Нетаньяху заметно прохладнее, повторив, что полагаться следует на результаты инспекций экспертами МАГАТЭ, а не тайными рыцарями «плаща и кинжала» какой-либо страны. Особо важной стала для команды Нетаньяху задача убедить лично Владимира Путина перед лицом неизбежной эскалации противостояния Израиля с Ираном на территории Сирии, в ходе которой Израиль, понятно, стремится избежать столкновений с российскими военными. И прямо 30 апреля израильский премьер запросился на аудиенцию с российским президентом, но... приглашен был в Москву только на 9 мая.

Вскоре стало ясно, с какой главной целью — для участия в торжественных мероприятиях на Красной площади. То есть для демонстрации присутствия на этих мероприятиях главы

syria-israel-russia/russia-unlikely-to-limit-israeli-actions-in-syria-netanyahu-idUSKBN11A2UA).

¹ Нетаньяху обвинил Иран в сокрытии архивов по разработке ядерного оружия // ТАСС. 2018. 30 апреля (<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5170394>).

правительства Израиля. Многие составляющие программы празднества 9 мая были призваны не только подчеркнуть великое значение Победы для советского и еврейского народов (в послевоенные годы, правда, в СССР было принято не отделять страдания евреев от страданий всего советского народа, было принято уходить от еврейского акцента катастрофы), но и показать особую роль СССР, а теперь и России в спасении выживших в условиях Холокоста евреев Европы.

Именно в этом контексте на тот момент в израильском истеблишменте сложилось впечатление, что Москва, мол, готова самоустраниться от обостряющегося противостояния Израиля и Ирана пока еще в Сирии, хотя боевые действия вполне могут быть перенесены и на территорию собственно Ирана. Тем более что и США наращивали давление на Исламскую республику после объявленного Дональдом Трампом 8 мая выхода из международного соглашения от 2015 г.

Евросоюз в поисках новой роли в Сирии

Участие Великобритании и Франции в нанесении ударов по объектам на территории Сирии 14 апреля 2018 г. свидетельствует о готовности нынешнего руководства этих двух европейских грандов не только укреплять евро-атлантическое партнерство с США, но и заявить о себе как силовом факторе на пространстве Европы и Ближнего Востока. Руководство Германии полностью солидаризируется политически с этими двумя членами «евротройки» (Е-3), хотя и воздержалось от применения силы в Сирии. Одновременно европейские гранды попытались наладить еще один канал политико-дипломатической активности в поисках сирийского урегулирования — Брюссельскую конференцию.

На фоне нарастающей напряженности с Россией в связи с готовившимся Соединенными Штатами в середине апреля силовым ответом на предполагаемое применение сирийской армией химического оружия в городе Дума (Восточная Гута близ Дамаска) администрация Дональда Трампа попыталась заручиться не только политической, но и военной поддержкой своих европейских союзников. О готовности принять непосредственное участие в «акции возмездия» заявили Париж и Лондон.

Политическая же поддержка была выражена Брюсселем от имени всех стран — членов ЕС. В частности, Дональд Туск, глава Евросовета, так обозначил позицию европейцев: «Евросоюз будет на стороне союзников, а значит — на стороне справедливости... Удары США, Франции и Великобритании (по предполагаемым объектам, связанным с производством химоружия. — *Ред.*) дают ясно понять, что сирийский режим, поддерживаемый Россией и Ираном, не сможет продолжать гуманитарную трагедию — как минимум, должен будет заплатить за это цену»¹. Основной поражающей силой при ударах по объектам в Сирии 14 апреля были американские крылатые ракеты «Томагавк». Роль же британских бомбардировщиков «Торнадо» (задействованы четыре самолета, каждый нес по две крылатые ракеты «Сторм Шэдоу») и французских «Миражей» и «Рафаль», а также многоцелевого фрегата, с которого была впервые запущена крылатая ракета морского базирования MdCN, оставалась вспомогательной. В принятии решений по масштабному применению военной силы странами Евросоюза задействованы в основном три группы факторов: внутривосточные (для каждой страны), общеевропейские и региональные (ближневосточные).

Озабоченность Е-3 очередным кризисом в Сирии в связи с предполагаемым применением химического оружия в Восточной Гуте «вписалась» в обострившийся весной 2018 г. общеевропейский дискурс о необходимости создания самостоятельного (менее зависимого от США в рамках НАТО) военного потенциала. Впрочем, политики и военные в ЕС предпочитают формулировку «сокращение разрыва в военной мощи» между США и ЕС. Обсуждение этой проблемы идет по нарастающей: в начале текущего года была активирована разработанная в прошлом году программа взаимодействия членов ЕС в сфере обороны и безопасности (*PESCO — Permanent Structured Cooperation on security and defence*), а в начале апреля 2018 г. поставлен вопрос о практическом применении военной силы европейцами как фактора сдерживания и наказания режима Башара Асада

¹ Kerr C. Syria attack: European leaders back airstrikes against Assad regime // Daily Express. 2018. Apr. 14 (<https://www.express.co.uk/news/world/946039/syria-attack-airstrike-european-leaders-reaction-angela-merkel-juncker-tusk>).

за предполагаемое производство и применение химического оружия.

Касательно внутрисирийского конфликта Евросоюз изначально занял позицию, основанную на «ценностях», продекларировав, что «Асад должен уйти»¹. С учетом особенностей и сложности процесса согласования и принятия решений на уровне ЕС в конечном счете принципиальная единая позиция стран-членов в меньшей степени подвержена корректировкам, чем это происходит в Соединенных Штатах. Особенно устойчива общеевропейская позиция в отношении внешних конфликтов, в частности в Сирии и вокруг нее. На данный момент отношение стран ЕС к данной проблеме определяется принципами, одобренными Советом Евросоюза 3 апреля 2017 г.² Главные из них изложены в следующих шести пунктах.

1. Прилагать усилия для окончания войны в Сирии посредством подлинного политического транзита в соответствии с резолюцией СБ ООН 2254.

2. Обеспечить инклюзивный процесс перехода власти в Сирии согласно резолюции 2254 и Женевского коммюнике 2012 г. посредством оказания поддержки политической оппозиции для усиления ее роли.

3. Спасать жизни людей, стремясь удовлетворять гуманитарные потребности наиболее уязвимой части сирийских граждан в стране, действуя своевременно, эффективно и в духе согласованных принципов.

4. Содействовать продвижению демократии, соблюдению прав человека и свободы слова посредством укрепления организаций гражданского общества в Сирии.

5. Содействовать привлечению к ответственности лиц за совершение военных преступлений с учетом продвижения процесса национального примирения.

¹ Declaration by the High Representative, Catherine Ashton, on behalf of the European Union on EU action following the escalation of violent repression in Syria — European Union. Brussels. 2011. Aug. 18 (http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/cfsp/124393.pdf).

² Council adopts EU strategy on Syria // European Council. 2017. Apr. 3 (http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/03/fac-conclusions-syria/?utm_source=dsmsauto&utm_medium=email&utm_campaign=Council+adopts+EU+strategy+on+Syria).

6. Поддерживать жизнеспособность сирийского населения и общества в этой стране¹.

Однако на протяжении всего конфликта (речь только о базовой его составляющей — гражданской войне между правительством Асада и повстанческими группировками, а не о борьбе с террористическими формированиями. — *Ред.*) эта позиция ЕС не получила подтверждения в виде дипломатической или военной активности. Военные усилия предпринимались странами ЕС в рамках широкой антитеррористической коалиции во главе с США (67 стран), провозгласившей своей целью борьбу с запрещенным в России «Исламским государством».

В экспертных кругах европейских стран нередко встречается следующее объяснение фактического отсутствия политической роли ЕС в подходе к сирийской проблеме: мол, изначально миссию главного переговорщика по Сирии взяла на себя американская администрация (при Бараке Обаме), которая сконцентрировала усилия на контактах с Россией, видимо, во многом игнорируя позицию (или позиции?) стран Евросоюза. И это при том, что бремя серьезных последствий сирийского кризиса ложилось в основном на европейцев (речь, понятно, прежде всего — о наплыве мигрантов в Европу из Сирии и других проблемных арабских стран, а также о серии терактов в европейских городах. — *Ред.*). «Пока ЕС выступает в сирийском конфликте на вторых ролях, другие игроки вовлечены в него гораздо больше. Так, европейские политики и эксперты отмечают, что США несколько раз радикально меняли свою политику в отношении Сирии. Важнейшим результатом этих изменений стало тесное взаимодействие американской и российской дипломатии», — подчеркивал в своем докладе Марк Пьерини, эксперт европейского филиала Фонда Карнеги, имея в виду период до конца 2016 г., т. е. до прекращения американо-русских переговоров в связи с ситуацией вокруг Алеппо².

Насколько преднамеренно администрация Обамы минимизировала роль ЕС в переговорном процессе вокруг Сирии —

¹ The EU and the crisis in Syria // EEAS. 2018. Apr. 16 (https://eeas.europa.eu/headquarters/headquartershomepage_en/22664/The%20EU%20and%20the%20crisis%20in%20Syria).

² Пьерини М. Есть ли у ЕС роль в сирийском конфликте // Московский Центр Карнеги. 2017. 16 февраля (<https://carnegie.ru/2017/02/16/ru-pub-68006>).

вопрос дискуссионный. Вместе с тем для отхода Европы на второй план в данном аспекте были и вполне объективные причины: сам кризис разразился в момент (март 2011 г.), когда роль общеевропейских институтов (в частности, Еврокомиссии и Внешнеполитической службы) оказалась ослабленной, что привело к тому, что политические инициативы на практике отдавались на усмотрение руководителей отдельных государств и правительств (главным образом «евротройки»)¹. Напомним, что в рамках реализации Лиссабонского договора ЕС приступил к реформам ряда своих институтов в январе 2011 г. — в момент начала «Арабской весны». Возможно, что по этой причине Европа оказалась не в состоянии сформулировать скоординированный ответ перед лицом вызовов с Ближнего Востока.

Как бы то ни было, но с 2011 по 2018 г. Евросоюз не выступал с какими-либо значимыми дипломатическими инициативами по поиску сирийского урегулирования, ограничиваясь участием в мероприятиях (в основном информационно-представительского порядка) так называемой неформальной Группы «Друзья Сирии» (ГДС объединяет правительства порядка 70 государств), созданной в феврале 2012 г. усилиями главным образом тогдашнего президента Франции Николя Саркози. Политическим приоритетом «друзей Сирии» стала линия на поддержку умеренной оппозиции правительству Башара Асада. Эта инициатива Парижа основывалась на идее необходимости расширить точки соприкосновения между Европой и шире — Евро-Атлантикой — в первую очередь с арабским миром, переживавшим в тот момент пик потрясений «Арабской весны».

Если ГДС была преимущественно европейским проектом (кстати, изначально выдававшим особую озабоченность развитием событий в Сирии именно со стороны Франции, бывшей державой — мандатарием в Сирии и Ливане. — *Ред.*), то созданная уже в 2014 г. во многом на этой же платформе Международная коалиция по борьбе с ИГИЛ стала проектом преимущест-

¹ Vimont P. The Path to an Upgraded EU Foreign Policy — Carnegie Europe. 2015. Jun. 30 (<http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=60527>); Gardner A.L., Eizenstat S.E. New Treaty, New Influence? // Foreign Affairs. 2010. March/Apr. (<https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2010-03-01/new-treaty-new-influence>).

венно американским. Эта коалиция формировалась изначально (в отличие от ГДС) для проведения масштабной военной операции против террористической группировки «Исламское государство» прежде всего на территории Ирака (после захвата террористами-исламистами города Мосул), а затем и Сирии. Объединение усилий порядка 70 государств происходило вокруг разработки и осуществления военной операции «Непоколебимая решимость» (*Operation Inherent Resolve, OIR*). Европейские гранды, имевшие историю и традиции присутствия на Ближнем Востоке, оговорили между собой приоритеты и в какой-то степени «зоны ответственности» в рамках данной операции: при том, что в высшем командовании этой коалиции преобладают Соединенные Штаты, Великобритания проявляла повышенную активность в том, что касалось планирования и проведения операций на территории Ирака (бывшая подмандатная территория Британии), а Франция – на территории Сирии.

Примечательно, что если в апреле 2017 г. США нанесли ракетный удар по сирийской авиабазе Шейрат самостоятельно, то спустя год в военной операции при практически тех же условиях и по тем же причинам (предполагаемое применение сирийской армией химического оружия) приняли участие Франция и Великобритания.

И дело не только в том, что администрации Трампа потребовалась поддержка союзников (он заявлял о готовности нанести удары и без их участия). В последнее время заметно активизировались общеевропейские институты, усилилось взаимодействие боевых подразделений США и Европы в операциях против ИГИЛ в Ираке и Сирии, а с ожидаемым в скором времени окончательным разгромом ИГИЛ на передний план выходит главная проблема сирийской драмы – содействие политическому урегулированию и обеспечение посткризисной нормализации в Сирии.

На этом новом этапе Евросоюз, судя по всему, намерен сыграть особую роль. 24–25 апреля в Брюсселе с участием 85 государств проведена вторая конференция под эгидой ЕС и ООН, одной из главных целей которой было заявлено содействие внутрисирийскому примирению. Опыт первой брюссельской конференции годом раньше показал, что данная площадка порой воспринимается в политическом истеблишменте

Европы как отчасти альтернативная конференции в Астане, поскольку ее участники делают акцент на необходимости демократического транзита власти в Дамаске, но дополняющая главное переговорное пространство в Женеве, которое включает и Астану¹. В преддверии этой дипломатической инициативы ЕС Федерика Могерини, глава Внешнеполитической службы Евросоюза, выразила поддержку участию Франции и Великобритании в военной операции с США 14 апреля с целью уничтожения объектов, которые, как считают в Вашингтоне и Брюсселе, могут быть задействованы в вероятном процессе производства химического оружия на территории Сирии. В частности, она сказала следующее: «Евросоюз был проинформирован о намерении США, Франции и Великобритании нанести точечные удары по объектам, производящим химическое оружие в Сирии. Эти специфические меры были приняты с одной-единственной целью – воспрепятствовать новым попыткам применить химоружие и химические вещества сирийским режимом с целью убийства собственных граждан»².

Европа усиливает свой голос

Участие Франции и Великобритании в инициированной Соединенными Штатами военной акции против вооруженных сил Сирии 14 апреля объясняется не только стремлением большей части политических элит этих стран обозначить и усилить их моральную и политическую роль в подходе к сирийскому конфликту, но и, как представляется, расчетами лидеров «евротройки» (включая Германию) через проявление солидарности и взаимодействия с США усилить рычаги влияния на команду Трампа с целью обеспечения «евро-атлантического единства» в отношении как Сирии, так и проблемы Ирана.

¹ Supporting the future of Syria and the region: co-chairs declaration – European Council – The Council of the European Union. 2017. Apr. 5 (<http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/05/syria-conference-co-chairs-declaration>). See also: *Kostaki I.* Syria conference in Brussels will seek solutions beyond Geneva and Astana – New Europe. 2017. March 30 (<https://www.neweurope.eu/article/syria-conference-brussels-will-look-for-solutions-beyond-geneva-astana>).

² Declaration by the High Representative Federica Mogherini on behalf of the EU on strikes in Syria – European Union. Bruxelles. 2018. Apr. 14.

Иными словами, задачей европейцев среди прочего было и скорректировать линию Трампа в данных вопросах.

Так, по имеющейся информации, главным образом французский президент Эммануэль Макрон смог убедить главу Белого дома остановиться на умеренном варианте ракетных ударов, отказавшись от предлагавшихся ему советниками более радикальных опций (якобы включая и удары по объектам, контролируемым Россией и Ираном в Сирии. – *Ред.*)¹. Кроме того, сообщается, что тот же Макрон смог убедить Трампа отказаться от планов вывода американских войск с сирийской территории². Наконец, третья проблема – согласовать усилия в подходе к «ядерной сделке» с Ираном (СВПД).

В том же духе пытались влиять на американского президента главы Великобритании и Германии, которые не только впервые присоединились к американской акции возмездия против Асада (к ракетным ударам), но и пообещали увеличить собственный вклад в содержание войск международной коалиции против ИГИЛ, задействованных на северо-востоке Сирии. Более того, в своей речи 26 апреля 2018 г. в Лондоне в ходе Международной конференции по борьбе с финансированием ИГИЛ и «Аль-Каиды» Макрон провозгласил создание, по его словам, «Парижской повестки» и «Парижской коалиции» в рамках Глобальной коалиции по борьбе с ИГИЛ для выявления и ликвидации всех самых современных способов финансовых транзакций в пользу террористических группировок³.

Подобные шаги можно расценивать как стремление европейцев (в данном случае президента Макрона) повысить уровень координации в ЕС в вопросах борьбы с терроризмом в целом и применительно к ситуации противоборства с ИГИЛ в Сирии в частности. О намерении европейцев усилить свою

¹ Syria air strikes: Macron says he convinced Trump not to pull out troops // BBCNews. 2018. Apr. 16 (<http://www.bbc.com/news/world-middle-east-43778831>).

² Ibid.

³ President seeks global coalition against terrorism funding / International conference on combating the financing of Daesh and al-Qaeda – Speech by M. Emmanuel Macron, President of the Republic // Embassy of France in London (<https://uk.ambafrance.org/President-seeks-global-coalition-against-terrorism-funding>).

роль на сирийском направлении свидетельствует ряд шагов со стороны руководства Германии: так, канцлер Ангела Меркель пытается преодолеть сопротивление оппозиции в Бундестаге по вопросу возможного развертывания германских подразделений на территории Сирии¹, а Урсула фон дер Ляйен, министр обороны Германии, заявила о готовности своей страны рассмотреть вопрос о создании первой постоянной базы немецких войск на Ближнем Востоке². Об этом она заявила в середине сентября 2018 г., находясь с рабочим визитом в Иордании, куда Германия переводит порядка 300 своих военнослужащих с турецкой авиабазы Инджерлик. Предполагается, что германские военнослужащие в Сирии займутся тренировкой подразделений курдов (включая и Пешмергу в Сирии и Ираке) и Демократических сил Сирии (умеренных оппозиционных Асаду группировок).

Сирийский кризис – тест для Парижа и Лондона

Примечательно, что как в подходе к проблеме Сирии, так и к проблеме Ирана наиболее активным и заинтересованным в Евросоюзе становится Эммануэль Макрон (поскольку у Франции накоплен наиболее позитивный опыт взаимодействия с Исламской республикой, отчасти основанный на том, что последние месяцы изгнания аятолла Хомейни провел в пригороде Парижа). Он, по сути, предлагает свои услуги посредника между США и Ираном, а также между США и Россией по всему комплексу острых проблем на Ближнем Востоке.

Решимость Макрона присоединиться к военной операции США в Сирии 14 апреля можно объяснить расчетами как внешнеполитическими, так и внутривосточными. Последние, в частности, связаны с тем, что после двух мощных терак-

¹ Germany says in talks about possible military role in Syria // Reuters. 2018. Sept. 10 (<https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-germany/germany-says-in-talks-about-possible-military-role-in-syria-idUSKCN1LQ124>).

² Siebold S. Germany committed over long-term to help Iraq rebuild: defense minister // Reuters. 2018. Sept. 16 (<https://www.reuters.com/article/us-iraq-germany/germany-committed-over-long-term-to-help-iraq-rebuild-defense-minister-idUSKCN1LW0GQ>).

тов 2015 г. не только преступления «Исламского государства», но и отзвуки сирийского конфликта в целом воспринимаются как элемент внутривосточного ландшафта во Франции — и в силу эмоциональных потрясений французов из-за последствий терактов, и по причине влияния многочисленной сирийской диаспоры там (настроенной преимущественно против Башара Асада). Силовой ответ террористам в Сирии в рамках международной коалиции становится важным и чувствительным инструментом внешней и внутренней политики правительства.

Другой внутривосточный фактор — впервые за год президентства Макрона в марте 2018 г. было зафиксировано падение популярности главы Пятой республики¹. Демонстрация силы и решимости на внешнем фронте — типичный и часто срабатывающий в подобных случаях политический прием переключения внимания сограждан на внешнюю проблему.

Во внешнеполитическом плане Ближний Восток воспринимается командой Макрона не только как зона традиционно повышенного интереса и ответственности Франции, но и как плацдарм для восстановления лидирующей роли этой страны в европейской и мировой политике. «С учетом центральной роли Ближнего Востока для Франции и места, к которому проявляет повышенный интерес Европа в целом, этот регион становится местом отработки политических амбиций Парижа», — подчеркивает в своем недавнем докладе Мануэль Лафонт Рапнуэй, глава парижского офиса Европейского совета по международным делам².

Достаточно отчетливо прослеживается взаимосвязь внутривосточных факторов с внешнеполитическими и в позиции руководства Великобритании. Представленная как критическая ситуация в Восточной Гуте в начале апреля совпала по времени с наращиванием правительством Терезы Мэй усилий по мобилизации общественного мнения в Европе и Северной

¹ French president's popularity hits record low: Poll // PressTV. 2018. March 23 (<http://www.presstv.com/DetailFr/2018/03/23/556301/France-Emmanuel-Macron-Popularity>).

² *Rapnouil M.* Alone in the desert? How France can lead Europe in the Middle East — European Council in Foreign Relations. 2018. Apr. 10. P. 36 (http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR251_how_france_can_lead_europe_in_the_middle_east.pdf).

Америке в противостоянии с Россией из-за так называемого «дела Солсбери» (предполагаемое отравление отца и дочери Скрипалей нервно-паралитическим газом. — *Ред.*). Бомбардировка объектов предполагаемого производства химоружия в Сирии была призвана стать дополнительным маркером в кампании Лондона, претендующего в сложившихся обстоятельствах на роль чуть ли не мирового лидера в борьбе с теми, кто позволяет себе применять этот вид оружия массового поражения. Сводя воедино два упомянутых инцидента, британский премьер заявила следующее: «Мы не можем позволить, чтобы применение химического оружия стало нормой, будь то в Сирии, на улицах Великобритании или где бы то ни было еще»¹.

Таким образом, решение о демонстрации силы в связи с ситуацией в Восточной Гуте в апреле 2018 г. принято руководством Франции и Великобритании на фоне нового этапа активизации программы взаимодействия членов ЕС в сфере обороны и безопасности (*PESCO — Permanent Structured Cooperation on security and defence*). Приоритетными мотивами при принятии этого решения было для Лондона и Парижа стремление продемонстрировать солидарность с Соединенными Штатами, показать готовность и способность к взаимодействию армий ведущих стран Европы, а также наказать режим Башара Асада за предполагаемое применение им химического оружия. Для Парижа, судя по всему, было важно подтвердить претензии на ведущую роль Франции в Евросоюзе в том, что касается общеевропейской политики в отношении Ближнего Востока. Для Лондона — сделать заявку на новую роль самостоятельного силового фактора внутри Евро-Атлантического сообщества на фоне запущенного процесса *Brexit*.

Доминирование геополитических задач при принятии решения о бомбардировках Сирии не находилось в противоречии с внутривосточной повесткой правительств в Лондоне и Париже. Президент Макрон, судя по всему, попытался, с одной стороны, переключить внимание сограждан с проблем, вызванных осуществлением ряда внутренних реформ, а с другой — продемонстрировать твердость намерения бороться с

¹ Тереза Мэй: ракетный удар по Сирии был законным и достиг своей цели // ВВС Русская служба. 2018. 14 апреля (<https://www.bbc.com/russian/news-43769976>).

**Американо-израильское партнерство:
от Барака Обамы к Дональду Трампу**

источниками внешних угроз, генерирующими в самой Франции угрозы внутренние, прежде всего терроризм. С этой целью правительство Макрона продолжило участие в международной коалиции против ИГИЛ в Сирии, а также предприняло шаги с целью предотвращения «банализации» использования химического оружия (в этом Париж обвиняет Дамаск. — *Ред.*).

Похожие задачи решает через военную операцию в Сирии и британское правительство Терезы Мэй: с одной стороны, отвлекает внимание сограждан с проблем, связанных, в частности, с *Brexit*, а с другой — проводит, по сути, знак равенства между скандалом вокруг «дела Солсбери» («Британия — жертва химической атаки») и обвинениями Башара Асада в применении химоружия против сирийцев.

Во внешнеполитическом плане важным мотивом для Парижа и Лондона было также через демонстрацию сближения с Вашингтоном усилить рычаги влияния на президента Трампа — как применительно к Сирии, так и в отношении ядерной проблемы Ирана.

Одним из значимых результатов взаимодействия Лондона—Парижа—Вашингтона в связи с ударами по Сирии стало расширение пространства для усиления внешнеполитического позиционирования президента Макрона как «надежного партнера» между ЕС и Вашингтоном, с одной стороны, а также как приемлемого коммуникатора между ЕС (а теперь в немалой степени и Евро-Атлантического сообщества в целом) и Москвой, с другой. Похоже, что, нацеливаясь именно на эту новую роль Парижа, Макрон, несмотря на критику в своей стране и в Европе, посетил Россию в мае 2018 г. для встречи с президентом Владимиром Путиным и для участия в Петербургском экономическом форуме. Немаловажно и обозначившееся усиление позиций Франции в оси Париж—Берлин, которой предстоит во многом определять положение дел в ЕС после завершения *Brexit*.

*Татьяна Карасова**

Израильский истеблишмент склонен полагать, что его надежды на президентство Дональда Трампа в целом оправдываются. Между тем явные симпатии 45-го президента США к Израилю — недостаточное условие для радикального поворота во внешней политике США. При внешней эпатажности и популизме Трамп отдает себе отчет в том, что его попытки действовать в пользу только Израиля имеют объективные ограничения, связанные с необходимостью поддерживать партнерство с традиционными союзниками США в арабском мире. Иными словами, он вынужден учитывать интересы таких государств, как Турция и арабские монархии Персидского залива, а также проявлять осторожность, чтобы не спровоцировать новый раунд кровопролития в регионе. В этом стремлении «держаться в объятиях» одновременно Израиль и арабские монархии во многом кроется причина фокусирования Белого дома на Иране как на «общем противнике» — проамерикански настроенных арабов и Израиля.

Уже приобретший внятные очертания ближневосточный курс 45-го президента США Дональда Дж. Трампа во многом определяется наследием, которое оставил его предшественник Барак Обама. Наследие достаточно противоречивое — как в отношениях США с арабскими партнерами, так и с Израилем. По многим направлениям отношение нынешней администрации к региональным проблемам в целом и американо-израильскому аспекту в частности строится на корректировке так называемой «доктрины Обамы», обозначенной в общих чертах 44-м президентом еще в ходе его предвыборной кампании осенью

** Карасова Татьяна Анисимовна, кандидат исторических наук, руководитель Отдела изучения Израиля, Институт востоковедения РАН.*

2008 г. В ее основе лежали идеи «перезагрузки» отношений с арабским миром и создание новых возможностей для диалога и взаимопонимания между израильтянами и арабами. Задача состояла в реконструкции имиджа США как наиболее беспристрастного и эффективного третейского судьи в регионе. Обама выступал за вывод войск из Ирака, но обещал усилить военное присутствие в Афганистане; решить проблему ядерного оружия в Иране; способствовать решению проблем экономического развития ближневосточного региона и, наконец, добиться урегулирования израильско-палестинского конфликта. Для обеспечения ситуации политического равновесия в регионе планировалось подключить к этой схеме прозападные умеренные суннитские режимы¹.

Во время президентства Обамы продолжал активно функционировать механизм партнерства с Израилем, но отношения лидеров двух этих стран нельзя было назвать безоблачными. Дело в том, что развитие стратегического взаимодействия США и Израиля никогда не было однозначно поступательным процессом. Взлеты в отношениях между руководством Израиля и президентами США сменялись периодами всплеска напряженности. Несмотря на схожесть военно-политических целей руководства США и Израиля на региональном уровне, отождествлять политику этих двух государств не следует. На Ближнем Востоке Соединенные Штаты, прежде всего, фокусировались на противодействии процессам, противоречащим их интересам, которые не всегда совпадали с интересами израильского истеблишмента².

Основной набор противоречий между главами США и Израиля — президентом Б. Обамой и премьер-министром Б. Нетаньяху был связан с двумя блоками проблем: а) способами противодействия развитию ядерной программы Ирана предполагаемой военной направленности и б) с урегулированием палестино-израильского конфликта, включая решение вопроса с еврейскими поселениями на территории Западного берега реки Иордан. К концу 2015 г. в повестке дня американо-израильского партнерства появился вопрос о выработке подходов

¹ Карасова Т.А. Израиль и США. Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М.: Аспект Пресс, 2015. С. 464, 391–394.

² Там же. С. 10.

к сирийскому кризису¹. Проявлявшиеся расхождения в оценке роли Ирана, все активнее вовлекавшегося в войну в Сирии, стали еще одним фактором повышения напряжения между Обамой и Нетаньяху.

Приоритетным направлением для США всегда было участие в урегулировании палестино-израильского конфликта. Примечательно, что в этом отношении, в частности, для возобновления переговорного процесса по урегулированию конфликта администрация Обамы пыталась наращивать давление на Израиль. Эти действия Обамы нередко воспринимались в Тель-Авиве как его попытки добиться уступок со стороны Израиля в пользу арабов, а именно — прекратить строительство поселений, уйти с оккупированной территории и вернуться к границам 1967 г.² Эти меры, по мнению Вашингтона, дали бы возможность образовать палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме, а также заключить мирный договор Израиля с Сирией в контексте возвращения ей Голанских высот. На все эти требования правительство Нетаньяху не отреагировало, дав понять, что считает их неприемлемыми. Впрочем, данный американский план не приняла и палестинская сторона³.

Давление администрации Обамы на правительство Биньямина Нетаньяху обострило американо-израильские разногласия по данному вопросу. Жесткая позиция Тель-Авива по проб-

¹ Ханин В. Региональные аспекты американо-израильских отношений в свете визита Биньямина Нетаньяху в США в ноябре 2015 г. Ближний Восток и современность: сб. статей. Вып. 50. М.: Институт Ближнего Востока, 2016. С. 203.

² В период мирного процесса Осло и в рамках более поздних договоренностей было решено разделить территорию Западного Берега на три зоны. Зона А под полным гражданским и военным (полицейским) контролем ПНА, зона В под гражданским контролем ПНА и военным контролем Израиля и зона С под полным военным и гражданским контролем Израиля. Таким образом, под полным контролем ПНА находится лишь 17% территории Западного Берега, а под полным израильским контролем — 59% территории. На территории, контролируемой Израилем, расположено около 200 еврейских поселений. Находящиеся под полным и частичным контролем ПНА зоны А и В разделены на более чем 200 анклавов, окруженных израильской зоной С.

³ Eran O. Obama and Netanyahu: Round 1 // The Israel Journal of Foreign Affairs. 2009?5769/ vol 3.#2; Ettinger Y. New era for US-Israel relations // Overblog. 2016. Nov. 15 (http://www.israelhayom.com/site/newsletter_opinion.php?id=17635).

леме поселений, в свою очередь, способствовала усилению влияния радикально настроенных политиков как в израильском, так и в палестинском руководстве. Ни США, ни Израиль в конечном счете не смогли предложить решения болезненных вопросов палестино-израильского противостояния. Это подогривало взаимное недовольство сторон. В этих условиях на своем втором сроке (2012–2016 гг.) глава Белого дома, судя по всему, минимизировал личное участие в палестино-израильских делах, поручив госсекретарю Джону Керри курировать переговорный процесс. Это могло означать намерение Обамы постепенно «задвинуть» данный сюжет на задний план повестки дня своей уходящей администрации, предоставив разбираться с ним будущему преемнику¹.

События последних лет пребывания Обамы в Белом доме обострили и без того напряженные отношения между Израилем и Ираном. Заключенное в 2015 г. соглашение по иранской ядерной программе (СВПД)² создало условия для постепенного возвращения Ирана в мировую экономику и активизации его региональной политики. Израиль крайне негативно оценил эту ядерную сделку, считая, что она легитимизировала ядерный порог Ирана, подорвав тем самым безопасность еврейского государства³. С точки зрения израильских политиков, смягчив отношения с Тегераном, Вашингтон не учел интересов своего стратегического партнера и даже не попытался надавить на Иран с целью принудить его отказаться от антиизраильской

политики в контексте СВПД. В израильском истеблишменте распространялось мнение, что Обама фактически предал своего главного стратегического партнера. Условием соглашения, по мнению Израиля, должно было стать признание Ираном права Израиля на существование, однако США такое предложение отвергли, подчеркнув, что оно не является предметом данных переговоров¹.

Возвращение Ирана на политическую арену после венских договоренностей и активизация его роли в региональных конфликтах, в первую очередь в Сирии, превратили его де-факто в региональную супердержаву, враждебную Израилю. На этом фоне тема противостояния «шиитскому полумесяцу» (Дамаск–Тегеран – ливанская «Хезболла») стала главной характеристикой внешней политики Израиля².

Для демонстрации своего «понимания» проблем безопасности Израиля с учетом «иранской угрозы» администрация Обамы выделила этому государству в качестве компенсации СВПД ежегодную военную помощь со стороны США размером в 38 млрд долл. на десять лет без права требовать дополнительных ассигнований³.

Трампа гарантирует Израилю понимание

Сразу после победы Д. Трампа на выборах 2016 г. между американским президентом и израильским премьер-министром

¹ Golov A. The Long Road is the Shortest Road: Iran's Possible Routes to a Bomb // INSS Insight. No. 729. 2015. Aug. 6. P. 12 (<http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=10268>).

² Карасова Т.А. Новая страница в израильско-американских отношениях. Д. Трамп: ожидания, надежды и опасения // Контуры глобальной трансформации. Т. 10. 2017. № 2. С. 128–143.

³ 14 сентября 2016 г. США и Израиль подписали соглашение (меморандум) о взаимопонимании, в котором речь идет о предоставлении еврейскому государству в течение десяти лет военной помощи в размере 38 млрд долл. – по 3,8 млрд долл. в год. Предыдущее соглашение, принятое администрацией Буша-ст. в 2007 г. и действующее до 2018 г., предусматривало ежегодную выплату 3,1 млрд долл. Новый подписанный документ вступит в силу после истечения срока действия еще действующего меморандума. Соглашение на 2019–2028 гг. является самым крупным пакетом военной помощи, когда-либо предоставленным США какой-либо стране.

¹ Ханин В. Региональные аспекты американо-израильских отношений в свете визита Биньямина Нетаньяху в США в ноябре 2015 г. Ближний Восток и современность: сб. статей. Вып. 50. М.: Институт Ближнего Востока, 2016. С. 10.

² Создание атомной энергетики в Иране началось во время правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, когда в середине 1950-х гг. был основан Атомный центр Тегеранского университета. Разработки в области атомной энергии проводились при помощи США, с которыми Иран в 1957 г. подписал Соглашение о мирном использовании ядерной энергии. В соответствии с этим соглашением Вашингтон обязался поставить в Иран ядерные установки, оборудование и подготовить специалистов. Сделка с Ираном угрожает существованию Израиля, заявил Нетаньяху Обаме. См.: Переговоры Ирана и шестерки в 2015 г. (464) (<http://ria.ru/world/20150403/1056298132.html#ixzz3WE5gCb6Y>).

³ Landau E. Obama's Legacy, a Nuclear Iran? Middle East Quarterly 2017. Spring (<http://www.meforum.org/6561/obama-legacy-a-nuclear-iran>).

ром возникло полное взаимопонимание¹. Они продемонстрировали совпадение интересов двух стран по различным аспектам обеспечения стабильности на Ближнем Востоке. Трамп одобрил идею Нетаньяху о возможности создания стратегического альянса между Израилем и суннитскими арабскими странами для борьбы против шиитских и суннитских джихадистских группировок, что дает возможность создания новой региональной архитектуры безопасности². Новая американская администрация подчеркивала, что придает большое значение тесному сотрудничеству с Израилем в военной сфере, в вопросах разведки и согласования действий служб безопасности, подтвердив свое стремление всеми силами способствовать обеспечению безопасности Израиля. Президент Трамп постоянно выделял роль Израиля как значимого партнера в глобальной борьбе США против радикального исламского терроризма³. Почти сразу после инаугурации нового президента прошло незамеченным знаковое событие, демонстрирующее уровень сближения США и Израиля «во имя глубокой политической и военной солидарности»: в 2017 г. началось строительство первой военной базы на израильской территории⁴.

Относительно переноса посольства США в Иерусалим Трамп поначалу заявил, что поддерживает такой шаг, но подходит к нему с большой осторожностью и нуждается в большем времени для изучения данного вопроса⁵. Израильские экспер-

¹ *Levi J.* Published: This full transcript includes the full text of the US President's remarks and also the entire Q&A session. 2017. Feb. 16 (<http://www.jewishpress.com/news/breaking-news/full-text-us-president-donald-trumps-remarks-plus-qa-at-joint-white-house-briefing/2017/02/16>).

² Каким будет новый ближневосточный курс с США — прогноз советника Трампа в Израиле. 2016. 11 ноября (<http://cursorinfo.co.il/news/novosti1/2016/11/11/kakim-budet-noviy-blizhnevostochnyy-kurs-ssha-prognoz-sovetnika-trampa-v-izraile>).

³ Donald Trump, Israeli Prime Minister Netanyahu Talk Border Fence. 2016. Oct. 27 (<http://www.defenddemocracy.press/donald-trump-israeli-prime-minister-netanyahu-talk-border-fence>).

⁴ Malcolm Andrew Quietly, the U.S. builds its first Army base inside Israel. 2017. Nov. 13 (<https://hotair.com/archives/2017/11/13/us-army-building-first-base-in-israel>).

⁵ *Levi J.* Iran among Main Issues on Netanyahu — Trump Agenda Published. 2017. Feb. 15 (<http://www.jewishpress.com/news/breaking-news/iran-among-main-issues-on-netanyahu-trump-agenda/2017/02/15>). Также см. подробнее на ТАСС: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4026879>

ты, проанализировав первые высказывания Трампа и его советников по Ближнему Востоку, составили основные базовые идеи дальнейшего развития двусторонних отношений. Важнейшим из них для еврейского государства становится подтверждение тезиса о том, что для Соединенных Штатов еврейский суверенитет над «землей Израилевой» неотделим от уникального исторического права евреев, ценимого и отцами-основателями США, а не просто компенсацией за Холокост. Новая администрация также подтвердила, что Израиль является эффективным, безусловным геостратегическим союзником Америки, расширяющим влияние США с помощью не американских, а своих солдат в рамках обоюдовыгодных двусторонних отношений. Администрация Трампа склонна полагать, что палестинский вопрос не является главной причиной региональной турбулентности и центром арабской внешней политики, равно как и причиной терроризма, направленного против США и его граждан. У израильских аналитиков сначала сложилось мнение, что Трамп будет минимизировать свою включенность в палестино-израильское урегулирование, так как американская вовлеченность в переговорный процесс радикализирует арабские ожидания и требования, подрывает мирные перспективы и усиливает давление на Израиль¹.

Подход к ядерной программе Ирана. В процессе обсуждений вопроса о противостоянии ядерной угрозе со стороны Ирана Трамп дал ясное обещание не допустить появления у Тегерана ядерного оружия. Лидеры США и Израиля выступили против соглашения с Ираном по ядерной программе от 2015 г., в котором предусматривалось снятие США и Евросоюзом экономических санкций в обмен на свертывание иранской ядерной программы военной направленности. Новый хозяин Белого дома пообещал при определенных условиях восстановить самые жесткие антииранские санкции².

Как и ожидалось, Израиль с энтузиазмом поддержал планы Трампа по сдерживанию Ирана, по борьбе с терроризмом и ре-

¹ *Ettinger Y.* New era for US-Israel relations // Overblog. 2016. Nov. 15 (http://www.israelhayom.com/site/newsletter_opinion.php?id=17635).

² *Hanegbi T., Rabinovich I.* President Trump and the Middle East: Views from Israel // The Washington Institute for Near and Policy. 2017. Feb. 2 (<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/president-trump-and-the-middle-east-views-from-israel>).

лигиозным экстремизмом и по другим региональным вопросам — от мирного урегулирования в Сирии и стабилизации в Ливане до укрепления отношений с Египтом и Саудовской Аравией¹.

Подход к сирийской проблеме. В последние годы Иран начал восприниматься Израилем как основной стратегический противник не только из-за своей атомной программы и враждебной риторики, но и из-за того, что, борясь за влияние в мусульманском мире, он усилил свое присутствие в Сирии, скрепив союз не только с правительством Асада и ливанской «Хезболлой», но и с рядом террористических группировок, воюющих против еврейского государства. Иранское военное присутствие в Сирии в виде регулярных подразделений и шиитских ополченцев создает непосредственную реальную военную угрозу для безопасности Израиля. Особенно беспокоит Иерусалим ситуация на его северной границе, в Ливане, где действует «Хезболла». Эта группировка активизировалась в районе Голанских высот, продолжает переброску вооружений и военной техники из Сирии в Бейрут, пополняя тем самым свой боевой потенциал стратегического значения. Для противодействия этому израильская армия наносит превентивные удары силами своих ВВС².

Тревожат израильтян и участвовавшие в последние годы испытания баллистических ракет, несмотря на то, что Иран постоянно подчеркивает свое невмешательство во внутренние дела соседних государств³. Особо громкий резонанс получили запуски 4–5 марта (накануне встречи Трампа с Нетаньяху) двух

¹ *Levum A.* Как мировые державы реагируют на победу Трампа 18 ноября 2016 г. (http://carnegie.ru/2016/11/18/ru-pub-66174?mkt_tok=eyJpIjoiWWI1Mk5tTmhPRFZqWkRBNCIsInQiOiI1Y1pJOE9PdGRzcEVhMhI6NmppYR0NEYN4OGNUQTRpcWEzdjA0bzc0UzU0SXltMEFkTHcrVHJadDFycjRaR0xKUlhGVTFKcTEzUW45WkhXc84YUUtVWTE0VHhxSDZCXC9yZ0J2TTNoa0dYS3JBPSJ9).

² *Panko R.* Netanyahu Demands Summit With Putin After Russia and Iran Ruin Israel's Plan For Syria. 2017. March 8 (<http://www.defenddemocracy.press/netanyahu-demands-summit-with-putin-after-russia-and-iran-ruin-israels-plan-for-syria>).

³ *Landay E., Asculai E., Stein Sh.* One Year to Implementation of the JCPOA: Assessing the Nuclear Deal in Context // Strategic Survey for Israel 2016–2017 (Kurtz A, Brom Sh, Ed.). Institute for National Security Studies (INSS). Ramat Aviv, 2016. P. 25.

ракет дальнего радиуса действия Fateh-110 с баз «Корпуса стражей Исламской революции» (КСИР) на юго-востоке Ирана¹.

Израильское руководство, рассчитывая на поддержку своего стратегического партнера — США, довело до сведения администрации Трампа свою решимость противостоять нарастающей военной активности Ирана и «Хезболлы» у своих границ. Речь идет о перечне конкретных пунктов (так называемая «красная линия»), которые ни при каких обстоятельствах не могут быть приемлемы для Иерусалима. Прежде всего, Израиль не может согласиться с растущим влиянием Ирана в Сирии, в том числе в районе Голанских высот, а также с передачей сирийцами оружия боевикам «Хезболлы». Недопустимы для Израиля и планы Тегерана по созданию военной базы на подступах к восточным рубежам еврейского государства, а также военно-морской базы у берегов Сирии. Примечательно, что израильский истеблишмент резко выступил против соглашения о зонах деэскалации (прежде всего вблизи своей границы на юге Сирии), достигнутого между Россией и США, поскольку оно якобы не учитывает интересов безопасности Израиля и может привести к дальнейшему усилению позиций Ирана на Ближнем Востоке².

Формально разделяя озабоченность Израиля, администрация Трампа, однако, не торопилась активизировать действия против Ирана на территории Сирии, по крайней мере, до того, как окончательно не будут разбиты силы ИГ. Более того, американский президент проинформировал военное руководство о своем намерении вывести подразделения Пентагона из Сирии, даже не дожидаясь окончательной победы над ИГ³.

Еще в 2014 г., при Обаме, в год создания международной коалиции для борьбы с террористическими группировками в Сирии, было заявлено, что эта коалиция намерена воевать

¹ Нетаньяху в гости к нам: Израиль попросит Россию подействовать на Иран. 2017. 8 марта (<https://eadaily.com/ru/news/2017/03/08/netanyahu-v-gosti-k-nam-izrail-poprosit-rossiyu-podeystvovat-na-iran>).

² *Narwani S.* A once favorable balance of power has shifted, clipping Tel Aviv's wings. 2017. Sept. 6 (<http://www.theamericanconservative.com/articles/israels-geopolitical-gut-check>).

³ Sachs Natan Israel and Trump are at odds on Syria. Brookings Institute. Wednesday. 2018. Apr. 11 (<https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/04/11/israel-and-trump-are-at-odds-on-syria>).

с ИГ, а не с правительством Сирии¹. Первоначально Трамп придерживался этой официальной версии.

Вскоре (во многом благодаря действиям российских ВКС и сирийской армии) ИГ было нанесено решающее поражение. Но в середине апреля 2018 г. под предлогом применения химического оружия сирийскими вооруженными силами против мирного населения (что не было фактически подтверждено расследованием) была, вновь в полном несоответствии с предыдущими планами, продемонстрирована некая активизация действий Пентагона в Сирии. Американский президент заявил, что его отношение к Сирии и Асаду «радикально изменилось»². В результате США совместно с Великобританией и Францией в апреле 2018 г. нанесли ракетные удары по объектам в Сирии (в первый раз Трамп нанес такие удары в апреле 2017 г.). На самом деле, считают многие аналитики, Вашингтон предпринял пропагандистско-демонстрационную операцию, которая на деле не принесла ощутимых результатов какой-либо из сторон³.

Руководство Израиля выразило «полную поддержку» ударам США и их союзников в Сирии⁴, обвинив Дамаск в том, что «его действия подвергают Сирию, ее вооруженные силы и ее руководство опасности»⁵. Й. Галант, генерал в запасе, в прошлом член комитета по обороне Израиля, нынешний министр строительства, заявил, что «американский удар стал важным сигналом для оси зла – Ирана, Сирии и “Хезболлы”»⁶.

¹The Global Coalition To Defeat ISIS (<https://www.state.gov/s/secs/index.htm>).

²Greg Myre. What Is The U.S. Goal In Syria? 2017. Apr. 8 (<https://www.npr.org/sections/parallels/2017/04/08/523016523/what-is-the-u-s-goal-in-syria>)

³Носенко Т. Горячие войны эпохи холодной войны. 2018. 19 апреля (<http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/goryachie-voyny-2-0>).

⁴Netanyahu: Israel ‘fully supports’ US-led strikes in Syria after chemical attack. The Times of Israel’s Daily Edition. 2018. Apr. 14 (<https://www.timesofisrael.com/netanyahu-israel-fully-supports-us-led-strikes-in-syria-after-chemical-attack>).

⁵Israel call US strikes on Syria ‘appropriate,’ says its leaders may be targeted. The Times of Israel’s Daily Edition. 2018. Apr. 14 (<https://www.timesofisrael.com/israel-says-us-strikes-on-syria-are-appropriate-issues-further-warnings>).

⁶Ibid.

В Израиле сознают, что Америка не будет обеспечивать существование и функционирование буферной зоны между Голанами и шиитскими подразделениями в Сирии, равно как и то, что ирако-сирийская граница не станет непроницаемой для террористов¹. Главное, однако, в том, что Иран отчетливо заявляет о том, что не собирается освободить сирийскую территорию от своего военного присутствия и после окончания боевых действий в этой арабской стране. Из этого в Иерусалиме делается вывод, что Израиль должен брать в свои руки вопросы обеспечения собственной безопасности. Израильские политики уверены, что цель проиранских ополченцев-шиитов, которые активно действуют в САР на стороне Б. Асада, – не столько борьба с террористическими и вооруженными оппозиционными формированиями, сколько захват сирийских территорий и распространение на них контроля Ирана. Официальный Тель-Авив заявляет, что готов к прямому противостоянию с Тегераном, считая, что применение оружия в отношении, по крайней мере, «Хезболлы» теперь всего лишь вопрос времени. Не исключено, что в случае перехода сирийской части Голан под контроль сирийского правительства линия противостояния с «Хезболлой» охватит северо-восток Израиля с трех сторон. Для Израиля это совершенно неприемлемо. На риторическом уровне израильские политики заявляют о решимости добиваться своих целей, даже игнорируя позиции великих держав. «Израиль сохраняет полную свободу действия – вопреки договоренностям между Трампом и Путиным», – пообещал министр обороны Авиغدор Либерман².

Позиция Израиля по СВПД. Односторонний выход США из ядерного соглашения с Ираном (официальное название – «Совместный всеобъемлющий план действий» – СВПД) означает для Израиля такой уровень поддержки, о котором не приходилось и мечтать при всех предыдущих президентах Соединенных Штатов. Израильское правительство с энтузиазмом встретило это решение американского президента. Израильские политики считают, что данный шаг позволит Трампу укрепить

¹Crooke A. The Reasons for Netanyahu’s Panic. 2017. Sept. 6 (<http://www.defenddemocracy.press/the-reasons-for-netanyahus-panic>).

²Netanyahu. Pushes Trump Toward Wider Wars. 2017. Jul. 31 (<http://www.defenddemocracy.press/netanyahu-pushes-trump-toward-wider-wars>).

статус Соединенных Штатов в регионе и расширит возможности комплексного решения региональных проблем, включая вопрос о ядерном соглашении с Ираном¹. Белый дом, отбросив все аргументы против со стороны государств Европейского союза, стремится таким образом не дать Тегерану закрепиться на Ближнем Востоке, прежде всего в Ираке и Сирии. Для Израиля это означает, что Соединенные Штаты не потерпят любой угрозы безопасности еврейскому государству. Нетаньяху с самого момента принятия соглашения считал, что оно, вместо того чтобы предотвратить войну, толкает регион к вооруженному конфликту².

Однако в Израиле существует и иное мнение, согласно которому решение Трампа усиливает риски Израиля, тем более что вооруженные силы страны начали очевидную для израильтян подготовку к возможной войне. Осуществлен призыв резервистов сил противовоздушной обороны, военной разведки и командования тыловых группировок. Армейское руководство выпустило приказ для жителей северной части Голанских высот на границе с Сирией о необходимости подготовить укрытия для защиты от возможных атак с воздуха³. Возможность войны Израиля при поддержке США против Ирана становится надвигающейся угрозой, которую обсуждает вся страна.

На наш взгляд, здесь прослеживается определенное (возможно, намеренное) заблуждение израильского руководства: Израилю угрожает не Иран, а иранское военное присутствие в Сирии и обострение ирано-израильского противостояния (в частности, усиливающийся обмен ракетными ударами на территории Сирии), которое имеет тенденцию к нарастанию. Не исключено, что выход США из СВПД может быть воспринят в Израиле как «победа» известной линии правительства Нетаньяху и интерпретироваться Иерусалимом как фактор, побуждающий к активизации боевых действий против Ирана в Сирии. Равно как и в Тегеране это событие (выход США из

СВПД) может интерпретироваться как «подготовка новой волны давления на Иран», которая будет вынуждать Тегеран давать отпор прежде всего в Сирии.

Б. Нетаньяху в июне 2018 г. предпринял дипломатическое турне по странам Старого Света с целью убедить европейских лидеров поддержать решение Трампа о выходе из ядерного соглашения. Он встретился с главами МИД государств Евросоюза (это первая подобная встреча израильского премьер-министра за 22 года). «Я буду обсуждать с ними развитие событий в регионе, но основное внимание будет уделено Ирану, и в первую очередь продолжению сдерживания иранской ядерной программы», — заявил перед поездкой премьер-министр Израиля¹. Однако израильскому премьеру не удалось переубедить европейских лидеров, продолжающих крайне негативно оценивать решение Трампа по Ирану.

Трамп между Израилем и Палестиной

Новая администрация дала понять Израилю, что Трамп хоть и согласен помочь своему ближневосточному партнеру, но не во всем. В частности, Белый дом подчеркивал, что расширение еврейских поселений «не будет способствовать урегулированию» конфликта. Вашингтону важно, чтобы дело не доходило до прямых столкновений. В Израиле стараются избегать чрезмерных ожиданий от Трампа: судя по всему, там считают достаточным, чтобы США перестали давить на израильское правительство, как это делал Обама, и продолжили защищать еврейское государство в ООН². Это и понятно, ибо Трамп явно не готов брать на себя ответственность за все действия Израиля и особенно за их последствия. Иными словами, проблемы в американо-израильских отношениях остались прежними.

Сам Нетаньяху не упускает случая напомнить, что продолжает придерживаться принципа «два государства для двух на-

¹ *Eilam S., Oreg R.* The Trump Administration's First 100 Days: From Election Promises to the Challenges of Reality. INSS Insight. No. 922. 2017. May 4 (<http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=13345>).

² *Willsher Kim.* Trump's Iran decision wins plaudits from Israel and Saudi Arabia, blistering criticism from Europe. 2018. May 8 (<http://www.latimes.com/world/la-fg-iran-nuclear-reax-20180508-story.html>).

³ *Ibid.*

¹ BICOM Briefing. Netanyahu in London. 2018. June (<http://www.bicom.org.uk/wp-content/uploads/2018/06/Briefing-Netanyahu-in-London-2.pdf>).

² *Алексеева Н.* Большой брат Израиля: о чем договорятся Трамп и Нетаньяху. 2017. 15 февраля (<https://russian.rt.com/world/article/359293-tramp-netanyahu-izrail-ssha>).

родов». По его словам, он не готов аннексировать почти два миллиона палестинцев, с тем чтобы те стали израильскими гражданами. При этом он не представил альтернативы данной концепции. Нетаньяху предложил американской стороне признать Голанские высоты неотъемлемой частью Израиля. Трамп же не отреагировал на эту просьбу¹.

Важным событием для Израиля стала готовность Трампа не заикливаться на многолетней позиции США по палестино-израильскому конфликту, однозначно предусматривавшей создание «двух государств для двух народов». Это означает возможность отказа от концепции, которая лежит в основе международного подхода к палестино-израильскому урегулированию и неизменно поддерживалась Вашингтоном. Эта позиция Трампа вызвала серьезную озабоченность среди палестинцев. Представители ПНА призвали Вашингтон не отказываться от идеи создания независимого палестинского государства². Между тем Трамп пообещал добиться заключения «великого» мирного договора между палестинцами и израильянами, но подчеркнул, что для этого обе стороны конфликта должны пойти на компромисс.

Администрация Трампа видит в нынешней региональной ситуации определенные возможности для новой попытки разрешить палестино-израильский конфликт. Вашингтон исходит из того, что теперь арабские страны и еврейское государство смогут наконец найти общий язык и договориться о мирном сосуществовании. Появляется информация и о возможных шагах со стороны Израиля с целью обозначить прорыв на палестинском направлении. Продолжает прорабатываться политический план, ведущий к достижению мира по формуле «два государства для двух народов». Он вновь базируется на многостороннем, многотрековом подходе, который обеспечил бы постепенный и контролируемый прогресс в урегулировании, который также предусматривает переходный период для выстраивания возможностей к осуществлению идеи «два государ-

¹ Карасова Т.А. Новая страница в израильско-американских отношениях. Д. Трамп: ожидания, надежды и опасения // Контурсы глобальной трансформации. Т. 10. 2017. № 2. С. 128–143.

² Трамп намерен добиться «великого мира» на Ближнем Востоке. 2017. 16 февраля ([http://www.bbc.com/russian/news-38987069...](http://www.bbc.com/russian/news-38987069)).

ства для двух народов», который основывался бы на принципе «of what's agreed upon is implemented» («О чем договорились, то сделано»). Предусматривается привлечение международной и региональной помощи для создания основ для функционирования государства на Западном берегу р. Иордан и подключение многосторонней поддержки политического процесса, гарантирующего продвижение вперед с учетом обеспечения безопасности Израиля¹.

Президент США осудил «одностороннюю» позицию ООН в отношении Израиля и международные бойкоты этого государства. В конечном счете, по словам главы Белого дома, достижение мирного договора — это дело двух конфликтующих сторон. Он заморозил решение Обамы о переводе 221 млн долл. Палестине. В то же время Трамп призвал Нетаньяху притормозить процесс строительства новых поселений на оккупированных территориях. Премьер-министр Израиля по этому поводу изложил свою точку зрения: палестинцы должны признать еврейский характер государства Израиль, и при любом мирном соглашении Израиль должен контролировать вопросы поддержания безопасности на всей территории к западу от реки Иордан².

Многообещающие заявления Трампа воодушевили Иерусалим на новый виток расширения поселений. Власти Израиля объявили в январе 2017 г. о строительстве 2500 домов в еврейских поселениях на Западном берегу р. Иордан (ЗБРИ) и 566 домов в Восточном Иерусалиме³. Затем Кнессет принял законопроект о легализации строительства на частных палестинских землях оккупированного Западного берега реки Иордан. Документ определяет процедуру легализации поселенческих форпостов и отдельных зданий, сооруженных на частных палестинских землях и считавшихся ранее незаконными самими властями Израиля⁴.

¹ Громов А. Новые возможности на Ближнем Востоке: как Трамп мирит Палестину и Израиль. 2017. 5 мая (<https://riafan.ru/752058-novyevozmozhnosti-na-blizhnem-vostoke-kak-tramp-mirit-palestinu-i-izrail>).

² Team Trump Finally Brings Realism to US Mideast Policy By Post Editorial Board. 2017. Feb. 6 (<http://nypost.com/2017/02/06/team-trump-finally-brings-realism-to-us-mideast-policy>).

³ Белькова Л. Мирный Восток. Трампу предложили план по решению арабо-израильского конфликта. 2017. 14 февраля (<https://russian.rt.com/world/article/359076-israil-palestina-tramp>).

⁴ Там же.

Министр образования Беннетт сказал, что его видение мира может быть достигнуто в сотрудничестве с Трампом. «Пришло время для “мира правых”, — заявил министр, — мира через силу экономического взаимодействия. Это мир, который учитывает наши общие интересы с государствами Персидского залива. Мир, основанный на противостоянии Ирану»¹.

Мнения правых политиков подхватила израильская пресса, вновь поднимая вопрос о необходимости ускорения решения проблемы переноса американского посольства в Иерусалим и о своевременности аннексии области «С» на Западном берегу².

В декабре 2017 г. Д. Трамп принял принципиальное решение, согласно которому США признают Иерусалим столицей Израиля и перенесут туда свое посольство (впервые такой вариант был представлен Вашингтоном еще в 1995 г.). Этому решению предшествовал ряд переговоров между представителями Тель-Авива и Рамаллы, а также региональными игроками с так называемой «мирной командой» президента, возглавляемой его зятем и советником Дж. Кушнером и спецпредставителем Кушнера в вашингтонской администрации Дж. Гринблаттом. Данная команда активно участвует в разработке долгожданного плана Трампа по мирному урегулированию конфликта и в ходе встреч с палестинцами пыталась уверить их, что перенос американского посольства в Иерусалим несколько не противоречит планам мирного урегулирования палестино-израильского конфликта³. Однако палестинскую сторону команде убедить не удалось, и президент ПНА Махмуд Аббас обратился к членам ООН с предложением создать международный механизм по урегулированию конфликта, который смог бы заменить любые планы по Палестине, предлагаемые США⁴. М. Аб-

бас обвинил Трампа в том, что его позиция по Иерусалиму фактически «дисквалифицировала» его способность продвигать любую будущую возможность политического процесса урегулирования¹.

Становится все более очевидно, что из-за крайне негативной реакции палестинцев и арабских государств если и появится американский план урегулирования проблемы, то палестинская сторона едва ли станет его даже обсуждать². Палестинское руководство признало новое заявление Трампа по Иерусалиму не только нарушением международного права и резолюции ООН по Иерусалиму, но также и Декларации принципов от 1993 г., известной как Соглашение Осло (которое было подписано в Белом доме). В соответствии с этим Соглашением (Приложение, статья 5) судьба Иерусалима как единого целого должна стать предметом обсуждения в процессе переговоров между двумя сторонами, включая его Восточную и Западную части³. Эксперты признают, что перезапустить процесс урегулирования в нынешней накаленной обстановке, особенно когда просматривается возможность новой интифады, не представляется возможным.

Несмотря на это обстоятельство, администрация Трампа продолжает наращивать давление против всех несогласных с его позицией по Иерусалиму. Глава Белого дома даже пригрозил сократить финансовую помощь странам, поддержавшим проект резолюции СБ ООН, осуждающий признание Иерусалима столицей еврейского государства. США заблокировали данную резолюцию, применив право вето⁴.

www.businessinsider.com/trump-middle-east-peace-plan-un-security-council-2018-2).

¹Trump's peace team keeps its head down amid Abbas onslaught. 2018. Dec. 24 (<https://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/Trumps-peace-team-keeps-its-head-down-amid-Abbas-onslaught-519938>).

²Онтиков А. Палестинцы едут в Москву обсуждать Иерусалим. 2017. 19 декабря (<https://iz.ru/683783/andrei-ontikov/palestintcy-edut-v-moskvu-obsuzhdad-ierusalim>).

³Salem W. Transforming the hit to an opportunity. (Special to Valdai Club – Moscow). 2017. Dec. 7.

⁴Trump threatens to cut aid to countries opposing US at UN. 2017. Dec. 21 (<http://www.bicom.org.uk/news/trump-threatens-cut-aid-countries-opposing-us-un>).

¹Беннетт: Пришло время принуждать палестинцев к миру силой (http://mignews.com/news/politic/260517_75302_61706.html).

²Бехор Г. Сказочная победа президента Трампа: «День независимости для всех жевунов» 2016. 18 ноября (<http://9tv.co.il/news/2016/11/18/234583.html>).

³Trump's peace team keeps its head down amid Abbas onslaught. 2018. Dec. 24 (<https://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/Trumps-peace-team-keeps-its-head-down-amid-Abbas-onslaught-519938>).

⁴Wilner Michael. Trump's Middle East peace team briefed the UN Security Council on their plan // Jerusalem Post. 2018. Feb. 20 (<http://>

Как ни покажется странным, но приход в Белый дом Трампа может обернуться новыми проблемами для Нетаньяху. Если американский президент в действительности окажет давление на палестинцев с целью склонить их к активному участию в урегулировании и воздержится от осуждения израильской политики строительства поселений, то это может создать определенные трудности для кабинета Нетаньяху. Дело в том, что реальный прорыв в переговорном процессе может лишить израильского премьера главного рычага, благодаря которому тот манипулирует амбициями своих праворадикальных партнеров, намеренных уничтожить любую надежду на создание палестинского государства. Эта перспектива поставит Нетаньяху перед непростым выбором: под угрозой окажется либо сохранение правящей коалиции, либо само будущее Израиля как либерального и демократического еврейского государства¹.

Давление на Нетаньяху нарастает и справа, и слева. До недавнего времени глава правительства подвергался главным образом критике слева. Премьеру ставили в вину и самый правый в истории страны кабинет министров, и испорченные отношения с Вашингтоном (при Обаме), и потакание поселенцам, и, разумеется, торможение мирного процесса. Но как только премьер призвал к осторожности в вопросе о дальнейшей аннексии территорий (в частности, Маале-Адумим, еврейского городского конгломерата на палестинской территории), он тут же вызвал на себя огонь критики с правого фланга². На встрече с членами своей партии Ликуд Нетаньяху раскритиковал точку зрения, согласно которой после прихода к власти в США Трампа Израилю «всё позволено». Он пресек предложения правых

¹ *Levum A.* Израиль: медовый месяц: мировые державы реагируют на победу Трампа. 2016. 18 ноября (http://carnegie.ru/2016/11/18/ru-pub-66174?mkt_tok=eyJpIjoiWW1JMk5tTmhPRFZqWkRBNCIsInQiOiI1Y1pJOE9PdGRzcEVhMH16NmpYR0NEYnA4OGNUQTRpcWEzdjA0bzczUzU0SXltMEFkTncrVHJadDFycjRaR0xKUlhGVTFKcTEzUW45WkhXc84YUtVWTE0VnhxSDZCXC9yZ0J2TTNoa0dYS3JBPSJ9).

² Воцарение Трампа обернулось неожиданными проблемами для Израиля // Израиль в фокусе. 2017. 3 февраля (<https://eadaily.com/ru/news/2017/02/03/vocarenie-trampa-obernulos-neozhidannymi-problemami-izrail-v-fokuse>).

политиков, считающих, будто бы Белый дом в любом случае поддержит действия Тель-Авива¹.

Правый политический фланг Израиля с оптимизмом оценил перспективы сотрудничества с администрацией Д. Трампа. Министр обороны А. Либерман заявил, что строительство поселений на ЗБРИ отвечает интересам Израиля в независимости от того, как отреагирует на это международное сообщество. Он лично в рамках своей компетенции одобрил строительство более 600 домов в 2016 г. и предполагает запустить новый план строительства². Правый поселенческий лагерь, который принципиально выступает против идеи двух государств, рассчитывает на полную свободу рук в освоении большинства территорий на Западном берегу р. Иордан и убеждает Нетаньяху воспользоваться благоприятным моментом для расширения поселений. Политики этого лагеря считают, что премьер упускает уникальную возможность, которая, вероятно, уже не повторится. Так, министр сельского хозяйства У. Ариэль заявил, что Израиль может и должен начать строить поселения «уже на будущей неделе». А министр просвещения Нафтали Беннет, глава крайне правой партии «Еврейский дом», призвал правительство официально отвергнуть идею палестинского государства и объявить об аннексии Западного берега р. Иордан³. Он полагает, что администрация Трампа фактически выдала Израилю карт-бланш на подобного рода действия⁴. С другой стороны, даже правые силы понимают, что поспешные шаги с их стороны только подчеркивают зависимость Израиля от Вашингтона, и не скрывают, что их планы нуждаются в согласовании с новым президентом США⁵.

Можно сказать, что положение израильского премьера сегодня весьма шатко. Против Нетаньяху возбуждено уголовное

¹ Netanyahu departs for Washington DC. 2017. Feb. 13 (<http://www.bicom.org.uk/news/netanyahu-departs-washington>).

² *Friedman A.* Lieberman Says Abbas is Not a Legitimate Leader. 2017. May 24 (<http://www.jewishpress.com/news/eye-on-palestine/dm-lieberman-says-abbas-is-not-a-legitimate-leader/2017/05/24>).

³ Прогноз: Трамп может оказаться для Израиля «хуже» Обамы (<http://news.israelinfo.co.il/politics/64148>).

⁴ Нетаньягу: огонь «справа». 2017. 24 января (http://mignews.com/news/expert/240117_171002_77631.html).

⁵ Там же.

дело (по подозрению в превышении полномочий в растрате государственных средств. — *Ред.*), его политические противники пытаются добиться отставки правительства и провести досрочные выборы. Конечно, многообещающая поддержка американской администрации (появился даже новый термин — «Trumpportunities», который можно перевести как «шансы, предоставляемые Трампом») прибавила очки в пользу Нетаньяху, более того, поддержка политики Израиля новым президентом усилила положение и амбиции правых партий Израиля. Тем не менее премьеру необходима более солидная политическая поддержка внутри страны, чтобы как-то справляться с нарастающим противостоянием между левым и правым политическими флангами в Израиле¹.

С приходом Д. Трампа в Белый дом связаны серьезные надежды Израиля. Но симпатии Трампа к Израилю — недостаточное условие для радикального поворота во внешней политике США. При внешней эпатажности и популизме Трамп отдает себе отчет, что его произраильские симпатии имеют объективные ограничения, связанные с необходимостью поддерживать отношения с традиционными союзниками США в арабском мире. Иными словами, он вынужден учитывать интересы таких государств, как Турция и Саудовская Аравия, а также проявлять осторожность, чтобы не спровоцировать новый раунд кровопролития в регионе.

Проблема также и в том, что практически все внешнеполитические инициативы Трампа наталкиваются на жесткую критику и прямое отторжение, причем как внутри страны, так и вовне. Трамп до сих пор находится под жесточайшей атакой своих оппонентов внутри США. Более того, он уже потерпел ряд крайне болезненных аппаратных поражений². Многие израильские политологи прогнозируют, что новый американский лидер быстро усвоит «правила игры», принятые в ближневосточном регионе, и обманет ожидания израильских правых политиков так же, как это раз за разом делали его предшественники.

¹ *Карасова Т.А.* Новая страница в израильско-американских отношениях. Д. Трамп: ожидания, надежды и опасения // *Контур* глобальной трансформации. Т. 10. 2017. № 2. С. 128–143.

² *Dekel Y.* It's Time to Decide: Notes on the Conference Marking One Decade of the Institute for National Security Studies, INSS Insight. No. 892. P. 6.

Таким образом, Трамп анонсировал откровенно произраильскую политику, призывая защищать интересы этого государства. Приход к власти нового президента при всей непредсказуемости его политической судьбы и, естественно, его внешнеполитического курса, включая ближневосточное направление, сулит Израилю как новые возможности, так и новые разочарования. Лишь одно можно считать неизменным: Израиль был и останется важным стратегическим партнером США.

Североатлантический альянс продвигает «Арабское НАТО»: геополитика на фоне цивилизационного разрыва

С момента образования в 1981 г. организации Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) объединяет Саудовскую Аравию, ОАЭ, Катар, Оман, Бахрейн и Кувейт) ее отношения с ведущими странами Запада, и особенно с Соединенными Штатами, были не просто стабильными и прочными, но и постоянно развивались практически во всех областях. Во многом их скрепляло противостояние с Ираном после исламской революции 1979 г., за которой последовала ирано-иракская война (1980–1988 гг.). Еще больше закалились эти отношения в военной сфере в ходе и по результатам международной операции (под руководством США) «Буря в пустыне» с целью выдворения армии Ирака из оккупированного ею соседнего эмирата Кувейт (операция проводилась с января по март 1991 г.). Сохранявшаяся в регионе нестабильность способствовала повышению уровня стратегического и тактического взаимодействия военных структур США и арабских монархий. Однако при президенте Бараке Обаме этот, казалось, непоколебимый военно-политический союз начал ослабевать: сначала из-за «химической сделки» между Москвой и Вашингтоном в отношении Сирии (сентябрь 2013 г.), вызвавшей недовольство арабских монархий. А спустя два года (в июле 2015 г.) арабские партнеры Соединенных Штатов начали открыто критиковать администрацию президента Барака Обамы в связи с достигнутой ею совместно с ведущими странами Евросоюза, а также Россией и Китаем договоренностью с Ираном с целью урегулирования его ядерной программы (СВПД).

Лоббистские структуры арабских монархий и Израиля в Вашингтоне внесли свой вклад в формирование негативного имиджа внешнеполитического курса Барака Обамы – как минимум в отношении Ближнего Востока. На этом «провале» 44-го президента успешно набирал очки претендент на главный пост в США республиканец Дональд Трамп. Став хозяином Белого дома, он про-

возгласил восстановление партнерских отношений с арабскими монархиями практически столь же значимой задачей, как и преодоление возникших при Обаме разногласий США с Израилем. И, как видно, достаточно последовательно претворял свои предвыборные обещания в жизнь.

Уже в мае 2017 г. в ходе визита в Эр-Рияд новоизбранный президент США Дональд Трамп предложил свой рецепт залечить раны, нанесенные его предшественником американо-арабскому партнерству. Он выдвинул новый интеграционный проект в военно-политической сфере – «Ближневосточный стратегический альянс» (Middle East Strategic Alliance – MESA), неофициально именуемый «Арабским НАТО». По замыслу его Вашингтонских инициаторов, этот альянс должен распространить взаимные союзнические обязательства на все арабские монархии Залива, а также Египет и Иорданию. Проект, судя по всему, предполагает партнерство этих стран с Израилем, но не его прямое участие в данном альянсе. Однако новые интеграционные инициативы Вашингтона и Брюсселя неожиданно натолкнулись в октябре 2018 г. на разразившийся вокруг Саудовской Аравии кризис (вызванный убийством 2 октября в саудовском консульстве в Стамбуле известного журналиста Джамала Хашогги), который трудно определить иначе как «цивилизационный».

Вашингтон оживляет стратегическое партнерство с монархиями Залива

*Елена Мелкумян**

Формирование стратегического союза между США и арабскими государствами – членами региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) относится к началу 2000-х гг., времени совпадения их интересов, прежде всего, в контексте угроз региональной безопасности. Для противодействия этим угрозам обе стороны нуждались в прочном взаимодействии и координации полити-

* Мелкумян Елена Суменовна, доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института, РГГУ.

ки, направленной на сохранение региональной стабильности. Если в предшествующий период США обеспечивали повышение обороноспособности арабских государств Залива за счет поставок вооружения и участия в подготовке военных кадров, то изменение ситуации на международной арене и обострение угроз безопасности в регионе Персидского (арабы, заметим, часто именуют его «Арабским». — *Ред.*) залива потребовали усилить их взаимодействие и поднять его на качественно новый уровень.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. США создали международную антитеррористическую коалицию, участниками которой стали государства ССАГПЗ. В 2002 г. на саммите в Маскате (Оман) члены организации приняли Декларацию по борьбе с терроризмом, а спустя два года подписали Соглашение о борьбе с терроризмом; в 2006 г. появилась постоянная антитеррористическая комиссия ССАГПЗ, а затем был создан Международный антитеррористический центр в Эр-Рияде. Совместная борьба с терроризмом стала основой стратегического союза США и арабских стран Залива.

Арабские монархии Персидского залива оказали содействие США в проведении антитеррористической операции в Афганистане. В 2001 г. штабы Пятого флота США и Центрального командования, расположенные в Королевстве Бахрейн, координировали операцию более 20 военных кораблей, которые осуществляли поддержку военно-морских операций, связанных с войной в Афганистане. Бахрейн принял более четырех тысяч американских военнослужащих на момент начала боевых действий в Афганистане. Кроме того, он стал единственной страной Залива, направившей свои войска для участия в операции на афганской территории. В марте 2002 г. американский президент Дж. Буш-младший назвал Бахрейн «главным союзником США вне НАТО»¹. Вместе с тем для осуществления антитеррористической операции в Афганистане американские военные использовали и базы, предоставленные им Оманом.

¹Такрир ан варша амаль «Мустакбаль аль-иякат ас-сиясийя аль-иклимийя фи зыльль суъуд ат-тайярят аль-ислямийя» (Отчет рабочей группы «Будущее региональных политических отношений в свете подъема исламских течений»). Эр-Рияд, Департамент политического анализа Генерального секретариата ССАГПЗ. 2012. 9–10 июня. С. 4.

Совпадение точек зрения в отношении режима Саддама Хусейна как представляющего угрозу для региональной безопасности и стабильности создало основу для взаимодействия между США и арабскими государствами Залива в интересах сдерживания Ирака. Арабские союзники Вашингтона в Заливе поддержали санкционный режим в отношении Багдада и фактически оказали содействие США в проведении военной операции против иракского режима.

В ходе подготовки этой операции США передислоцировали по просьбе саудовского правительства свой командный центр из военной базы «Принц Султан» в Саудовской Аравии на катарскую базу Аль-Удейд. Когда в марте 2003 г. была начата военная операция в Ираке, США разместили на катарской базе три тысячи военнослужащих и 36 самолетов, кроме того, там находилось еще 26 самолетов армии Великобритании и Австралии¹. Кроме того, в Катаре располагался информационный центр коалиционных сил.

В свою очередь, на военной базе в Бахрейне было размещено 4500 военнослужащих США, участвовавших в операции «Иракская свобода», приведшей к свержению Саддама Хусейна². Кувейт также поддержал эту операцию, предоставив возможность использовать свои базы ВВС, внутренний аэродром и морские порты. На территории Кувейта были расквартированы 250 тыс. американских военнослужащих. Кроме того, Кувейт предоставил продовольствие, горючее и другие, необходимые для американской армии материалы на сумму в 266 млн долл. Администрация президента Джорджа Буша-младшего, в благодарность за поддержку Кувейта, как и в случае с Бахрейном, назвала его «одним из основных союзников США вне НАТО»³.

Во время пребывания американских войск в Ираке, продолжавшегося с 2003 по 2011 гг., в Кувейте на постоянной основе находилось около 25 тыс. американских военнослужащих. Вывод части американских военных из Ирака, начавшийся 27 февраля 2009 г., был осуществлен через Кувейт. После вывода основного контингента американцев с иракской территории

¹Там же.

²Там же.

³*Katzman K.* Kuwait: Security, Reform, and US Policy. Congressional Research Service. 2013. Nov. P. 14.

было сокращено и американское военное присутствие в Кувейте до 13 500 военнослужащих. Однако оставшиеся там американские военные формирования включали не только вспомогательные части, но и боевые подразделения, которые американцы предполагали использовать в случае ухудшения ситуации в Ираке¹. В 2003 г. при проведении военной операции в Ираке США также использовали предоставленные их вооруженным силам военно-воздушные базы в Омане.

В 2000-е гг. США активно содействовали реализации совместной оборонной стратегии ССАГПЗ, принятой на саммите в Кувейте в 2001 г. С помощью американских военных специалистов и поставок американского оружия была создана система идентификации и слежения за самолетами «Пояс сотрудничества». Одновременно США продолжали сохранять свои позиции в сфере обеспечения безопасности и военного сотрудничества с отдельными государствами — членами ССАГПЗ. Активно развивалось саудовско-американское сотрудничество, хотя после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 г. по освобождению Кувейта от иракской оккупации американские войска были выведены с саудовской территории по просьбе саудовского правительства, опасавшегося роста недовольства их присутствием со стороны местного населения. Это не помешало интенсификации сотрудничества между спецслужбами, координировавшими действия по противодействию террористической угрозе. Кроме того, Эр-Рияд оставался главным потребителем американского вооружения, закупив в период с 2011 по 2015 г. 7–9% всего американского военного экспорта. С 2006 по 2010 г. военный импорт Саудовской Аравии из США вырос на 275%².

В марте 2011 г. состоялось первое совещание Форума стратегического сотрудничества ССАГПЗ—США. На нем было принято решение сформировать совместную комиссию США и государств — членов Совета сотрудничества по вопросам безопасности. В заключительном коммюнике Форума отмечалось, что стратегическое взаимодействие по оборонным вопросам, а также вопросам безопасности будет включено в официаль-

ные рамки общего сотрудничества между обеими сторонами¹. По мнению аналитиков Департамента политического анализа аппарата ССАГПЗ, это сотрудничество «существенно снизит региональную роль Ирана»². Фактор Ирана в значительной степени повлиял на развитие стратегических отношений между ССАГПЗ и США. Тегеран рассматривался в качестве стратегического противника ССАГПЗ, так как он поддерживал экстремистские группировки в государствах — членах этой организации, прежде всего в Бахрейне и Саудовской Аравии, разрабатывал ядерную программу и постоянно усиливал военный потенциал, подкрепляя свои амбиции стать региональным лидером. ССАГПЗ поддерживал усилия США по противодействию Ирану в реализации его ядерной программы, которая у государств, входивших в это объединение, вызвала особую обеспокоенность.

Следует заметить, что позиции государств — членов Совета сотрудничества в отношении Ирана не были едины: Оман поддерживал тесные связи с этой страной, экономические отношения развивались между Ираном и Катаром и даже между Ираном и Дубаем, несмотря на существование территориальной проблемы, осложнявшей отношения между федерацией всех местных княжеств (ОАЭ) и Тегераном. Общие позиции, находившие отражение в документах ССАГПЗ, были сформулированы на основе точек зрения Саудовской Аравии и Бахрейна, имевших серьезные разногласия с Ираном. Оценка иранской политики со стороны ССАГПЗ становилась все более жесткой. Лидеры стран — членов этого объединения утверждали, что Иран играет «отрицательную роль» в регионе Ближнего Востока, заявляя о своем неприятии проводимой Тегераном политики «вмешательства во внутренние дела арабских стран, попытках посеять межконфессиональную вражду среди их граждан, нарушить суверенитет и независимость» этих стран. Совет сотрудничества требовал «немедленно прекратить подобные дей-

¹Леджна аманийя халиджийя-американский ли дарс бина «дираъ сарухий» (Сформированная странами Залива и Соединенными Штатами комиссия по безопасности изучит вопрос о создании «ракетного щита»). 2012. 1 апреля (<http://ksa.daralhayat.com/print/380965>).

²Такфир ан варша амаль Мустакбаль аль-илякат ас-сиясий аль-иклимийя фи зыльь суьуд ат-тайярат аль-ислямийя. С. 10.

¹ *Katzman K.* Kuwait: Security, Reform, and US Policy. Congressional Research Service. 2013. Nov. P. 14.

² *US-Saudi Relations.* Council of Foreign Relations. 2017. May 12 (<https://www.cfr.org/background/usa-saudi-relations>).

ствия и строить взаимоотношения на основе принципов добрососедства и уважения суверенитета»¹.

Одним из важнейших проектов, осуществление которых было намечено в рамках деятельности совместной комиссии США—ССАГПЗ, должно было стать создание с помощью американских специалистов ракетного щита, призванного защитить арабские государства Залива от возможных нападений со стороны Ирана.

В 2014 г., когда США создали антитеррористическую коалицию для борьбы с ИГИЛ в Ираке и в Сирии, все государства — члены ССАГПЗ, за исключением Омана, стали ее участниками.

Военно-политическое и оборонное сотрудничество с США было дополнено установлением контактов с НАТО. В июне 2004 г. делегация ССАГПЗ приняла участие в работе Стамбульского саммита альянса, где была принята Стамбульская инициатива «Для развития отношений с Расширенным Ближним Востоком». Во время гражданской войны в Ливии ССАГПЗ не только поддержал военную операцию НАТО, но два его члена — Катар и ОАЭ приняли в ней непосредственное участие.

В декабре 2014 г. ССАГПЗ достиг договоренности с НАТО о совместных действиях по обеспечению безопасной доставки энергоресурсов на мировые рынки. В декабре 2014 г. в Дохе прошла конференция «НАТО и безопасность Залива», в ходе которой обсуждались проблемы безопасности в регионе Залива и борьбы с террористическими организациями. В первую очередь речь шла, конечно же, об «Исламском государстве», но также и о других террористических группировках, действующих на Ближнем Востоке. Стороны подтвердили необходимость создать единый фронт, объединяющий всех союзников для отражения угроз безопасности. Их взаимодействие должно быть направлено на решение практических задач по оказанию помощи в подготовке кадров и управлении кризисными ситуациями. В 2016 г. в Кувейте было открыто постоянное представительство НАТО для координации действий с ССАГПЗ.

Отношения между ССАГПЗ и США вступили в период охлаждения начиная с 2014 г., когда в США началась так называ-

¹ Иаян Эр-Рияд ядбу иля муатамар ли иамар Аль-Йемен баад атавассуль ли иттифак салям (Эр-Риядская Декларация призывает провести конференцию по восстановлению Йемена после достижения соглашения о мире) (<http://www.alhayat.com/Articles/12689550>).

емая «сланцевая революция». Снижение США импорта саудовской нефти вызвало недовольство саудовской стороны.

29 сентября 2016 г. Конгресс США принял закон «Правосудие против спонсоров террористического акта (JASTA)», создал необходимые правовые условия, позволяющие жертвам террористических атак или их родственникам подавать в американские суды иски против государств, подозреваемых в поддержке терроризма. В Саудовской Аравии этот закон вызвал возмущение, так как против нее могли быть поданы иски, учитывая тот факт, что среди участников террористических акций 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, согласно отчету специальной комиссии Конгресса, большинство (15 из 19 террористов) признанных виновными в совершении этих терактов имели саудовское гражданство.

Саудовская Аравия и ее партнеры по ССАГПЗ были также недовольны подписанием в 2015 г. Женевских соглашений по ядерному досье Ирана, что должно было привести к снятию с него экономических санкций. Они требовали выполнения всех пунктов соглашения, а также принятия в срочном порядке санкций в случае нарушения Ираном принятых на себя обязательств. Эта обеспокоенность лишь усилилась в связи с осуществленным Ираном 10 октября 2015 г. запуском ракеты средней дальности, способной стать средством доставки ядерного оружия, что, по мнению стран объединения, является грубым нарушением резолюции Совета Безопасности ООН 1929, касающейся выполнения Ираном всех требований международного сообщества в отношении его ядерной программы. ССАГПЗ неизменно подтверждал свое стремление превратить регион Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового уничтожения, заявляя при этом о праве всех государств региона на использование ядерной энергии в мирных целях¹.

Саудовское королевство, как и Бахрейн, и ОАЭ, рассматривали Иран в качестве своего стратегического противника и опасались, что это приведет к усилению иранских позиций в регионе. Кроме того, в этот период усилилось их недовольство тем фактом, что США снизили свое участие в разрешении конфликтных ситуаций, осложняющих состояние региональной безопасности. Это касалось сирийского кризиса, ситуации в

¹ Там же.

Ливии и Йемене. В этой связи государства ССАГПЗ выдвинули требования новых политических и военных гарантий от США¹.

С целью сгладить противоречия с арабскими союзниками американская администрация инициировала проведение в мае 2015 г. саммита в Кэмп-Дэвиде. Одной из главных – «объединяющих» – тем стала необходимость наращивания совместных действий между США и ССАГПЗ в борьбе с терроризмом в регионе. В 2016 г. прошел очередной саммит между лидерами США и ССАГПЗ. По словам генерального секретаря этой региональной организации Абдель Латыфа Аз-Зияни, «саммит способствовал осуществлению дальнейших шагов по укреплению военного сотрудничества между государствами Совета сотрудничества и США»². В тот период база Аль-Удейд в Катаре стала крупнейшей военной базой США за границей. Там располагались Центр командования ВВС США, Центр воздушно-космических операций и авиационная эскадрилья. База могла принимать до 120 самолетов. Она была центром проведения воздушных операций коалиции, возглавляемой США, против ИГИЛ в Ираке и в Сирии³.

Вновь избранный президент США Дональд Трамп совершил свой первый зарубежный визит в мае 2017 г. в Саудовскую Аравию, что свидетельствовало о понимании новой американской администрацией значения этого государства в обеспечении региональной безопасности. Там помимо встреч с королем Сальманом бен Абдель Азизом и другими саудовскими руководителями был проведен саммит США–ССАГПЗ. На саммите обсуждались «пути укрепления взаимного сотрудничества в различных областях, в том числе оборонительная

¹Вазир аль-хариджийя аль-катарий ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: аль-мушкиля лейсат маа аль-хусийин баль маа мен гаррара бихим (Катарский министр иностранных дел сообщает «Аш-Шарк Аль-Аусат»: проблема не в хуситах, а в тех, кто их спровоцировал) (<http://aawsat.com/print/338696>).

²Маджлис ат-тааун: наамаль маа Вашингтон фи кулль аль-муллафат кабля зиярат Трамп (Совет сотрудничества: до визита Трампа мы сотрудничали с Вашингтоном по всем проблемам) (<http://aawsat.com/print/920896>).

³Qatar hosted largest US military base in Mideast (<http://edition.cnn.com/2017/06/05/middleeast/qatar-us-largest-base-in-mideast/index.html>).

ракетная система, морская безопасность, поставки вооружения и проведение учений, кибербезопасность, совершенствование военной медицины – все наиболее важные для укрепления обороноспособности государств – членов ССАГПЗ сферы, развитие которых позволило бы им быть готовыми обеспечивать безопасность и стабильность региона». Было решено продолжить проведение совместных учений между ССАГПЗ и США. В марте 2017 г. подобные учения были проведены в Кувейте. Они продлились три недели, и в них приняли участие пять стран Совета сотрудничества, за исключением Омана¹. До проведения саммита было подписан меморандум о взаимопонимании по вопросу, касающемуся необходимости контролировать источники финансирования терроризма.

Главы стран – членов ССАГПЗ стали участниками еще одного саммита, организованного в саудовской столице по просьбе вновь избранного американского президента. Речь шла о саммите, в котором приняли участие и лидеры 55 мусульманских стран. По его завершении была принята Эр-Риядская декларация. В ней было подтверждено стремление к тесному сотрудничеству между лидерами арабских и мусульманских стран и США в борьбе с экстремизмом и терроризмом для достижения мира, стабильности и развития на региональной и международной аренах. Участники саммита выразили согласие укрепить сотрудничество и добиться консолидации действий между арабскими и мусульманскими странами, с одной стороны, и США, с другой². Американский президент выразил свою «растущую обеспокоенность ростом терроризма, распространением радикализма и ролью Ирана в их финансировании». Он призвал региональных партнеров США «брать на себя большую ответственность и играть более значительную роль в борьбе с терроризмом в этом регионе»³. Готовность США противодействовать Ирану, которая не проявлялась прежней американской

¹Ibid.

²Riyadh Declaration. Arab-Islamic-American Summit succeeds in building close partnership to confront extremism, terrors, fostering regionally, int'l peace, stability, development. Saudi Press Agency. 2017. May 21 (www.spa.gov.soc/viewfullstory.php?lang=en&newsid=1632546).

³Is Trump holding a Russian card in the Middle East? (<http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/05/trump-russia-middle-east-saudi-arabia-visit-israel-iran.html#ixzz17UQps>).

администрацией, означала поворот в их отношениях в сторону их дальнейшего развития.

В октябре 2017 г. Дональд Трамп призвал Конгресс пересмотреть соглашение с Ираном, касающееся его ядерной программы. Это вызвало удовлетворение со стороны трех государств ССАГПЗ – Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна. В саудовском заявлении по этому поводу говорилось о том, что королевство поддержало подписание в Женеве соглашение о ядерной программе с Ираном, надеясь, что это положит конец иранским ядерным амбициям. Но Иран использовал улучшение своего экономического положения, последовавшее после снятия с него экономических санкций, для дальнейшего развития программы по созданию баллистических ракет, а также поддержки террористических организаций в регионе, в первую очередь «Хезболлы» и вооруженных отрядов хуситов в Йемене. Саудовское королевство подтвердило свою готовность действовать совместно с партнерами в США для устранения угроз, которые представляет политика Ирана для международной безопасности и мира¹. Решение президента Трампа о выходе США из ядерной сделки с Ираном и о возобновлении в отношении него американских санкций, принятые им в мае 2018 г., вызвало одобрение и полную поддержку со стороны Саудовской Аравии. В ее официальном заявлении отмечалось, что «Саудовская Аравия поддерживает стратегию президента Трампа в отношении Ирана и надеется, что мировое сообщество займет единую позицию в отношении Ирана и его агрессивных действий, нарушающих стабильность региона»².

Саудовская Аравия получила полную поддержку со стороны Бахрейна и ОАЭ, тогда как Кувейт, Катар и Оман заняли более сдержанную позицию, но, тем не менее, не осудили американ-

¹As-Saudiyah tuayid wa tuраххиб би аль-истратиджийя аль-амрикийя аль-хазима туджаха Иран ва нахжиха аль-удваний (Саудовская Аравия поддерживает и приветствует решительную американскую стратегию по отношению к Ирану и его агрессивному курсу) (<https://aawsat.com/print/1051256>).

²Аль-Мамлака туайид ва тураххиб би аль-хутуват алати алянаха ар-раис аль-амрикий... (Королевство поддерживает и приветствует шаги, о которых заявил американский президент...) Министерство иностранных дел. Королевство Саудовская Аравия (<http://www.mofa.gov.sa/Pages/print.aspx>).

ское решение. Встречи между президентом Трампом и главами государств ССАГПЗ дали толчок укреплению военных связей на двустороннем уровне. США и Саудовская Аравия подписали соглашение о поставках вооружения на сумму в 110 млрд долл. В предстоящие 10 лет саудовские закупки американского вооружения должны составить 350 млрд долл.¹

ОАЭ воспользовались заинтересованностью американской администрации упрочить связи с ССАГПЗ ради укрепления региональной безопасности и стабильности и подписали новое оборонное соглашение, которое предусматривает размещение американских войск, что, по словам представителя Пентагона, «даст возможность американской армии при необходимости отреагировать на различные сценарии внутри страны и вокруг нее»². США разместили на различных военных объектах ОАЭ около 5 тыс. американских военнослужащих, из них около 3,5 тыс. персонала ВВС на военно-воздушной базе Аль-Дафран. Кроме того, США продолжили участвовать в подготовке военных кадров. Ежегодно в США проходят обучение от 600 до 800 военнослужащих из этого государства. Еще одним фактом, свидетельствующим о расширении военного сотрудничества между США и ОАЭ, стали переговоры по подписанию контракта о поставке партии современных американских самолетов F-35³. Катар в тот же период подписал соглашение о закупке американских истребителей на сумму 12 млрд долл.⁴

Непосредственно после визита Трампа в саудовское королевство разразился скандал между Катаром и рядом арабских стран. Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ и Египет разорвали дипломатические отношения с Катаром, обвинив его в поддержке терроризма. Высказывание Трампа, появившееся в Твиттере, в котором он сказал о том, что «они [катарцы. — *Е.М.*] получи-

¹Is Trump holding a Russian card in the Middle East? (<http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/05/trump-russia-middle-east-saudi-arabia-visit-israel-iran.html#ixzz17UQps>)

²Иттифак джадид ли ат-тааун ад-дифайй бейна Аль-Имарат ва Америка (Новое оборонное соглашение между Эмиратами и Америкой) (<http://www.alhayat.com/Articles/21900729>).

³Kazman K. The UAE. Issues for the US policy. Congressional Research Service. 2018. Jun. 22. P. 18 (<https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS21852.pdf>).

⁴Trump: We will maintain good relations with Qatar (<http://www.aljazeera.com/news/2017/07/trump-good-relations-qatar-170714230137824.htm>).

ли известность как те, кто финансирует терроризм», подтвердило предположение о том, что американский президент дал «зеленый свет» антикатарской кампании¹.

Однако дальнейшие заявления президента и членов его администрации были выдержаны в другой тональности. Американский политический истеблишмент стремился прекратить конфликт. Его представители заявляли о бездоказательности обвинений в отношении Катара, с которым Вашингтон продолжал поддерживать тесные контакты. Более того, Катар и США подписали соглашение о взаимодействии в борьбе с финансированием терроризма².

В апреле 2018 г. состоялся официальный визит эмира Катара Тамима бен Хамада Аль Тани в США, в ходе которого обсуждались планы по расширению военного сотрудничества между двумя странами. США заинтересованы в урегулировании катарского конфликта, так как единый блок арабских монархий Залива, которые тесно связаны с ними отношениями в области безопасности и военного сотрудничества, будет представлять собой надежную опору американской политике не только в регионе Залива, но и на всем Ближнем Востоке.

Между тем до визита катарского эмира в Вашингтоне в марте 2018 г. побывал наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Сальман — также с официальным визитом. Его целью было упрочить двухсторонние отношения между двумя странами. Саудовская сторона рассчитывала получить американскую поддержку ее стратегическому плану «Видение 2030», надеялась заинтересовать американских бизнесменов перспективами, которые он открывает перед иностранными инвесторами, добиться согласия американского Конгресса на оказание королевству помощи в развитии его ядерной энергетики и создать более благоприятное восприятие королевства в глазах американской общественности. Во время визита обсуждался и вопрос об урегулировании отношений с Катаром.

США продолжают сохранять и укреплять положение главного стратегического союзника арабских государств Залива. Несмотря на возникающие между ними проблемы, совпадение их интересов в противодействии Ирану и борьбе с терроризмом

¹ Trump: We will maintain good relations with Qatar (<http://www.aljazeera.com/news/2017/07/trump-good-relations-qatar-170714230137824.htm>).

² Ibid.

создает прочную основу для развития сотрудничества в области обеспечения региональной безопасности.

НАТО западное и «НАТО арабское»

*Инна Шумилина**

Первый зарубежный визит в качестве американского президента Дональд Трамп совершил в мае 2017 г. в Королевство Саудовская Аравия (КСА). Наблюдателями он воспринят как знаковый для выработки ближневосточной стратегии новой администрации, в центр которой, как было обещано в ходе предвыборной кампании, 45-й президент намерен поставить задачу сдерживания Ирана и постепенного сокращения ареала контроля аятоллами территорий за пределами их собственной страны (в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене). Столь четко выраженное целеполагание воспринималось в США и в странах-партнерах в арабском мире как стремление новой администрации «исправить ошибки» своих предшественников — правительства Барака Обамы, которое, утверждает команда Трампа, якобы неадекватно оценивало как подлинные интересы США в регионе Ближнего Востока и Персидского залива, так и реальные угрозы этим интересам. Именно это, мол, в конечном счете породило открытые разногласия в отношениях Вашингтона с арабскими партнерами, выразившиеся в весьма острой критике последними ближневосточной политики Обамы.

Трамп определяет Эр-Рияд главным партнером в Заливе

В ходе своего визита Трамп выдвинул инициативу создания нового интеграционного проекта в военно-политической сфере — «Ближневосточного стратегического альянса» (*Middle East Strategic Alliance — MESA*), который вскоре начал неофициально именоваться «Арабским НАТО» со штаб-квартирой в Эр-Рияде. Включить в него изначально предполагалось всю ше-

* *Инна Шумилина*, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады РАН.

стерку стран — членов ССАГПЗ, а также Египет и Иорданию. Однако стержнем этого альянса обозначена ось Вашингтон—Эр-Рияд, которая на тот момент была скреплена впечатляющей сделкой по закупке саудовцами американских вооружений на общую сумму в 110 млрд долл.¹ Цели же и дух взаимодействия двух стран отражены в «Декларации совместного стратегического видения между Соединенными Штатами Америки и Королевством Саудовская Аравия» от 20 мая 2017 г.² В общих словах в документе сформулированы главные задачи «укрепления Стратегического Партнерства в 21-м веке» между двумя странами. В частности, там подчеркивается, что обе страны разделяют озабоченности друг друга в том, что касается угроз «их совместным интересам в области безопасности», и стремятся развивать «новые инициативы с целью противодействия проявлениям насильственного экстремизма, прекращения финансирования терроризма и продвижения сотрудничества в сфере обороны»³.

Примечательно, что в Декларации термин «терроризм» отодвинут на второй план, а главный акцент сделан на термине «насильственный экстремизм», который, впрочем, не вызывает в данном контексте различных толкований: речь, понятно, идет в первую очередь об угрозах, исходящих от Ирана. Вот как это изложено в Декларации: «Практикующие насильственный экстремизм, угрожающий миру на Ближнем Востоке, наталкиваются на противодействие со стороны растущего числа региональных партнеров (США и КСА. — Прим. И.Ш.), которые противостоят их (экстремистов. — И.Ш.) агрессии и закладывают основы мирного развития региона. США и КСА надеются, что ответственные правительства, стремящиеся к миру, присоединятся к данным усилиям для достижения обозначенных

¹ Supporting Saudi Arabia's Defense Needs // U.S. Department of State. 2017. May 20 (<https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/05/270999.htm>).

² Joint Strategic Vision Declaration for the United States of America and the Kingdom of Saudi Arabia // The White House. 2017. May 20 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-strategic-vision-declaration-united-states-america-kingdom-saudi-arabia>).

³ Joint Strategic Vision Declaration for the United States of America and the Kingdom of Saudi Arabia // The White House. 2017. May 20 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-strategic-vision-declaration-united-states-america-kingdom-saudi-arabia>).

целей»¹. И далее: «Прочная, интегрированная архитектура региональной безопасности критически важна для нашего сотрудничества. В ближайшие годы США и КСА намерены расширить взаимодействие с другими странами региона...»²

Собственно идея создания «более формальной в стиле НАТО организационной структуры», объединяющей группу суннитских государств «при активной организующей роли США, остающихся за пределами нового альянса», обсуждалась по американской инициативе на протяжении нескольких лет³. При новой команде в Белом доме она, подчеркивают американские аналитики, оказалась созвучной трем основным тезисам, лежащим в основе формирования внешней политики США в стиле трамповского лозунга «Америка прежде всего», — проект: а) создает платформу и рамки для наращивания американского лидерства в регионе; б) для перенесения финансового бремени по обеспечению безопасности на арабских партнеров; в) обеспечивает рабочие места в Соединенных Штатах⁴.

Однако реализация такого рода проекта требует немалого времени. В последний же день своего пребывания в Эр-Рияде 22 мая 2017 г. Дональд Трамп в присутствии короля Салмана торжественно открыл не менее амбициозную, но менее сложную в плане реализации структуру, призванную консолидировать идеологическую основу будущего «Арабского НАТО», — Глобальный центр по борьбе с экстремистской идеологией (*Global Center for Combating Extremist Ideology — GCCEI*). Его формальная задача — продвигать умеренные взгляды и позиции (в том числе и в исламе) для противодействия экстремизму⁵. Формально она управляется Советом директоров в составе 12 членов, которые, как говорится на сайте этой организации, «представляют страны-участницы, международные организации и другие

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Rogin J. Trump to unveil plans for an 'Arab NATO' in Saudi Arabia // The Washington Post. 2017. May 17 (https://www.washingtonpost.com/news/josh-rogin/wp/2017/05/17/trump-to-unveil-plans-for-an-arab-nato-in-saudi-arabia/?utm_term=.86586de176cf).

⁴ Ibid.

⁵ Shalhoub L. Global center to combat extremism launched in Riyadh // ABCNews. 2017. May 22 (<http://www.arabnews.com/node/1103136/saudi-arabia>).

структуры, проявившие свою эффективность в сфере борьбы с экстремизмом»¹.

Убийство Джамала Хашогги путает карты Белому дому

Трагическое происшествие 2 октября 2018 г. в помещении консульства КСА в Стамбуле обернулось самым сильным испытанием на прочность отношений Эр-Рияда со странами Евро-Атлантики. Одновременно, казалось бы, чисто «внутрисаудовское» происшествие (убийство спецслужбистами королевства саудовского же журналиста Джамала Хашогги) стало потрясением для западных партнеров КСА: резкие и масштабные протесты общественности с осуждением предполагаемой причастности высших должностных лиц в Эр-Рияде к этому преступлению вызвали напряженность в отношениях стран Запада с этим арабским государством. Солидарная реакция этих стран поначалу ограничивалась требованием проведения тщательного расследования убийства. Сама постановка же вопроса о возможном введении санкций против государственных структур в королевстве обнаружила серьезные расхождения внутри евроатлантического сообщества. В очередной раз «ценностная» составляющая внешней политики стран Запада вступила в противоречие с практическими интересами и геополитическими расчетами этих государств.

Саудовская Аравия стала вторым ближневосточным государством после Ирана, по отношению к которому озабоченность Евросоюза в последнее время возрастала. Главным образом это было связано с начавшимся в феврале 2015 г. вторжением в Йемен коалиционных войск арабских монархий Персидского залива под руководством Эр-Рияда, а также с инициированным саудовским руководством в июне 2017 г. кризисом вокруг государства Катар. В октябре же 2018 г. к этому набору европейских претензий и добавилось всеобщее возмущение гибелью в консульстве КСА в Стамбуле журналиста Джамала Хашогги. Если после выхода США из «ядерной сделки» с Ираном в мае 2018 г. речь шла о попытке согласовать различные подходы Вашингтона и Брюсселя для разработки в перспективе совместной

стратегии по нейтрализации возможных угроз со стороны Исламской республики (ракетной и ядерной программ, поддержка терроризма и т. д.), т. е. об аспекте геополитическом, то обострившаяся проблема в отношении стран Евро-Атлантики с Эр-Риядом после инцидента со смертельным исходом в саудовском консульстве переместилась в иную плоскость — ценностей. Причем в обоих случаях нарастания напряженности между странами Запада, с одной стороны, Тегераном и Эр-Риядом — с другой, проявились расхождения в подходе к каждой из этих проблем между ЕС и США. Так, при голосовании в Европарламенте 25 октября 242 депутата против 23 призвали исполнительные органы сообщества приостановить поставки вооружений Саудовской Аравии, охарактеризовав произошедшее с журналистом как «преступление против человечности»¹. Лидером в отстаивании этой позиции в рамках ЕС проявила себя Германия, которая в одностороннем порядке заявила о прекращении этих поставок Эр-Рияду². Евродепутаты призвали Великобританию и Францию последовать этому примеру. Что касается США, то, осудив произошедшее в Стамбуле, президент Дональд Трамп заявил об отсутствии намерения ограничивать торговлю оружием с Саудовской Аравией и как-либо менять характер взаимоотношений с этой арабской страной³.

Саудовская Аравия и Запад: «ценностные» помехи

При общей для США и Евросоюза оценке произошедшего в Стамбуле расхождения между ними обозначились по во-

¹MEPs demand end to EU arms exports to Saudi Arabia // European Parliament. 2018. Oct. 25 (<http://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20181018IPR16536/meps-demand-end-to-eu-arms-exports-to-saudi-arabia>); European Parliament resolution of 25 October 2018 on the killing of journalist Jamal Khashoggi in the Saudi consulate in Istanbul (2018/2885(RSP)), M/1 (<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2018-0434+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN>).

²Merkel: Derzeit keine weiteren Rüstungsexporte nach Saudi-Arabien // SZ.de. 2018. Oct. 22 (<https://www.sueddeutsche.de/politik/saudi-arabien-merkel-ruestungsexporte-1.4179876>).

³Landler M., Stolberg S. Bipartisan Chorus Calls for Punishing Saudis as Trump Accuses Them of 'Deception' // The New York Times. 2018. Oct. 21 (<https://www.nytimes.com/2018/10/21/us/politics/trump-khashoggi.html>).

¹См. подробнее: Global Center for Combating Extremist Ideology (Etidal) (<https://etidal.org/en/about-etidal>).

просу: как реагировать на совершенное преступление? Уместно ли угрожать санкциями или даже прибегать к ним в отношении устойчивого и важнейшего партнера США и Евросоюза в регионе Персидского залива, к тому же весьма весомого в экономическом плане?

«Дело Хашогги» стало самым ярким выражением того, что на Западе трактуют как «необоснованное насилие со стороны государства над личностью» вкупе с не менее жестким и весомым обвинением в «подавлении свободы слова». Игнорировать масштабы и динамику этой проблемы политики США и Европы уже не могут даже применительно к их ближайшему партнеру и союзнику на Ближнем Востоке. Появляется новый тип напряженности (конфликтов) между западным сообществом и его мусульманскими партнерами в регионе – цивилизационный.

Действительно, убийство саудовского журналиста Джамала Хашогги 2 октября 2018 г. – самый громкий случай насилия над личностью, сопряженный с подавлением свободы слова в королевстве. Другой громкий пример (без летального исхода) – осуждение на 10-летний тюремный срок саудовского блогера Раифа Бадави (отбывает с 2012 г.) и арест его сестры Самар, правозащитницы, ее бывшего мужа (осужден на 15 лет за активность в отстаивании прав человека) и ее коллеги-активистки Нассимы ас-Садах (август 2018 г.). Резкое заявление канадского премьера Джастина Трюдо («Канадцы всегда ожидали, что наше правительство будет решительно, твердо и ясно говорить о необходимости уважения прав человека в нашей стране и во всем мире. Мы будем продолжать делать это – продолжать отстаивать канадские ценности и в действительности универсальные ценности и права человека в любом случае»¹), а затем и канадского посольства в Эр-Рияде с требованием к саудовским властям «незамедлительно освободить» правозащитников, не запятнавших себя насилием, включая двух упомянутых активисток, стало причиной дипломатического кризиса коро-

левства с Канадой, быстро переросшего в противостояние в сфере торгово-экономических отношений¹.

В истории с убийством Джамала Хашогги важны контекст и детали происшедшего. 2 октября журналист вошел в саудовское консульство в Стамбуле (т. е. оказался на территории под юрисдикцией Саудовской Аравии) и уже не вышел оттуда. 20 октября 2018 г. Эр-Рияд все же признал факт убийства (якобы «непреднамеренного», как результат возникшей драки) журналиста в помещении консульства. Позднее саудовские власти признали преднамеренный характер убийства, обвинив в преступлении исполнителей.

Важно иметь в виду, что Джамаль Хашогги – саудовский журналист-оппозиционер. Несколько лет назад он был вхож в круги, близкие к правящему семейству, возглавлял влиятельные в королевстве СМИ, был советником двух саудовских принцев. Потому он и получил трибуну в американских медиа после переезда в США, среди прочего став популярным колумнистом газеты *The Washington Post*. В Америке и в экспертных кругах Евросоюза его начали воспринимать как выразителя мнений значительной части саудовских интеллектуалов, ориентированных на Запад. В своем видении необходимых реформ он заметно опережал фактического правителя королевства, наследного принца Мухаммеда, заявившего о себе как «модернизаторе королевства». В лице Хашогги – надеялись западные политики – как бы концентрировались прогрессивные устремления саудовских интеллектуалов, что давало надежду на основательные преобразования в королевстве, на его расставание со средневековыми традициями. Хашогги рассматривался в экспертных и медийных кругах США как знаковая фигура – сторонник ускоренных преобразований в королевстве (а отнюдь не как радикал). Этот видный журналист оказался своеобразным «связующим звеном» между американскими элитами и новыми, склонными к модернизации элитными группами в арабских монархиях. В его выступлениях звучали призывы к обеспечению свободы слова в королевстве, освобождению по-

¹ *Campion-Smith B.* Justin Trudeau vows to speak out on human rights, refuses to back down in Saudi Arabia dispute // *The Star*. 2018. Aug. 8 (<https://www.thestar.com/news/canada/2018/08/08/justin-trudeau-vows-to-speak-out-on-human-rights-refuses-to-back-down-in-saudi-arabia-dispute.html>).

¹ *Chase S.* Saudi Arabia expelling Canadian ambassador, freezing trade with Canada // *The Globe and Mail*. 2018. Aug. 5 (https://www.theglobeandmail.com/canada/article-saudi-arabia-expelling-canadian-ambassador-freezing-trade-with-canada/?utm_medium=Referrer:+Social+Network+Media&utm_campaign=Shared+Web+Article+Links).

литзаклученных, проведению настоящих, а не декоративных выборов для формирования управленческих структур, как минимум на муниципальном и городском уровнях, звучали протесты против военных действий КСА в соседнем Йемене и т. д.

Важно и следующее обстоятельство: с приходом короля Салмана к власти в Саудовской Аравии в январе 2015 г., а его сына, наследного принца Мухаммеда, — к рычагам реального правления с видимыми элементами либерализации и модернизации, Вашингтон и Брюссель подчеркивали положительное отношение к обозначенной в Эр-Рияде линии на модернизацию. С впечатляющей силой наследный принц обрушился на коррупционеров, в числе которых оказались и члены королевской семьи (широко известна скандальная история с принудительным размещением многих из них в номерах пятизвездного отеля в центре Эр-Рияда с целью получить их согласие «добровольно вернуть награбленные богатства»); казалось, приступил к решению вопроса о положении женщин и т. д. Однако факт убийства журналиста в стенах саудовского консульства молниеносно поставил под угрозу весь возможный положительный потенциал этих начинаний, обнажая нетерпимость саудовских властей к инакомыслию. Критика же со стороны Запада — это неизбежные осложнения, резкое повышение риска для уже подписанных многомиллиардных контрактов между западными и саудовскими корпорациями, прежде всего на закупку вооружений. И все это — из-за судьбы саудовского журналиста, даже не являющегося гражданином США. Очевидно, однако, что происшедшее воспринимается на Западе как убийство известного человека за выражение его политических взглядов, причем предположительно — с ведома и подачи руководства КСА и на территории его официального учреждения.

Так же, т. е. как жестокое наказание за выражение собственных взглядов, воспринимается в США и Европе история с тюремным заключением саудовского блогера Раифа Бадави, лауреата премии Евросоюза «За свободу мысли» имени Сахарова. Долгое время происшедшее с ним считалось на Западе «типичным для авторитарных государств», к тому же без летального исхода, а потому дело оказалось менее резонансным, чем случай с Хашогги. Активист-блогер был арестован в 2012 г. (т. е., еще в «домодернизаторский» период, до возвышения на-

следного принца Мухаммеда бен Салмана), вскоре осужден на 10 лет лишения свободы (попутно приговорен к крупному денежному штрафу и тысяче ударов плетью) за критику духовенства и религиозной полиции королевства. Правозащитники, однако, считают, что в действительности власти изолировали Бадави за его журналистскую активность и за создание интернет-портала «Либеральная сеть Саудовской Аравии». В августе 2018 г. не в первый раз также была задержана сестра Раифа — известная правозащитница Самар Бадави. Семья Бадави стала олицетворением той части саудовских интеллектуалов, которые настроены на либерализацию традиционалистского общества.

Истоки «новых вызовов»

Ситуация для западных политиков непростая: они вынуждены осуждать произошедшее, а также предполагаемое участие в этом официальных структур королевства (с оговорками, касающимися требования доказательств), но с такими формулировками, которые не влекли бы незамедлительных политических последствий в виде ответных действий Эр-Рияда в сфере торгово-экономических отношений. Еще свежи в памяти последствия «ответных мер» саудовцев в отношении Канады: МИД КСА отозвал своего посла в Оттаве и предложил канадскому послу покинуть Эр-Рияд в 24 часа и заморозил новое торговое соглашение и инвестиции в экономику североамериканской страны¹. В первую очередь оно касалось канадской военной корпорации General Dynamics Corp (GD.N), которая в 2013 г. выиграла контракт на 13 млрд долл. и готовилась поставлять бронемашину властям королевства. За этим последовали сообщения о том, что Саудовская Аравия приостанавливает все совместные с Канадой образовательные программы и переводит своих студентов из университетов этой страны в вузы других стран. Тем самым Эр-Рияд в превентивном порядке эскалировал конфликт, продемонстрировав готовность к жестким мерам в ответ на обвинения в несоблюдении прав

¹ Kassam A. Trudeau defies Saudi Arabia and says Canada will stand up for human rights // The Guardian. 2018. Aug. 8 (<https://www.theguardian.com/world/2018/aug/08/saudi-arabia-canada-latest-egypt-russia>).

человека. Но даже на этом фоне убийство Джамала Хашогги стало случаем вопиющим.

В этой связи требует тщательного осмысления вопрос: почему власти Саудовской Аравии, ближайшего партнера Евро-Атлантики в мусульманской части Ближнего Востока, пошли на провоцирование конфликтов, применяя насилие в отношении людей, имеющих международную известность и репутацию (Хашогги, Бадави и некоторых других), что гарантированно будет воспринято на Западе как вызов? Причин может быть несколько:

Первая — попытка решить проблему с каждым из фигурантов традиционным (из арсенала недавнего прошлого) силовым способом с расчетом на инерцию восприятия Западом подобных ситуаций (сведение возмущения к заявлениям с критикой), возможно, полагая, что ситуация в мире вернулась к состоянию «холодная война-2» (противостояние между странами Запада, с одной стороны, и Россией/Китаем, с другой); в этих условиях Запад, по расчетам саудовских стратегов, не должен пойти на обострение отношений со столь важным для себя экономическим и геополитическим партнером.

Вторая — появление разногласий в отношениях между Эр-Риядом, с одной стороны, и Вашингтоном и Брюсселем, с другой, в основном в связи с войной в Йемене, а также напряженность в отношениях КСА с Канадой осенью 2018 г., которая не вызвала солидарной реакции США и Евросоюза в противодействии Эр-Рияду — даже когда последний пошел на серьезные шаги по ограничению взаимодействия с Оттавой в сфере торгово-экономических отношений. Главным же мотивом в подходе саудовских властей к такого рода медиа-активистам, как Хашогги и Бадави, скорее всего было стремление приглушить критику в свой адрес на международной арене, критику, которая могла бы воспрепятствовать восстановлению традиционных партнерских отношений с Вашингтоном, подорванных при Бараке Обаме.

Третья — новая волна ограничений свободы слова и гонений на «вольнодумные» СМИ поднималась в Эр-Рияде в условиях начала значимых преобразований в королевстве: шаги по модернизации и либерализации некоторых архаичных устоев саудовского общества правящая верхушка предпринимала в контексте укрепления рычагов своей монополярной власти и про-

тивостояния с группами соперников внутри королевского клана. В этой связи роль СМИ объективно возрастала, а сама медиа-сфера становилась полем схватки соперничающих финансово-политических группировок.

Запад готов реагировать, но по-разному

Суть и природа новых ближневосточных вызовов для Евро-Атлантики сводится к столкновению противоположных ценностных (цивилизационных) подходов к вопросу соблюдения прав человека. Для Запада это вопрос фундаментальный; для большинства арабо-мусульманских элит — второстепенный, который часто оказывается сведенным к декларациям. В условиях холодной войны и противостояния двух систем, проецировавшегося на ближневосточный регион, вопрос о правах человека в арабских странах, как правило, отодвигался западниками на задний план, уступая место расчетам геополитическим и экономическим. Кстати, и Советский Союз в тот период нередко игнорировал подавление властями своих стран-партнеров (Алжира, Ирака, Ливии, Южного Йемена, насеровского Египта) «родственных» Москве политических сил, прежде всего — коммунистических партий.

С окончанием холодной войны отношение Запада к данной проблематике менялось крайне медленно, поскольку работали прежние стереотипы («арабским элитам не близки понятия свободы и прав человека», «нельзя от них требовать многого в этом плане» и т. п.). Массовые протесты периода «Арабской весны» (2011–2014 гг.) побудили западные элиты по-иному взглянуть на социальные процессы в этом регионе. Тем более что новые — относительно либерализированные или исламизированные — властные группы в ряде арабских стран часто напрямую обвиняли Запад в многолетней поддержке свергнутых диктаторских режимов (в Тунисе, Египте, Ливии). Проблематика прав человека (ценностное измерение в целом) начала постепенно сказываться на подходах США и Европы к положению дел на Ближнем Востоке. Кстати, не в последнюю очередь и благодаря нарастающей активности правозащитных сообществ внутри ближневосточных диаспор в странах Запада: нужно иметь в виду, что значительная часть эмигрантов из арабских

стран, особенно в США, относится к категории «скрывающихся от преследований на родине со стороны диктаторских властей». В результате соответствующие диаспоры в своем большинстве были, как правило, настроены против центральной власти в Ираке (при Саддаме Хусейне), Сирии (при семействе Асад), Ливии (при Муаммаре Каддафи) и т. д. Саудовская же диаспора в США особая: сторонников либерально настроенной оппозиции и правозащитников там не много, а большая часть саудовцев живут де-факто на две страны, поддерживая тесную связь с посольством королевства в Вашингтоне.

Острота же реакции стран Евро-Атлантики на случаи нарушения прав человека, на расправы с правозащитниками в арабских странах зависит как от политико-идеологических особенностей правящих партий на Западе, так и от степени резонансности того или иного случая. Например, нынешнее правительство Джастина Трюдо в Канаде, ориентированное на приоритет ценностного фактора во внешней политике, сочло необходимым не игнорировать в августе 2018 г. факт ареста саудовскими властями местных женщин-активисток – Самар Бадави и Нассимы аль-Садах. Громкое дело Джамала Хашогги подвигло практически все страны Евро-Атлантики к солидарной реакции осуждения Эр-Рияда. Однако готовность предпринять санкционные меры проявили немногие: канцлер Германии Ангела Меркель объявила о приостановке выполнения контрактов на поставки вооружений Саудовской Аравии, а представитель фракции ХДС/ХСС по вопросам внешней политики Юрген Хардт пояснил, что «Европе, возможно, придется скорректировать свою политику в отношении Саудовской Аравии»¹.

Заметная резкость позиции Германии в «деле Хашогги» будет вызывать меньше вопросов, если учесть, что отношения между Берлином и Эр-Риядом осложнились с конца 2017 г. В ноябре 2017 г. Саудовская Аравия отозвала своего посла в ФРГ в знак протеста против высказываний тогдашнего министра иностранных дел Зигмара Габриэля (Sigmar Gabriel), косвенно обвинившего Эр-Рияд в проведении авантюристической политики на Ближнем Востоке. Вскоре после этого наследный

¹ Europe May Need to Change Saudi Policies Over Khashoggi Case: Merkel Ally // The New York Times. 2018. Oct. 17 (<https://www.nytimes.com/reuters/2018/10/17/world/europe/17reuters-saudi-politics-dissident-germany.html>).

принц Мухаммед бен Салман отдал внутреннее распоряжение государственным учреждениям максимально сократить объемы сотрудничества (размещение заказов) с немецкими компаниями¹. По данным журнала *Der Spiegel*, под саудовские санкции попали такие крупные немецкие концерны, как Siemens, Bayer и Boehringer, которые уже многие годы интенсивно сотрудничали с министерством здравоохранения в Эр-Рияде. Запрет на заказы распространяется и на автоконцерн Daimler, который должен был поставить сотни автобусов для Эр-Рияда и Джидды². Можно предположить, что «дело Хашогги» стало поводом для политических и бизнес-кругов ФРГ не только выразить свое недовольство действиями принца Мухаммеда в отношении Германии, но и продемонстрировать мобилизационные возможности Берлина в масштабах Евросоюза – в ущерб интересам Эр-Рияда.

На фоне ФРГ более сдержанную позицию заняли США, Франция и Великобритания, в большей степени, чем их немецкие визави, завязанные на саудовский рынок: они ограничились для начала символическими мерами в виде рестрикций на выдачу виз саудовским гражданам, но под давлением Берлина и Европарламента пообещали более жесткие меры в случае подтверждения в результате расследования причастности властей королевства к убийству журналиста³.

Показательна в этом отношении позиция американского президента. Поначалу, возмущаясь произошедшим в Стамбуле, Д. Трамп заметно старался минимизировать значимость убийства журналиста для американо-саудовских отношений, заявляя о том, что объяснения Эр-Рияда «вызывают доверие». Но под давлением Конгресса и общественного мнения явно решил не рисковать утратой доверия уже со стороны потенциальных избирателей накануне предстоявших (6 ноября 2018 г.) промежуточных выборов и направил для расследования на ме-

¹ Koelbl S. Reception Grows Frosty for German Firms in Saudi Arabia // Spiegel. 2018. May 25 (<http://www.spiegel.de/international/business/reception-grows-frosty-for-german-firms-in-saudi-arabia-a-1209576.html>).

² Ibid.

³ Беккер А., Гуца С. Почему США и Европа не идут на конфликт с Саудовской Аравией // DW. 2018. 24 октября (<https://www.dw.com/ru/почему-сша-и-европа-не-идут-на-конфликт-с-саудовской-аравией/a-46019132>).

стах своих посланников — госсекретаря М. Помпео в Эр-Рияд и Анкару, а затем директора ЦРУ Джину Хаспел — в Анкару. Тем самым Трамп стремился продемонстрировать «непредвзятость» своего подхода к Эр-Рияду и даже пригрозил возможностью наложения санкций в случае подтверждения фактов причастности саудовских властей к убийству в Стамбуле¹. Но при этом он априори выводил за пределы санкций оружейные контракты с саудовцами на сумму в 110 млрд долл., ссылаясь на то, что те обеспечивают занятость более чем миллиону американцев². В целом же линия Трампа сводится к сочетанию осуждения убийства в Стамбуле со стремлением представить руководителей КСА как непосредственно невовлеченных в это преступление³.

* * *

Реакция США и Евросоюза на убийство в Стамбуле саудовского журналиста Джамала Хашогги спровоцировала невиданный ранее кризис в отношениях западного сообщества с Саудовской Аравией. Правительства этих стран оказались не в состоянии игнорировать широкое возмущение произошедшим, испытывая на себе давление со стороны общества и своих политических соперников. Между США и Евросоюзом, а также в странах ЕС обозначились серьезные расхождения в том, что касается выработки «адекватной реакции». В то время как Германия пошла на объявление решительных шагов по временному прекращению действия оружейных контрактов с КСА, правительства Франции и Великобритании предпочли не торопиться с такого рода мерами, сославшись на необходимость проведения полноценного расследования преступления в Стамбуле. Со своей стороны, Дональд Трамп прилагал усилия с целью минимизации негативных последствий убийства

в Стамбуле для американско-саудовских отношений, рассматривая их как важные для интересов США не только в сфере экономики и торговли, но и для реализации антииранской стратегии в регионе. При этом правительство и политический класс США стремятся не допустить того, чтобы «дело Хашогги» повлияло негативно на реализацию объявленной Трампом политики изоляции Ирана, усиливая разногласия в этом вопросе со странами Евросоюза.

¹ Jamal Khashoggi Trump changes tone with Saudi Arabia over killing // SkyNews. 2018. Oct. 21 (<https://news.sky.com/story/trump-not-satisfied-with-saudi-response-to-death-of-jamal-khashoggi-11531419>).

² Ibid.

³ *Nicolas P., McBride C., Stancati M.* U.S. Takes Diplomatic Action Against Saudis Believed Tied to Journalist's Killing // The Wall Street Journal. 2018. Oct. 23 (<https://www.wsj.com/articles/turkeys-erdogan-saudi-journalist-was-murdered-1540287925>).

**США и демократические преобразования
в Тунисе: подходы Барака Обамы
и Дональда Трампа**

*Анна Цуркан**

Тунис — первый и пока единственный пример не только практически бескровного избавления граждан от диктатуры на волне «Арабской весны», но и соблюдения правового регламента при переходе к построению системы демократии. Причина кроется в ответственности и договороспособности всех участников политического процесса, включая исламистов из партии «Ан-Нахда» («Возрождение»). Это отличает тунисский опыт от того, что произошло в Египте. Демократическому транзиту в этих двух странах Северной Африки оказывали помощь Соединенные Штаты и Европейский союз. И если из-за военного переворота в 2013 г. в отношениях между Вашингтоном и Каиром возникли проблемы, то американо-тунисские отношения развивались устойчиво в положительном ключе. Тунисский «демократический транзит», надо признать, давал не много поводов западным партнерам разочаровываться. В 2015 г. Квартет тунисских посредников на переговорах по национальному примирению стал лауреатом Нобелевской премии мира. Действительно, группа общественных организаций — Всеобщее тунисское объединение труда, Тунисская конфедерация промышленности, торговли и ремесел, Тунисская лига в защиту прав человека и Тунисский союз адвокатов — обеспечила общенациональный диалог в стране. Многие даже считают, что благодаря их усилиям тунисцам удалось избежать гражданской войны. Али Зиддини, вице-президент Тунисской лиги за права человека, так определит политическую значимость этого события: «Как наша революция была образцом, так же мы хотим, чтобы и наш Национальный диалог стал образцом для других стран». Данная

** Цуркан Анна Анатольевна, кандидат политических наук, приглашенный исследователь Центра по изучению религии и общества Университета Виктории (Британская Колумбия, Канада).*

статья посвящена анализу главным образом американской политики поддержки демократии в Тунисе.

Тунис — это символ и колыбель «Арабской весны». Почти бескровная и стремительная революция в Тунисе в 2011 г., приведшая к бегству президента Зин эль-Абидина Бен Али, стала триггером для всех последующих событий в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Регион пришел в движение: волна антиправительственных восстаний привела к смене режимов в одних странах (Тунис и Египет), к кровавым гражданским войнам с вмешательством международного сообщества в других странах (Ливия и Сирия) и к дряхлеющей политической турбулентности в третьих странах (Йемен и Бахрейн). Между тем, несмотря на попытки ряда отечественных исследователей¹ приписать ответственность за дестабилизацию региона Соединенным Штатам, а именно — даже впрямую назвать Вашингтон ответственным за серию арабских революций, автор придерживается подхода, согласно которому для США, как, впрочем, и для России или для любой другой страны мира, события «Арабской весны» стали полной неожиданностью. Следовательно, реакция американской администрации на трансформацию политического процесса на Ближнем Востоке с последующей корректировкой собственной внешнеполитической линии является предметом научного интереса и изучения. Более того, практически на стыке двух политических курсов — предыдущего президента-демократа Барака Обамы и действующего президента-республиканца Дональда Трампа — представляется целесообразным проследить сходства и различия их политики в отношении Туниса — страны если и не выигравшей от революционных процессов, то, как минимум, относительно успешно их преодолевшей. Данная статья призвана оценить динамику политики Соединенных Штатов в том, что касается приверженности Вашингтона распространению демократии и конкретной поддержки демократических преобразований в ближневосточном регионе.

¹ Например, А.П. Барышев, А.В. Манойло, В.А. Никонов, С.А. Воронин, П.А. Искендеров, Р.Г. Ланда, А.И. Фурсов и др. (выборка ученых, разделяющих подход о том, что США — организатор «Арабской весны», взята из статьи: Косов А.П. США и «Арабская весна»: оценки российского экспертного сообщества // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». 2016. Сентябрь. Т. 16. № 3. С. 474.)

Тунис в фокусе политики Барака Обамы

Революция в Тунисе произошла в первый срок президентства Б. Обамы. Отсюда и реакция официального Вашингтона, и стратегия США в отношении новой тунисской власти – это, по сути, игра ва-банк. Политический истеблишмент, равно как и аналитическое сообщество в Соединенных Штатах, на тот момент не способны были с точностью просчитать развитие ситуации в Тунисе: успех революции, кредит доверия новым политическим силам, дальнейшую судьбу страны и т. д. Это же справедливо и для других стран, затронутых «Арабской весной». Поэтому Б. Обаму по праву можно считать творцом корректировки американского внешнеполитического курса на Большом Ближнем Востоке в ходе «Арабской весны».

Первая официальная реакция 44-го президента США на революционную ситуацию в Тунисе последовала сразу после бегства Бен Али. 14 января 2011 г. Б. Обама опубликовал на сайте Белого дома заявление о событиях в Тунисе, в котором осуждалось применение насилия против мирных демонстрантов, отмечалось их мужество и чувство собственного достоинства, звучали призывы к проведению честных свободных выборов¹. Таким образом, хотя революция в Тунисе и развивалась стремительно – от самосожжения уличного торговца М. Буазизи 17 декабря 2010 г. до перехода власти от президента к премьер-министру М. Ганнуши 14 января 2011 г. прошло чуть менее месяца – официальный Вашингтон в течение этого времени не спешил выступать с официальными заявлениями и принимать сторону власти или протестующих.

Причиной такого затишья со стороны администрации Б. Обамы было отнюдь не подстрекательство народных масс к волне протеста с целью смены режима, в котором, как уже отмечалось выше, ряд аналитиков и отечественных СМИ пытались уличить США, а, наоборот, – удовлетворенность американских политиков ходом событий в Тунисе. Напомним, посредством ежегодных докладов Госдепа официальный Вашингтон регулярно подвергал критике режим Бен Али в части

¹ Statement by the U.S. President on Events in Tunisia. 2011. Jan. 14 (<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/01/14/statement-president-events-tunisia>).

ограничений разного рода прав и свобод граждан¹. При этом Соединенные Штаты устойчиво сотрудничали с действовавшими властями.

Однако смена власти в Тунисе произошла столь молниеносно и успешно, потянув за собой волну протеста, прокатившуюся по региону и приведшую к столь же стремительной смене власти, например, в Египте, что Б. Обама обратился к риторике демократизации Большого Ближнего Востока. И уже в мае 2011 г. президент США выступил с речью, которая, во-первых, прославляла поступок М. Буазизи (сравнив его с видными историческими фигурами американского сопротивления, такими, например, как Роза Паркс) и, во-вторых, которая декларировала, что поддержка американцами демократии отныне будет строиться на обеспечении финансовой стабильности, продвижении реформ и объединении конкурентных рынков друг с другом с последующей их интеграцией в глобальную экономику². Из практических шагов по воплощению этой стратегии в жизнь, ответственность за которые брала на себя администрация Обамы, можно выделить следующие: 1) проработка с Конгрессом США вопроса создания Предпринимательского Фонда для воз-

¹ Например, в Международном докладе о религиозной свободе 2009 г. отмечалось отсутствие права верующих различных религиозных конфессий на прозелитизм, ограничение на ношение религиозной атрибутики в общественных местах, запрет на проведение массовых религиозных праздников и т. д. (2009 Report on International Religious Freedom. 2009. Oct. 26 (<https://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2009/127359.htm>)). Причем указанные ограничения касались и мусульман-суннитов, которых в Тунисе порядка 99%. Таким образом, правительство страны проводило курс, направленный на секуляризацию.

В Докладе о соблюдении прав человека 2010 г. упоминались многочисленные нарушения в ходе выборов президента и парламента, ставя под сомнение честность этих выборов. Говорилось также об ограничении свободы слова, СМИ и собраний, нетерпимости к критике правительства, что выливалось в уголовные преследования инакомыслящих, пытки и плохое обращение с заключенными (2010 Country Reports on Human Rights Practices. 2011. Apr. 8 (<https://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2010/nea/154474.htm>)).

² Remarks by the U.S. President on the Middle East and North Africa. 2011. May 19 (<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa>).

возможности инвестирования в Тунис¹ и Египет и обещание открыть путь инвестициям в регион в размере 2 млрд долл. через Зарубежную частную инвестиционную корпорацию (ОПИС)²; 2) учреждение США на Ближнем Востоке и в Северной Африке Торговой и Инвестиционной Партнерской Инициативы³.

Собственно, далее основным элементом политики по демократизации региона, а главное стран, наиболее успешно преодолевших революционные преобразования «Арабской весны», призван был стать экономический инструментарий. В частности, осенью 2011 г. с Тунисом было реанимировано Рамочное соглашение о торговле и инвестициях (TIFA), подписанное еще в 2002 г. Под эгидой этого соглашения в мае 2013 г. при финансовом участии Американского агентства по международному развитию (USAID) была разработана инициатива по поддержке тунисского малого и среднего бизнеса. Кроме того, начиная с 2012 г. Соединенные Штаты трижды выступали должным гарантом для Туниса: в 2012 г. на сумму 485 млн долл., в 2014 г. и в 2016 г. — по 500 млн долл.⁴ По информации Дж. Айеда, бывшего министра финансов, в условиях ограниченности доступа постреволюционного Туниса к международным финансовым рынкам американские гарантии помогли правительству получить необходимые суммы, направляемые в первую очередь на покрытие бюджетного дефицита⁵. В то же самое время прямая финансовая помощь от США Тунису в период адми-

¹Тунисско-американский предпринимательский фонд создан в июле 2013 г. под эгидой Американского агентства по международному развитию.

²На сайте ОПИС сообщение о выделении 2 млрд долл. финансовой помощи для аккумуляции инвестиций из частного сектора в странах Ближнего Востока и Северной Африки датируется еще 17 марта 2011 г. (OPIC to provide up to \$2 billion for investment in Middle East and North Africa. 2011. March 17 (<https://www.opic.gov/press-releases/2011/opic-provide-2-billion-investment-middle-east-and-north-africa>). Это обещание было дано еще госсекретарем Х. Клинтон в ходе ее визита в Египет.

³Торговая и инвестиционная партнерская инициатива на Ближнем Востоке и в Северной Африке учреждена в ноябре 2011 г.

⁴Tunisia signs \$500 million loan guarantee agreement with the United States. 2016. Jun. 3 (<https://www.usaid.gov/tunisia/press-releases/jun-3-2016-tunisia-signs-500-million-loan-guarantee-agreement-united-states>).

⁵Из личных материалов автора (Скype-интервью с Дж. Айедом от 21 сентября 2017 г.).

нистрации Обамы после событий «Арабской весны» составила в целом (по данным на 3 июня 2016 г.) более 865 млн долл.¹

В марте 2015 г. Пенни Прицкер, министр торговли США, расценила происходящее как новый виток экономических преобразований в Тунисе. Она описала конкретные шаги, которые должно было, по ее мнению, предпринять руководство Туниса для того, чтобы преуспеть на этом пути: 1) упростить инвестиционное законодательство; 2) провести банковскую реформу; 3) создать прозрачную, надежную и современную налоговую и таможенную структуру; 4) принять новый закон о государственном и частном партнерстве². При этом подконтрольное ей ведомство запускало частно-государственное партнерство «Региональные инвестиции для поддержки предпринимательства» (RISE) и обязалось провести ряд мероприятий по линии Программы развития торгового законодательства.

Вместе с тем далеко не вся финансовая помощь расходовалась только на развитие экономики Туниса. Президент США в своих выступлениях подчеркивал, что демократический и экономический процессы в Тунисе идут рука об руку³, да и экономика, как упоминалось ранее, стала базисом именно для демократизации, следовательно, часть финансовых средств направлялась на политические нужды. В частности, порядка 15 млн долл. было выделено Тунису на проведение свободных и честных парламентских и президентских выборов в 2014 г.⁴ Это включало в себя финансирование как процесса реорганизации избирательного администрирования, в том числе образовательные программы и агитацию среди голосующих, так и выстраивание

¹US lawmakers move to block Trump's efforts to cut aid for Tunisia // The Arab Weekly. 2017. Jul. 16 (<http://www.thearabweekly.com/East-West/8876/US-lawmakers-move-to-block-Trump's-efforts-to-cut-aid-for-Tunisia>).

²Pritzker Penny. U.S. Secretary of Commerce, Tunisia's Moment: Fulfilling the Revolution's Promise with Economic Reform. 2015. March 5 (<https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2015/03/05/tunisia-s-moment-fulfilling-revolution-s-promise-economic-reform>).

³Eye on Tunisia: message from Barack Obama to the Tunisian people. 2015. March (<http://www.amchamtunisia.org.tn/events/eye-tunisia-message-barack-obama-tunisian-people>).

⁴Fact Sheet: Enduring U.S.-Tunisian Relations. 2015. May 21 (<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/05/21/fact-sheet-enduring-us-tunisian-relations>).

механизмов национального и международного наблюдения за ходом выборов и подсчетом голосов¹.

Отдельной строкой на сайте Белого дома в 2014 г. определялась сумма в 50 млн долл., выделенная на поддержку участия и включенности граждан в политические процессы, выстраивание возможности постоянной связи гражданского общества с согражданами через непрерывный процесс обучения и вовлеченности, а также на популяризацию свободы слова². В 2015 г. уже говорилось о более чем 80 млн долл., выделенных с 2011 г. Тунису на поддержку инициатив, связанных с популяризацией честного управления и финансовой прозрачности, повышением уровня самоорганизации структур гражданского общества и вовлеченности молодежи в гражданскую и политическую активность³. В дополнение к этой сумме Госдепартамент США в том же году запланировал перевести Тунису еще 10 млн долл. в рамках Ближневосточной Партнерской Инициативы (МЕРИ) на цели демократизации и поддержки гражданского общества⁴.

При этом Б. Обама неоднократно подчеркивал успех демократических преобразований в Тунисе: его продвижение на пути демократии по итогам революции 2011 г. в части проведения полностью легитимных выборов, разработки новой конституции и т. д. И даже ставил Тунис в качестве примера возможности и нужности демократии в странах Ближнего Востока и Северной Африки⁵.

Тем не менее революция в Тунисе принесла с собой не только позитивные перемены. Проблемой постреволюционного Туниса стал всплеск исламского радикализма: Тунис ли-

дировал среди стран, граждане которых отправлялись воевать в рядах террористической группировки «Исламское государство»; немало террористических атак происходили внутри страны. Кроме того, если поначалу теракты были направлены против политиков и военных, т. е. условно не несли угрозы гражданскому населению или иностранным гражданам, то новый виток террористической активности в курортных районах Туниса серьезно ударил и по экономическому развитию страны.

В этой связи США начали усиливать взаимодействие в сферах безопасности и борьбы с терроризмом. Исходя из заявлений самого Б. Обамы, за период с 2011 по 2015 г. по линии помощи в вопросах безопасности Соединенными Штатами выделено Тунису более 225 млн долл.¹ Более 100 млн долл. из вышеуказанной суммы пошли на укрепление Министерства обороны страны и на структуры по борьбе с терроризмом, включая обучение военного персонала и его оснащение с целью усиления пограничного контроля. Более 50 млн долл. израсходовано на обучение и оснащение сил внутренней безопасности, подконтрольных МВД и Минюсту.

Одним из последних ключевых политических решений Б. Обамы по Тунису стал подписанный им в июле 2015 г. меморандум о признании этой арабской страны основным союзником США вне блока НАТО. Американская помощь Тунису в сфере безопасности была увеличена до 100 млн долл. в 2016 г.: часть этой суммы пошла на возведение 200 км заградительных сооружений вдоль 460 км границы с Ливией, оснащенных современными электронными средствами наблюдения и предупреждения. Также Тунис получает беспрецедентный доступ к разведанным, которыми располагают соответствующие службы в США, и к новейшему оружию – вертолетам «Апачи», беспилотникам и т. д.²

Таким образом, при администрации Б. Обамы запросы в Конгресс США со стороны президента об увеличении разного

¹ Fact Sheet: U.S. Support for Democratic Institutions, Good Governance, and Human Rights in Africa. 2014. Aug. 8 (<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/08/04/fact-sheet-us-support-democratic-institutions-good-governance-and-human>).

² Ibid.

³ Fact Sheet: Enduring U.S.-Tunisian Relations. 2015. May 21 (<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/05/21/fact-sheet-enduring-us-tunisian-relations>).

⁴ Ibid.

⁵ Eye on Tunisia: message from Barack Obama to the Tunisian people. 2015. March (<http://www.amchamtunisia.org.tn/events/eye-tunisia-message-barack-obama-tunisian-people>).

¹ Fact Sheet: Enduring U.S.-Tunisian Relations. 2015. May 21 (<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/05/21/fact-sheet-enduring-us-tunisian-relations>).

² Светлова К. Может ли Тунис стать единственным, кто выиграл от «Арабской весны». 2016. 9 августа (<http://carnegie.ru/commentary/?fa=64275>).

рода финансовой помощи Тунису звучали регулярно. Направляемые в Тунис суммы, безусловно, не решали всех экономических и политических проблем этой страны, но новой власти они внушали надежды и оптимизм. В частности, Дж. Айдед указывал, что в 2011 г., когда он был главой Минфина, встречи с американскими делегациями проводились на регулярной основе. Администрация США была реально заинтересована в поддержке Туниса, что выражалось в качестве и обилии разработанных американцами программ и в оказании финансовой помощи. Кроме того, по мнению Дж. Айдеда, ситуацию в сфере безопасности удалось переломить во многом благодаря вкладу Соединенных Штатов. Хотя бывший министр в личной беседе с автором данной главы неоднократно подчеркивал, что первоначальные обязательства, взятые на себя членами «Большой восьмерки» (в рамках Довильской партнерской инициативы) в отношении Туниса, в итоге так и не были реализованы по причине включения в партнерство ряда арабских стран, в которых, несмотря на массовые волнения и протесты, радикальных изменений не произошло, но они входили в зону традиционных интересов западных стран. Господин Айдед лично присутствовал на встрече «Большой восьмерки» в Довиле в мае 2011 г. и утверждает, что первоначальная сумма оговоренной финансовой помощи для Туниса составляла порядка 10 млрд долл., значительная часть которых так и осталась на бумаге¹. Заметим, что похожие выводы о некотором сокращении участия и помощи уже непосредственно Соединенных Штатов Тунису в сравнении с такими странами, как, например, Египет или Иордания, которые гораздо сильнее включены в сферу американских интересов в области национальной безопасности, можно встретить и в аналитических материалах, подготовленных для членов Конгресса США².

¹ Из личных материалов автора (Скype-интервью с Дж. Айдедом от 21 сентября 2017 г.).

² Arieff A., Humud C. Political transition in Tunisia/Congressional Research Service Report. 2015. Feb. 10 (<https://fas.org/sgp/crs/row/RS21666.pdf>).

Подход Д. Трампа: ожидать ли перемен?

С момента вступления в должность в январе 2017 г. Дональд Трамп не делал никаких значимых заявлений в отношении Туниса по вопросам американо-туниССких отношений или финансовой помощи этой стране. 17 февраля 2017 г. Д. Трамп провел стандартные телефонные переговоры со своим туниССким коллегой Б. Эс-Сибси. В марте 2017 г. Х. Жинауи, глава МИД Туниса, провел консультации с представителями администрации Д. Трампа в Вашингтоне. Однако и по итогам этих двух контактов понять подход нового американского президента в отношении Туниса было затруднительно.

Одним из первых шагов на пути становления нового курса Д. Трампа, хотя и не конкретно на туниССком направлении, а, скорее, на ближневосточном в целом, можно считать его визит в мае 2017 г. в Саудовскую Аравию, его выступление на Американо-арабском исламском саммите. В своей речи Президент США сделал упор на очень важный момент, который, безусловно, станет основой для международной стратегии новой американской администрации. Трамп процитировал лидером арабского мира свое инаугурационное обещание не стараться навязать американский образ жизни другим странам, а открыть путь для сотрудничества и доверия при учете существующих реалий¹. Подобная риторика формально противоречит политике продвижения демократии на Ближнем Востоке да и вообще в мире. Вопрос, однако, в том, насколько это видение может быть претворено в конкретных шагах, например по сокращению финансирования по данной статье расходов.

Другой важной темой вышеупомянутого выступления Д. Трампа стала борьба с терроризмом. Именно внимание, уделяемое этой теме новой администрацией, вселяет в туниССкую элиту надежду на то, что финансирование Туниса со стороны США, скорее всего, будет сохранено или даже увеличено².

¹ President Trump's Speech to the Arab Islamic American Summit. 2017. May 21 (<https://tn.usembassy.gov/president-trumps-speech-arab-islamic-american-summit>).

² Подробнее см. интервью с премьер-министром Туниса (*Bremmer I. Q&A: Tunisia's Youssef Chahed on Building a Democracy That Endures*, Time. 2017. Jul. 20 (<http://time.com/4864773/tunisia-youssef-chahed-interview-ian-bremmer>)).

И все же предложенный Д. Трампом проект бюджета на 2018 г., предполагающий значительное сокращение финансовой помощи другим странам (в рамках предвыборных обещаний нового президента необходимо поставить заботу о положении дел в Америке на первое место – «America first»), ощутимо урежет американское финансирование Тунису. В сравнении: если в 2017 г. совокупный объем финансовой помощи со стороны США Тунису (экономическое развитие и поддержание безопасности), согласно закону № 115-31 от 5 мая 2017 г., составлял порядка 165 млн долл., то в проекте бюджета на 2018 г. эта сумма сокращается до 55 млн долл.¹ Причем распределять эти средства предполагается далеко не в рамках обозначенных Д. Трампом приоритетов: финансирование по статье «безопасность» предполагает выделение Тунису только 15 млн долл. (сокращение более чем на 80% в сравнении с 2016 г.), а оставшаяся сумма пойдет на содействие в развитии демократических процессов и на поддержку экономики.

Другое дело, что инициативу Президента США на данный момент Конгресс не поддержал. Согласно сумме обсуждаемых в Конгрессе бюджетных ассигнований Тунис должен будет снова получить не менее 165 млн долл. в 2018 г. И здесь во многом дело уже не в самом Тунисе, а в нежелании членов Конгресса солидаризироваться с политикой новой администрации. В этом отчетливо проявляется продолжающееся противостояние Д. Трампа и либерально настроенной политической элиты.

Тем временем согласно опросу, проведенному Международным Республиканским институтом в январе 2016 г., 86% тунисцев считают, что состояние их экономики плачевно². И действительно, многие проблемы, включая те, что спровоцировали революционный взрыв, так и не были решены. Например, к масштабной безработице добавилась коррупция, что,

¹ Congressional Budget Justification, Foreign Assistance, Supplementary Tables, Fiscal Year 2018. P. 70 (<https://www.state.gov/documents/organization/271014.pdf>).

² Tunisians Believe Country Is Headed in Wrong Direction; Pessimistic on Economy, Concerned over Terrorism. 2016. Jan. 13 (<http://www.iri.org/resource/iri-center-insights-poll-tunisians-believe-country-headed-wrong-direction-pessimistic>).

кстати, откровенно признается на высшем уровне¹. К этому также прибавился теневой рынок, доля которого, по разным оценкам, достигает половины ВВП². Террористические атаки внутри страны негативно отразились на темпах развития туристического сектора, который ежегодно обеспечивает 7–8% ВВП. Реформирование финансовой, налоговой и административной систем происходит очень медленно, несмотря на постоянно повторяющиеся рекомендации международных финансовых институтов и зарубежных доноров, включая США. Отсюда экономическая стагнация и рост недовольства населения действиями правительства.

Что делать Соединенным Штатам в этой ситуации? Например, аналитики вашингтонского Атлантического Совета предлагают увеличить международное финансирование Туниса до суммы 2 млрд долл. в год на ближайшие пять лет³, что возвращает нас к 10 млрд долл., упомянутых выше Дж. Айедом. Тем временем есть исследователи, которые считают, что чрезмерные зарубежные финансовые вливания, наоборот, пагубно сказываются на развитии стран-реципиентов, порождая или усиливая существующие у них экономические проблемы, снижая готовность руководства Туниса проводить требуемые реформы, равно как и бороться с коррупцией⁴. Заметим, что данная оценка представляется спорной, и результат во многом зависит от грамотного использования финансовых средств.

Тем не менее, безусловно, администрации Трампа необходимо будет выработать собственный подход в отношении Туниса, вынося эту проблематику за пределы общей ближне-

¹ Подробнее см. интервью с премьер-министром Туниса (*Bremmer I. Q&A: Tunisia's Youssef Chahed on Building a Democracy That Endures*, Time. 2017. Jul. 20 (<http://time.com/4864773/tunisia-youssef-chahed-interview-ian-bremmer>)).

² Из личных материалов автора (Skype-интервью с Дж. Айедом от 21 сентября 2017 г.).

³ *Burwell F., Hawthorne A., Mezran K., Miller E.* A transatlantic strategy for a democratic Tunisia / report, Atlantic Council. 2016. June. P. 1, 5 (http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/A_Transatlantic_Strategy_for_a_Democratic_Tunisia_web_0607.pdf).

⁴ *Kubinec R.* How foreign aid could hurt Tunisia's transition to democracy, Washington Post. 2016. Dec. 19 (https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/12/19/how-foreign-assistance-can-hurt-not-help-tunisias-democratic-transition/?utm_term=.8794c1761245).

восточной повестки. Отсутствие шагов в данном направлении будет означать негативный сигнал правительству этой страны, ослабляя осознание последним своей роли как единственной арабской страны, не только пережившей потрясения «Арабской весны», но и успешно идущей по пути построения демократии. А это, в свою очередь, может привести и к возвращению традиционных форм правления, т. е. к соскальзыванию к авторитаризму. Другим вариантом может стать поиск Тунисом финансовых партнеров за пределами Северной Америки и Европейского союза. Возможности сотрудничества с Россией, Китаем, Японией и другими странами при сохранении, тем не менее, стратегических партнерских отношений со странами Запада, уже прорабатываются в Тунисе на уровне советников правительства¹. Поэтому ставка США и Евросоюза на успешность преобразований в Тунисе по-прежнему высока. И от нового американского президента ждут осознанных и действенных решений в этом вопросе.

¹ Из личных материалов автора (Скype-интервью с Дж. Айедом от 21 сентября 2017 г.).

Глава VI

Эра Трампа для Америки: «война с террором» или «война с иммиграцией»?

*Инна Шумилина**

Приход Дональда Трампа в Белый дом в начале 2017 г. ознаменовался ростом напряженности в отношениях администрации с мусульманскими сообществами в США. Заявленные командой 45-го президента США ограничения на въезд в страну выходцев из проблемных точек Ближнего Востока (в контексте борьбы с терроризмом) заметно повысили напряжение между различными общинами в США, отозвавшись при этом негативным для Вашингтона эхом в ряде арабских стран и Иране. Звучавшие все громче обвинения Трампа и его команды в «антимусульманских настроениях» сопровождались нарастанием активности группировок, прославлявших «превосходство белой расы». В свою очередь, это дало толчок возрождению «разлома» в американском обществе на расовой почве, кульминацией которого стали драматические события в Шарлоттсвилле в августе 2017 г.

По-своему начав борьбу с «исламистским терроризмом», Трамп грозит погрузить Америку в новую волну межрасовых конфликтов. Администрация Дональда Трампа пошла дальше своей предшественницы, команды Барака Обамы, усмотрев в миграции одну из важнейших причин терроризма. Она приступила к ужесточению миграционного режима в целом. С апреля 2018 г. Белый дом проводит официально политику «нулевой толерантности» в отношении нелегальных иммигрантов. Наиболее скандальное ее проявление — отделение детей от родителей-нелегалов на период рассмотрения дел последних в соответствующих американских инстанциях.

* Шумилина Инна Викторовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт США и Канады РАН.

Анализируя набор шагов, предпринятых администрацией Дональда Трампа в сфере «борьбы с нелегальной иммиграцией», можно сделать вывод о том, что одна из первых вышеупомянутых мер — издание президентом исполнительных указов по ограничению притока иностранцев данной категории — не рассматривается в Белом доме как ошибочная. Команда Трампа и сегодня не только настаивает на обоснованности этих мер, но и отстаивает в судах их юридическую правомерность¹. Это неудивительно, ибо данные или близкие к ним меры входили в портфель предвыборных обещаний президентской кампании Трампа. Они обосновывались как видением кандидатом на высший пост в стране причин «террористических угроз» в самих Соединенных Штатах, так и его восприятием драматических событий, связанных с наплывом иммигрантов из арабских и африканских стран в Европу в предшествовавшие пару лет. Тем самым демонстративно «волевое решение» Белого дома об ограничении иммиграции из «проблемных» стран Ближнего Востока призвано было не только обезопасить США, но и стать примером для политиков Евросоюза. Тот факт, что это решение входило в противоречие с гуманитарными ценностями Запада в целом, а также могло нарушить (что в конечном счете и произошло) баланс межрелигиозных и даже межрасовых отношений в самих США, в расчет, судя по всему, не принимался.

Шарлоттсвилль: «внутренний терроризм» в США

Август 2017 г. стал знаменательным месяцем для первого года президентской каденции Дональда Трампа и для США в це-

¹ 26 июня 2018 г. Верховный суд США признал законным указ президента Дональда Трампа, запрещающий въезд в США гражданам семи стран, включая несколько государств, где преобладает мусульманское население. Судьи постановили, что Трамп действовал полностью в рамках своих президентских полномочий, а также не согласились с высказываниями о том, что указ был мотивирован религиозной нетерпимостью. См.: Supreme Court upholds Trump travel ban // CBSN. 2018. Jun. 26 (<https://www.cbsnews.com/news/travel-ban-upheld-supreme-court-decision-tuesday-trump-2018-06-26>); Wolf R. Supreme Court upholds President Trump's travel ban against majority-Muslim's countries // USA Today. 2018. Jun. 26 (<https://www.usatoday.com/story/news/politics/2018/06/26/supreme-court-upholds-president-trump-immigration-travel-ban/701110002>).

лом: администрация штата Виргиния вынуждена была пойти на экстренные меры — объявить там чрезвычайное положение и ввести контингент нацгвардии после событий в Шарлоттсвилле. В городе, традиционно считающемся либеральным и прогрессивным, произошли ожесточенные столкновения митингующих так называемого «Белого марша» и их противников, в результате которых погибли двое полицейских и 19 человек оказались ранены. Кульминацией столкновений националистов и антирасистов стало происшествие, позволившее в дальнейшем местным правоохранителям и властным кругам квалифицировать событие как «акт внутреннего террора»: врезавшийся в толпу грузовик, за рулем которого находился 20-летний Джеймс Алекс Филдс-младший, разделявший нацистские взгляды, сбил насмерть 32-летнюю женщину.

Важно отметить, что базовым градообразующим элементом Шарлоттсвилля традиционно был местный университет, основанный в 1819 г. уроженцем этих мест Томасом Джефферсоном — одним из отцов-основателей Соединенных Штатов, писавшим Декларацию независимости страны и ставшим ее третьим президентом. Монумент Джефферсону и оказался ныне главной точкой сбора активистов «Белого марша» — вокруг него происходило факельное шествие белых националистов, переросшее в массовые беспорядки. Анонсированная заранее акция ультраправых вызвала напряжение у администрации города задолго до событий: мэр города Майк Сигнер сообщал в СМИ, что проводит широкие консультации с коллегами с целью предотвращения беспорядков, однако верх взяла «уверенность в том, что люди могут собираться и свободно выражать свое мнение»¹.

Поводом же для активизации и подготовки акции ультраправых в Шарлоттсвилле стало решение местных властей демонтировать памятник главнокомандующему армии южан Роберту Эдварду Ли (генерал Ли считается в этих краях героем и символом Конфедерации; командовал войсками южных штатов Америки в годы Гражданской войны и де-факто был сторонником сохранения рабовладельческого строя). Инициировали

¹ Transcript: Charlottesville Mayor Michael Singer on «Face the Nation» // CBS News. 2018. Aug. 13 (<https://www.cbsnews.com/news/transcript-charlottesville-mayor-michael-singer-on-face-the-nation-aug-13-2017>).

проведение акции в Шарлоттсвилле члены партии неоконфедератов (Neo-Confederate), считающие, что Гражданская война не закончилась, и заявляющие своей целью отделение южных штатов от Севера. К ним присоединились члены расистской организации Ку-клукс-клан (KKK or the Knights Party) и неонацисты (Neo-Nazis or American Nazi Party), утверждавшие, что «на глазах уничтожается история белой Америки». Ряды перечисленных вскоре пополнили члены Традиционной рабочей партии (Traditional Workers Party), поддерживающие сепаратизм, и ультраправые — члены движения Альтернативных правых (Alt-right), исповедующие превосходство западной культуры и ограничение иммиграции, а также члены организации «Превосходство белых» (White supremacist), идейно смыкающиеся с неоконфедератами.

Содержание акции — как идейно, так и стилистически (а это было шествие с факелами, напоминавшее нацистские марши в гитлеровской Германии под лозунгом Deutschland über alles со скандированием таких мемов, как «Жизни белых имеют значение!», «Сделаем Америку снова белой!», «Один народ, одна нация, прекратите иммиграцию!») прочитывалось американским обществом однозначно — как расистское. Именно идеологический контекст акции вызвал мощный резонанс по всем штатам, активизировав самое широкое обсуждение причинно-следственных связей этого нового для Америки XXI в. явления, по сути своей ставящего под сомнение главное завоевание страны — репутацию США как единственного в мире состоявшегося и успешного мультикультурного общества («плавильного котла» для всех наций, или «салата», где важен каждый ингредиент, или «оркестра», где важен каждый инструмент).

Протест и осуждение последствий «белой» акции были заявлены сразу же на местном уровне: губернатор штата Виргиния Терри Маколифф обратился на пресс-конференции к участникам националистического марша, сказав следующее: «У меня есть сообщение для всех белых расистов и нацистов, которые пришли сегодня в Шарлоттсвилль. Наше послание ясно и просто... Вы делаете вид, что вы — патриоты Америки, но вы — совсем не патриоты. Вам нет места в Америке»¹. Мэр Шарлоттсвилля, в свою очередь, назвал националистический марш «тру-

¹ Kelsey A. Virginia Gov. McAuliffe to white nationalists: 'No place for you in America' // ABCNews. 2017. Aug. 12 (<https://abcnews.go.com/Politics/>

сливым парадом ненависти, фанатизма, расизма и нетерпимости, обрушающим законы Америки и Билль о Правах»¹.

Губернатор Маколифф сообщил также, что разговаривал с президентом Трампом в день событий и призвал его «решительнее осудить виновных». «Мы должны прекратить эту ненавистническую риторику», — уточнил Маколифф².

Трамп «оживил» правых радикалов

Кровавые события в Шарлоттсвилле застали Трампа врасплох: его первое заявление по поводу случившегося, прозвучавшее на импровизированной пресс-конференции в фойе Трамп-Тауэр в Нью-Йорке, оказалось крайне неудачным и абсолютно не отвечающим ожиданиям общества. Трамп планировал рассказать о состоявшихся встречах по инфраструктурным проектам. Кратко сообщил о том, что планирует упростить правила федерального согласования, но тут репортеры принялись подробно расспрашивать президента о том, почему он не торопится осуждать неонацистов и ку-клукс-клановцев³. Ответы президента в дальнейшем были названы в прессе «безумными»⁴ и «ошеломительными»⁵ — прозвучали общие слова, осуждаю-

virginia.gov/mcauliffe-white-nationalists-place-america/story?id=49183979).

¹ Signer M. Statement on the Rally at the University of Virginia // official page FB. 2017. Aug. 12 (https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=10155559426310629&id=51200715628).

² Kelsey A. Virginia Gov. McAuliffe to white nationalists: 'No place for you in America' // ABCNews. 2017. Aug. 12 (<https://abcnews.go.com/Politics/virginia-gov-mcauliffe-white-nationalists-place-america/story?id=49183979>).

³ Remarks by President Trump on Infrastructure // The White House. 2017. Aug. 15 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-infrastructure>).

⁴ Jennings N., Stevenson P. Trump's off-the-rails news conference on Charlottesville, the 'alt-left' and infrastructure, annotated // The Washington Post. 2017. Aug. 15 (https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/08/15/trumps-off-the-rails-news-conference-on-charlottesville-the-alt-left-and-infrastructure-annotated/?noredirect=on&utm_term=.6a49821138c4).

⁵ Merica D. Trump says both sides to blame amid Charlottesville backlash // CNN. 2017. Aug. 16 (<https://edition.cnn.com/2017/08/15/politics/trump-charlottesville-delay/index.html>).

щие «все формы насилия». Запрос граждан на осуждение белых националистов, транслировавшийся в конкретных и острых вопросах журналистов, Трамп проигнорировал. Более того, американский президент возложил вину за насилие «на обе стороны»¹, что было расценено в обществе как явная попытка уклониться от прямого осуждения виновных в беспорядках членов групп белых расистов. Такой поворот немедленно вызвал шквал критики как со стороны противников Трампа, так и его сторонников. Примечательно, что громко призвали президента «называть зло своим именем» как демократы, так и однопартийцы (сенатор от Колорадо Кори Гарднер, от Огайо — Стив Стиверс, от Флориды — Марко Рубио, от Юты — Оррин Хэтч)². «Нет морального эквивалента между расистами и американцами, выступающими против ненависти и фанатизма. Об этом должен был сказать президент США», — написал в своем Твиттере Джон Маккейн³. Джеб Буш высказался в том же ключе. «Это время для моральной ясности, а не двойственности, — подчеркнул он в своем комментарии. — Я призываю президента Трампа объединить страну... Ради нашей страны он не должен оставлять сомнений в том, что Белый дом допустит или проигнорирует расизм или ненависть»⁴.

Жесткие заявления последовали от мэра Шарлоттсвилля Майка Сигнера: в интервью CNN он, по сути, возложил вину за случившееся на Белый дом, связав активизацию расистов в США с предвыборной риторикой Трампа, а также бездействием и неспособностью нынешней администрации влиять на ультраправый спектр активистов. «Посмотрите, — напомнил Сигнер, — какую предвыборную кампанию он (Трамп. — *И.Ш.*) проводил. Обратите внимание на целенаправленное заигрыва-

ние со всеми этими сторонниками превосходства белой расы, белыми националистическими и антисемитскими группами»¹. «Все эти антисемиты, арийцы, неонацисты, Ку-клукс-клан, они всегда были в тени, — подчеркнул Сигнер. — Однако победа Трампа дала им возможность заявить о себе»².

Огромный резонанс получило открытое письмо видного представителя еврейской общины раввина Хаскела Лукштейна (именно он вводил Иванку Трамп в еврейскую общину в 2009 г., когда та приняла иудаизм³), опубликованное сразу в нескольких американских газетах. «Хотя мы всегда избегаем политики, — подчеркнул Лукштейн, — нас глубоко беспокоит двусмысленность заявлений президента Трампа, которые тот сделал в ответ на акт насилия»⁴. Заявление Лукштейна стало важнейшим политическим знаком для администрации Трампа — предупредительным «флажком», указующим на то, что еврейская община не приемлет никаких иных заявлений от президента, кроме как твердо и однозначно осуждающих проявления нацизма.

Таким образом, политическая плоскость, где небезосновательно формировалось негативное общественное мнение, становилась очевидно угрожающей для Трампа и администрации. События в Шарлоттсвилле сделались в США новостью номер один, оттеснив скандальное расследование так называемого «российского следа в президентских выборах», ощутимо угрожая Трампу расколом в стане его политических союзников, в том числе и ближайших, с возможным дальнейшим перерастанием в полноценный репутационный кризис всего его президентства.

¹ *Signer Michael*. The Charlottesville mayor who's now in the national spotlight // CNN. 2017. Aug. 14 (<https://edition.cnn.com/2017/08/14/politics/who-is-michael-signer-charlottesville-mayor/index.html>).

² *Ibid*.

³ *Sherman G*. Ivanka Trump on New Fiancé Jared Kushner: 'He'll Be a Great Father' // Daily Intelligence. 2009. Jul. 17 (http://nymag.com/daily/intelligencer/2009/07/ivanka_trump_on_new_fiance_jar.html); *Estrin D*. Does Israel recognize Ivanka Trump's Jewishness? It does now // PRI. 2017. Feb. 17 (<https://www.pri.org/stories/2017-02-07/does-israel-recognize-ivanka-trumps-jewishness-it-does-now>).

⁴ Rabbi who converted Ivanka pans Trump over rally response // The Times of Israel. 2017. Aug. 17 (<https://www.timesofisrael.com/rabbi-who-converted-ivanka-pans-trump-over-rally-response/>).

¹ Remarks by President Trump on Infrastructure // The White House. 2017. Aug. 15 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-infrastructure>).

² *Jacobs B*. Republicans denounce bigotry after Trump's latest Charlottesville remarks // The Guardian. 2017. Aug. 16 (<https://www.theguardian.com/us-news/2017/aug/15/donald-trump-charlottesville-republicans-react-bigotry>).

³ *McCain John*. There's no moral equivalency between racists // Twitter. 2017. Aug. 16 (<https://twitter.com/SenJohnMcCain>).

⁴ *Bush J*. This is time for moral clarity, not ambivalence // Twitter. 2017. Aug. 16 (<https://twitter.com/JebBush/status/897611241866362880>).

Как «отмыть» имидж президента

Жесткость критики в адрес Трампа вынудила администрацию Белого дома резко активизировать усилия по исправлению имиджа президента. Министерство юстиции максимально активизировало расследование беспорядков. В специальном заявлении Белого дома сообщалось, что Трамп «призвал к национальному единству и объединению всех американцев»¹.

Генерал Герберт Макмастер, на тот момент советник по национальной безопасности президента США, в своих выступлениях в телеэфире популярных телекомпаний лично заверял сограждан в том, что Трамп, безусловно, выступает с критикой «любых видов экстремизма». «Президент был предельно ясен, — отметил генерал в интервью на одном из национальных телеканалов. — Мы не можем терпеть такого рода фанатизм и ненависть. И он (Трамп. — *И.Ш*) призвал всех американцев занять твердую позицию против этого»². Произошедшее в Шарлоттсвилле Макмастер однозначно квалифицировал как «терроризм». «Терроризм — это использование насилия для подстрекательства к террору и страху — и, конечно, это был терроризм», — уточнил он³. «Мы осуждаем фанатизм и ненависть, которую проявили все участники, в том числе белые националисты и неонацисты, — сказал Макмастер. — Я знаю, что президент разделяет наше мнение. Мы дали ясно понять всем американцам, что не намерены мириться с фанатизмом и ненавистью, основой которых стало игнорирование основных принципов, на которых стоит Америка»⁴. Генерал заверил, что президент США «еще вернется к этой теме». Аналогичным образом пози-

цию президента постарался разъяснить и его советник по внутренней безопасности Том Боссерт. Отметая упоминания журналистов о том, что реакция Трампа вызвала «примечательное» одобрение у активистов неонацистского направления, Боссерт посоветовал сосредоточиться на другом в заявлении президента. «Президент не просто призвал людей уважать друг друга, что является его стержнем, фундаментальным, абсолютным минимумом. Он призывал американцев любить друг друга — чтобы все дети Бога любили друг друга», — высокопарно подчеркнул Боссерт¹. Итогом этой стремительной пиар-акции по оправданию позиции президента стало заявление его ближайшего личного советника и дочери — Иванки Трамп: «В обществе не должно быть места расизму, идеям превосходства белой расы и неонацистам», — заявила она в своем Твиттер-аккаунте 13 августа 2017 г.²

Цепь продуманных пиар-мероприятий, предпринятых высокопоставленными представителями администрации Белого дома, заметно «подправила» двоякость позиции Трампа, вытеснив на передний план главный тезис: глава Белого дома решительно осуждает любые формы насилия и фанатизма, а также проявления расизма. Из администрации наконец прозвучали названия группировок, активистов которых власти считают ответственными за вспышку насилия. «Ку-клукс-клан, неонацисты, белые националисты и другие группировки подрывают основные ценности Америки», — сообщил прессе «незванный представитель администрации»³. Таким образом, была подготовлена почва для второго заявления Дональда Трампа.

¹ *Simpson I.* After criticism, White House says Trump condemns KKK, neo-Nazi // Reuters. 2017. Aug. 13 (<https://www.reuters.com/article/us-virginia-protests-idUSKCN1AT09B>).

² 'This Week' Transcript 8-13-17: Lt. Gen. H. R. McMaster, Anthony Scaramucci // ABC News. 2017. Aug. 13 (<https://abcnews.go.com/Politics/week-transcript-13-17-lt-gen-mcmaster-anthony/story?id=49177024>).

³ NSA McMaster on Charlottesville: 'Of course, it was terrorism' // NBC News. 2017. Aug. 13 (<https://www.nbcnews.com/politics/white-house/nsa-mcmaster-charlottesville-course-it-was-terrorism-n792196>).

⁴ Full McMaster Interview: The President doesn't draw Red Line / Meet the Press with Chuck Todd // NBC News. 2017. Aug. 13 (<https://www.nbcnews.com/meet-the-press/video/full-mcmaster-interview-the-president-doesn-t-draw-red-lines-1023593539558>).

¹ *Shepherd T.* Homeland security adviser Tom Bossert defends Trump's reaction to Charlottesville violence // Washington Examiner Magazine. 2017. Aug. 13 (<https://www.washingtonexaminer.com/homeland-security-adviser-tom-bossert-defends-trumps-reaction-to-charlottesville-violence>).

² *Trump Ivanka.* 1:2 There should be no place in society for racism, white supremacy and neo-nazi // Twitter. 2017. Aug. 13 (<https://twitter.com/ivankatrump/status/896705195228381187>).

³ *Merica D.* Trump calls KKK, neo-Nazi, white supremacists 'repugnant' // CNN. 2017. Aug. 14 (<https://edition.cnn.com/2017/08/14/politics/trump-condemns-charlottesville-attackers/index.html>).

Белый дом стал «белее»: националисты в администрации Трампа

Спустя два дня после кровавых событий в Шарлоттсвилле Трамп выступил с новым заявлением. Начав с отчета об экономических успехах пребывания на посту президента (создание «более миллиона рабочих мест», «возвращение доверия к экономике страны»), Трамп обратился к острой теме беспорядков в Виргинии. «Все, кто нарушил закон, будут привлечены к ответственности», — твердо заверил он сограждан¹. «Расизм — зло. Те, кто допустил насилие во имя этого — преступники и убийцы, включая Ку-клукс-клан, неонацистов, белых националистов и членов других радикальных групп, которые подрывают веру во все, что мы считаем основой Америки», — на этот раз ясно и адресно высказался глава Белого дома².

Президент также дал ответ оппонентам, напомиавшим ему о предвыборных обещаниях «восстановить верховенство закона в стране». «Расследование событий в Виргинии, — заверил Трамп, — станет еще одним подтверждением того, что я выполняю свои предвыборные обещания»³. (Примечательно, что за Трампа в Шарлоттсвилле проголосовали порядка 20% избирателей, а подавляющее большинство — 80% — отдали голоса за представителя Демпартии Хиллари Клинтон⁴.)

Усилия администрации и самого президента США с целью приглушить публичные возмущения и протесты после его провального первого заявления по событиям в Шарлоттсвилле предпринимались на фоне устойчивых слухов о том, что в администрации Трампа обострилась борьба между чиновниками — носителями противоположных идей и видения будущего Америки. Все громче зазвучали предположения о том, что аппаратчики из «лагеря» администрации, в котором не только не возбраняются, но активно циркулируют ультраправые взгляды и отрицание главенствующего значения для страны идеи мультикультурализма, возможно, своей деятельностью дают

карт-бланш оживившимся националистам на федеральном уровне. Масла в огонь подливали заявления наподобие того, что сделал организатор акции ультра Джейсон Кесслер, назвавший событие (в Шарлоттсвилле. — *И.Ш.*) «отличным моментом для белых людей, которые до сих пор терпели все это, но больше не намерены это делать»¹. Ультранационалисты, напомним, активно поддерживали Трампа на этапе предвыборной гонки².

Фигура советника Трампа по стратегическим вопросам Стивена Бэннона, ранее возглавлявшего националистический сайт Breitbart News, вызвала самое большое возмущение. Членом той же команды и того же веб-ресурса (работал в качестве редактора по вопросам нацбезопасности) оказался и заместитель помощника президента Себастьян Горка. Оба чиновника считались чрезвычайно влиятельными фигурами в администрации Трампа, обоих называли за глаза «идеологическими ястребами», а журналисты задавались вопросом: как такие люди умудрились пройти проверку? Примечательно, что оба чиновника покинули свои посты в конце августа, вернувшись на работу на ту же онлайн-платформу националистической платформы, и «это не была отставка по собственному желанию», как сообщил прессе представитель Белого дома³.

¹ Kessler Jason. Incredible moment // Twitter. 2017. Aug. 12 (<https://twitter.com/themaddimension/status/896212026514706432>).

² К примеру, Трамп попал под огонь критики после заявления лидера КKK Дэвида Дюка в феврале 2016 г. о том, что «голосование против Трампа в данный момент является реальной изменой нашему историческому наследию». Трамп, в свою очередь, в последовавшем интервью на CNN не проявил ни малейших признаков осуждения ни конкретно этой правоэкстремистской организации, ни других подобных, ни, собственно, их идей. Самое большее, что сделал тогда Трамп — попытался максимально дистанцироваться от Дюка, сообщив, что вообще «не знает, кто такой этот Дюк», что вызвало, соответственно, шквал недоверия и негодования в адрес самого Трампа. См.: Trump under fire for not disavowing KKK leader's implicit endorsement // DW. 2016. Feb. 29 (<https://www.dw.com/en/trump-under-fire-for-not-disavowing-kkk-leaders-implicit-endorsement/a-19082749>); Donald Trump stumbles on David Duke, KKK // CNN. 2017. Feb. 29 (<https://edition.cnn.com/2016/02/28/politics/donald-trump-white-supremacists/index.html>).

³ Gorka, a Trump adviser and Bannon ally, is out: White House // Reuters. 2017. Aug. 26 (<https://www.reuters.com/article/us-usa-trump->

¹ Statement by President Trump // The White House. 2017. Aug. 14 (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-trump>).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ The New York Times. 2017. Aug. 11.

Примечательно, что еще находясь на должностях в Белом доме, оба экс-чиновника имели устойчивую репутацию воинствующих исламофобов. Именно этот крен во время предвыборной гонки Трампа (вспомним его программные заявления относительно исламского терроризма, столь напугавшие американских мусульман и тем самым оттолкнувшие их от этого кандидата) аналитики связывали с самым прямым влиянием Бэннона и Горки.

Третьей фигурой в этом ряду – а возможно, и ключевой – считается старший советник по вопросам политики Стивен Миллер. Именно он по всем признакам как никто другой понимает мировоззрение Дональда Трампа. К тому же амбициозный 31-летний Миллер сегодня позиционирует себя как близкого союзника Иванки Трамп и Джареда Кушнера.

Миллер, проявлявший себя с юного возраста как убежденный противник идеи мультикультурализма и сторонник абсолютной ассимиляции иммигрантов («Одна страна – одна культура» – как говорят, его любимый лозунг со времен учебы в колледже), ныне сыграл важнейшую роль в формировании пакета «запретительного» иммигрантского закона, вызвавшего волну протеста в самой Америке и за ее пределами.

Миллер также является спичрайтером Трампа. В соавторстве с Бэнноном, как предполагают аналитики, Миллер готовил речь президента для инаугурации, получившую впоследствии саркастический лейбл «Американская резня» (*American carnage*)¹. Как широко отмечалось в СМИ, речь Трампа была столь мрачной, что напомнила многим текст одной из песен знаменитого американского рок-музыканта Брюса Спрингстина времен 80-х гг.: «Фабрики, превратившиеся в надгробные памятники, безработица и социальные проблемы, криминальные шайки и кровавая резня на улицах, никаких радужных перспектив...»² Реализацию же оптимистичных перспектив, по

[gorka/gorka-a-trump-adviser-and-bannon-ally-is-out-white-house-idUSKCN1B6016](https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/)).

¹The Inaugural Address / Remarks of President Donald J. Trump – As prepared for delivery inaugural address // The White House. 2017. Jan. 20 (https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address).

²*Simonsen M.* Trumps amerikanske blodbad // *Dagbladet*. 2017. Jan. 20.

замыслу авторов инаугурационного послания, и обеспечит Дональд Трамп, сделал нацию вновь великой.

Миллер готовил и первое выступление Трампа в Конгрессе. Основная идея речи – также заявить о полной решимости намерений Трампа «вернуть Америке былое величие». При этом основательная часть спича посвящалась осуждению и готовности к борьбе с «исламским терроризмом». Именно это определение вызвало волну очередного негодования в рядах американских мусульман, заявлявших, что в подобных обобщениях не просматривается, что Трамп и администрация делают различия между теми, кто исповедует ислам, и террористами – приверженцами этой религии.

«Мы принимаем решительные меры, чтобы защитить нашу страну от радикального исламского терроризма, – заявил в Конгрессе Трамп. – Согласно данным, предоставленным Министерством юстиции, подавляющее большинство лиц, осужденных за терроризм и связанные с терроризмом преступления за период после терактов 11 сентября, приехали в нашу страну из-за границы. Мы были свидетелями терактов, совершенных у нас в стране, – от Бостона до Сан-Бернардино, Пентагона и, конечно же, Всемирного торгового центра. Мы видели теракты во Франции, в Бельгии, в Германии и по всему миру. Допускать бесконтрольный въезд из тех стран, где невозможно провести надлежащую проверку, – это не гуманизм, а безрассудство»¹.

Намереваясь внести ясность в вопрос об иммиграционной реформе, Трамп уточнил: «Те, кто удостоился высокой чести и получил разрешение на въезд в Соединенные Штаты, должны поддерживать эту страну, любить ее народ и ее ценности. Мы не можем позволить, чтобы в Америке возник плацдарм терроризма, и мы не можем позволить, чтобы наша страна стала убежищем для экстремистов. Вот почему моя администрация работает над совершенствованием процедур проверки, и в ближайшее время мы предпримем новые шаги, чтобы обеспечить безопасность нашей страны и не допустить въезд в страну тех, кто будет причинять нам вред»².

¹Trump's Speech to Congress: Video and Transcript // The New York Times. 2017. Feb. 28 (https://www.nytimes.com/2017/02/28/us/politics/trump-congress-video-transcript.html?_r=0).

²Ibid.

Речь, прозвучавшая в Конгрессе, вновь получила заметный негативный отклик в общественном мнении США. И вновь фиксировались крайне пессимистичные отклики со стороны американцев—этнических выходцев с Ближнего Востока. «Исламофобская риторика», «увековечивание оскорблений в адрес мусульман в США и во всем мире», «доминирующая националистическая тональность» — таковы наиболее частые выдержки из их комментариев¹.

Американские мусульмане — угроза США?

Особый интерес в связи с вышесказанным представляет тот факт, что, как показывают статистические данные, поддержка Трампа в США белым населением имеет не только высокий, но и устойчивый уровень². Некоторые аналитики даже оценивают ее как «неестественно высокую» с учетом традиций страны. «Обида белых поставила Дональда Трампа в Белый дом», — комментирует этот факт профессор истории афроамериканского населения в университете Эмори (Атланта) Кэрл Андерсон. «Если и существует одна последовательная нить, проходящая через политическую карьеру господина Трампа, то это его явная связь с обиженными белыми и белым национализмом», — пишет Андерсон³.

Отсюда и произросла иммигрантская реформа Трампа, считает аналитик. «Планы администрации Трампа сократить легальную иммиграцию наполовину и установить языковые приоритеты для новых заявителей не имеют ничего общего с эко-

номикой или вопросами национальной безопасности. Это все делается лишь для того, чтобы вновь сделать Америку “белой”», — излагает Андерсон свои соображения читателям *The New York Times*¹. Эта политика породила волну «расовой тревоги» и «иррационального страха», считает он. «Политика Трампа не направлена на решение проблем белых, но при этом углубляет их обиды. Повестка дня Трампа — создание рабочих мест или защита программ, которые якобы приносят пользу всем, в том числе белым, — это не принципиально. Речь идет о создании мнимых врагов», — предостерегает профессор².

Другой известный американский историк, исламовед, профессор Джорджтаунского университета Джон Эспозито полагает, что представление президента об исламе не как о религии, а скорее — как об опасной политической идеологии — продукт влияния определенных людей из его команды. Комментируя результаты ежегодного соцопроса, проведенного вашингтонским Институтом социальной политики и понимания (ISPU), призванного выявить отношение и политические предпочтения, влияющие на жизнь американских мусульман, Эспозито отметил, что, как показывают цифры, «беспокоиться нужно прежде всего относительно влияния нынешней администрации (Белого дома. — *И.Ш.*) на американское общество в целом. Я не вижу, — подчеркнул религиовед, — что президент Трамп способен отказаться от своих мыслей по поводу ислама»³.

Критическая масса недовольства недостаточно ясной реакцией Трампа на события в Виргинии, острые споры вокруг иммиграционного закона, открытые стычки журналистов и троих вышеназванных представителей администрации на брифингах и пресс-конференциях также по вопросам иммиграции — все это в целом породило ощущение опасной новой американской реальности, в которой происходит возрождение сегрегационных настроений. Закономерно, что такого рода опасения побудили представителей федеральной законодательной власти

¹ Ibid.

² Ibid.

³ *Shimron Y.* Muslims disapprove of country's direction but are proud to call themselves Americans // RNS. 2018. May 1 (<https://religionnews.com/2018/05/01/muslims-disapprove-of-countrys-direction-but-are-proud-to-call-themselves-americans>).

¹ *Hasan M.* Donald Trump's «brain» Stephen Miller is also obsessed with Muslims and Mexicans // NewStatesman. 2017. Aug. 2 (<https://www.newstatesman.com/culture/observations/2017/08/donald-trumps-brain-stephen-miller-also-obsessed-muslims-and-mexicans>).

² По данным американских экзит-полов от 23 ноября 2016 г., 57% белого населения поддерживали Трампа против 37% за Клинтон; наибольшую поддержку Трампу оказывали белые мужчины — 62% в возрасте от 45 до 63 лет (62%), от 65 лет и старше (58%) и от 18 до 29 лет (47%). См.: Exit polls / Election2016 // CNN. 2016. Nov. 23 (<https://edition.cnn.com/election/2016/results/exit-polls>).

³ *Anderson C.* The Policies of White Resentment // The New York Times. 2017. Aug. 5.

к конкретным действиям. Руководители четырех фракций Конгресса (the Congressional Black Caucus (CBC), the Congressional Asian Pacific American Caucus (CAPAC), the Congressional Hispanic Caucus (CHC), the Congressional Progressive Caucus (CPC)), а также конгрессмены Барбара Ли и Дэвид Чичиллине обратились к Трампу с открытым письмом, в котором призвали президента незамедлительно уволить Бэннона, Горки и Миллера из Белого дома. «Американцы заслуживают того, чтобы твердо знать, что белые националисты и расисты не в состоянии повлиять на политику США, — написали они президенту. — Американцы заслуживают лидера, который поведет нас всех вместе и осудит тех, кто пытается оторвать нас друг от друга»¹.

Лидеры фракций заявили, что присутствие людей в администрации Трампа, исповедующих националистические взгляды, — «опасно для страны и всего мира». «Запоздалое осуждение президентом Трампом расистов и их насильственных действий в Шарлоттсвилле, — заявлялось в письме, — не может быть отделено от продолжающихся нападков, исходящих от администрации, по отношению к расовым и религиозным меньшинствам. И это неудивительно, так как в узком кругу, окружающему президента, находятся известные сторонники идей о превосходстве белой расы, включая Стива Бэннона, Стивена Миллера и Себастьяна Горки. Их постоянное присутствие в Белом доме — это не только вызов для общин по всей этой стране, которые подверглись угрозам и нападению яростных протестов в минувшие выходные, но и прямое противоречие тому, что говорит сам президент Трамп, осуждая расистов, неонацистов и ку-клус-клановцев»².

Одновременно с этим развернулось несколько социальных кампаний, имевших целью, в первую очередь, вытеснить Стивена Бэннона из Белого дома — в основном на платформах еврейских групп и организаций (IfNotNow, Jews for Racial and Economic Justice (JFREJ) и Jewish Voice for Peace (JVP) и при-

¹ Quad Caucus Demands Immediate Removal of Steve Bannon, Sebastian Gorka and Stephen Miller from White House // Congressional Asian Pacific American Caucus. 2017. Aug. 15 (<https://capac-chu.house.gov/press-release/quad-caucus-demands-immediate-removal-steve-bannon-sebastian-gorka-and-stephen-miller>).

² Ibid.

мкнувший к ним Muslim-Jewish Anti-Fascist Front (MuJewAntifa). Активисты левой IfNotNow («Когда, если не сейчас») огласили специальное заявление: «Бэннон — белый националист, который сделал политическую карьеру на шельмовании мусульман, иммигрантов, женщин, ЛГБТ-сообщества, а также евреев. В Breitbart Бэннон был рупором антисемитизма, расизма и исламофобских конспирологических теорий. Будучи евреями, мы знаем, что бывает, когда людям с такими взглядами дают власть»¹. IfNotNow запланировала марши протеста по крупным городам США, призывая лидеров еврейских общин «выступить против Бэннона, Трампа и их опасной политики». Кампания активно развернулась в социальных сетях под хэштегом #JewishResistance. По аналогии действовал тег #FireBannon («Прогнать Бэннона»). Таким образом, под мощным давлением общественного мнения, СМИ и одного из трех высших федеральных органов государственной власти — Конгресса Трамп частично уступил, уволив одного из своих главных советников и стратегов.

Американские арабы — мишень белых националистов

Избрание Дональда Трампа президентом США и начальный этап его каденции оказались болезненным испытанием для американских арабов. Для сравнения отметим следующее: в 2012 г. большинство этого в основном этнического сообщества Америки (до 85% — как мусульмане, так и христиане) голосовали за демократа Барака Обаму; в 2016 г. голоса раскололись — по традиции в пользу демократического кандидата проголосовали чуть более половины, но и немало американских арабов опустили свои бюллетени за Трампа. В первую очередь — в знак недовольства ближневосточной политикой Обамы и нежелания поддерживать Клинтон как возможную преемницу этой политической линии. Трамп же проигрывал в их глазах на «израильском направлении», но все же обещал

¹ If Not Now. Stephen Bannon is the real threat to our security // Facebook. 2017. Jan. 30; 2017. Nov. 21 (<https://www.facebook.com/IfNotNowOrg/photos/a.681495828604055.1073741829.678900828863555/1184611788292454/?type=3&theater>).

перемены в политическом поведении США в родственном для них регионе¹.

Иммиграционная реформа с целью «покончить с нелегальной иммиграцией», заявлявшаяся Трампом в ходе предвыборной гонки, вносила напряжение в мусульманский сектор избирателей Америки, особенно в том, что касалось «борьбы с радикальным исламом». Представители мусульманского сообщества небезосновательно опасались всевозможных перегибов в связи с этим, тем более что случаи нападений на американских арабов становились в США все более частыми². По данным авторитетного Pew Research Center, число нападений на мусульман в 2016–2017 гг. возросло настолько критично, что перекрыло статистику подобных преступлений на волне событий 2001 г. И если в 2015 г. число антимусульманских инцидентов выросло на 19% в сравнении с предыдущими годами, по данным, подтвержденным ФБР, то в 2016 г. был отмечен рост в 67%. В 2017-м, по опросу Pew Research, три четверти взрослых мусульман (от 30 до 65 лет) в США (75%) говорили, что все чаще сталкиваются с дискриминацией. И это мнение разделяли семь из десяти опрошенных в этой возрастной категории (69%)³. Кроме того, 50% взрослых американских мусульман отмечали, что в последние годы «быть мусульманином в Америке все труднее», и приблизительно четверть из них (23%) подчеркивали, что причина этого — проявления расизма и выплеск предрассудков⁴.

¹ Шумилина И. В. Выборы-2016: американские арабы между Клинтон и Трампом // Россия в современном мире. 2016. 10 ноября (http://me-journal.ru/analysis_center/64949).

² По данным Совета по американо-исламским отношениям (CAIR), в 2017 г. на 15% выросло число преступлений, направленных против мусульман (что стало вторым годом активного роста подобных инцидентов). См.: U.S. anti-Muslim hate crimes rose 15 percent in 2017: advocacy group // Reuters. 2017. Apr. 23 (<https://www.reuters.com/article/us-usa-islam-hatecrime/u-s-anti-muslim-hate-crimes-rose-15-percent-in-2017-advocacy-group-idUSKBN1HU240>).

³ Kishi K. Assaults against Muslims in U.S. surpass 2001 level // Pew Research Center. 2017. Nov. 26 (<http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/15/assaults-against-muslims-in-u-s-surpass-2001-level>).

⁴ Kishi K. Assaults against Muslims in U.S. surpass 2001 level // Pew Research Center. 2017. Nov. 26 (<http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/15/assaults-against-muslims-in-u-s-surpass-2001-level>).

Напомним, что предложения по иммиграционной реформе Трампа изначально сводились к следующему:

- в целом ограничить иммиграционные квоты;
- осуществить полную проверку выданных иммигрантам виз на предмет их просроченности; депортировать тех, у кого выявлены таковые; создать спецподразделение по депортации;
- ввести проверку на благонадежность иммигрантов на предмет того, разделяют ли они «американские ценности»¹.

Помимо этого — о чем не заявлял Трамп в своих предвыборных речах, но что стало реальностью после его избрания — команда 45-го президента заявила о намерении не только добиться сокращения числа легальных иммигрантов (с 1 млн до 500 тыс. в год), но и прекратить реализацию планов предыдущей администрации по предоставлению «амнистии» определенным категориям нелегальных иммигрантов. Это означало сведение на нет закона, активно продвигавшегося еще командой Барака Обамы (а впервые он был внесен в Конгресс еще в 2001 г.) под названием Dream Act (The Development, Relief and Education for Alien Minors Act). Этот законопроект касался тех иммигрантов, которые были привезены в США в детском возрасте родителями-нелегалами, но выросли в Америке, получили там высшее образование, отслужили в вооруженных силах, но так и не приобрели официальный статус гражданина. Обама обещал устранить это несоответствие и принять закон еще в 2008 г. — во время своей предвыборной кампании, но прохождение закона постоянно тормозилось республиканцами, встречая с их стороны устойчивое сопротивление. Введенное уже Трампом ограничение допуска в страну родственников мигрантов и усложнение процесса получения «грин-карты» поставило под сомнение «американскую идентичность», в первую очередь, по их мнению, мусульманских иммигрантов.

Напомним, что сразу после террористических атак 9/11 арабские иммигранты — особенно мусульмане — часто становились жертвами проявлений расизма и ненависти. Тогда администрация Буша-младшего приложила немало усилий для того, чтобы не дать этой опасной ситуации выйти из-под контроля и перерасти в цивилизационное противостояние.

¹ Речь Трампа в Фениксе, Аризона, 1 сентября 2016 г.

Предлагаемые же Трампом меры расцениваются многими как проявление исламофобии. По последней версии трамповского закона об иммиграции, принятого в марте 2017 г., введены ограничения на въезд в США жителям шести мусульманских стран (Иран, Ирак, Ливия, Сомали, Судан, Сирия и Йемен), а также приостановлен прием беженцев. По сути дела, сегодня Трамп и его администрация внедрила новую концепцию иммиграции, согласно которой вводятся определенные качественные критерии в отношении претендентов, которые, по официальной версии, призваны стать «заслоном от наплыва неквалифицированной рабочей силы». «В то время как президент Линдон Джонсон начал “войну с бедностью”, а президент Ричард Никсон — “войну с наркотиками”, Трамп выступает за “войну с иммигрантами”», — не без горечи констатирует Альваро Уэрта, известный в США эксперт по вопросам общественных отношений и иммиграции¹.

¹ American Political Science Association (APSA) Migration and Citizenship Newsletter. 2017. Summer. Vol. 5. No. 2.

Глава VII

«Исламское государство» пытается взорвать Европу

*Валерий Журавель**

Целый ряд объективных факторов делают Европу особо чувствительной в отношении происходящего в регионах Ближнего Востока и Северной Африки. Географическая близость, историческая причастность/вовлеченность в дела этих двух регионов обусловили развитие того, что можно было бы назвать «обратным трендом» — ситуацией, когда не столько Европа (европейские компании) идет на Ближний Восток (это традиционный тренд), сколько Ближний Восток с его проблемами «вторгается» в Европу. Яркие проявления последнего — растущие мусульманские диаспоры в странах Старого Света; становление ислама (хоть часто и с «европейским акцентом») в качестве второй по распространению и значимости религии на европейском пространстве; нарастание радикальных настроений, которые пытаются использовать в своих целях идеологи и стратеги запрещенной в России группировки «Исламское государство». Сократив свое присутствие на территории Сирии и Ирака, они создают опорные базы в других странах Ближнего Востока и Африки. Но наносить удары они планируют по тем же целям, среди которых Европа остается одной из приоритетных для иГИЛовцев. В первую очередь по причине идеологической: Европа — колыбель евро-атлантической цивилизации, рассматриваемой иГИЛовцами враждебной исламскому фундаментализму. Другие причины также очевидны — географическая близость, нарастающие проблемы в самих мусульманских сообществах Европы и вокруг них, наконец, недостаточная способность к самообороне перед лицом изоциренной тактики ближневосточных террористов.

* Журавель Валерий Петрович, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН.

Терроризм сегодня — наиболее опасное и труднопрогнозируемое явление повсюду в мире. Одна из целей террористов — создавать в обществах обстановку напряженности, страха, подавленности и хаоса¹. При том, что данная напасть потрясает общественно-политическую жизнь всех макрорегионов мира, происходит это с применением различных методов террора и с различной степенью его интенсивности. О глобальном характере этой угрозы свидетельствует тот факт, что только в 2016 г. около 85 стран стали целями террористических атак и испытали на себе их последствия².

Как ИГ активизируется в Европе

В последние годы заметно возросла террористическая угроза на пространстве Евросоюза. Резонансные теракты с многочисленными жертвами последнего времени (в Париже в январе и ноябре 2015 г.; в 2016 г. — в Брюсселе в марте, в Ницце в июле, в Берлине в декабре; в 2017 г. — в Лондоне в марте, июне, сентябре, в Стокгольме в апреле, в Манчестере в мае, в Барселоне и Камбридже в августе) оказались для граждан европейских государств национальной трагедией, мощнейшим психологическим потрясением, которое ввергло многих из них в состояние страха³.

¹ Бутков П.П. Терроризм и проблема безопасности в современном мире / П.П. Бутков, А.И. Зайцев; М-во образования и науки Российской Федерации, С.-Петербург. гос. политехн. ун-т. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 325; Васнецова Е.С. Терроризм на Ближнем Востоке и в государствах Северной Африки / Е.С. Васнецова. М.: Перо, 2018. С. 179; Старцев Г.В. Противодействие финансированию терроризма в системе обеспечения экономической безопасности России / Г.В. Старцев: монография. М.: Изд-во РГАУ—МСХА им. К.А. Тимирязева, 2016. С. 188.

² Интервью помощника Секретаря Совета Безопасности РФ А.А. Павлова к 25-летию Совета Безопасности Российской Федерации. 2017. 11 мая (<http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2212>).

³ Луппов И.Ф. Терроризм XXI века: угрозы и вызовы европейской стабильности / И.Ф. Луппов // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5. С. 64—67; Манойло А.В. Европейский Союз перед угрозой новой волны террористических актов и цветных революций / А.В. Манойло, В.П. Журавель // Вестник Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 3. С. 55—62.

Исходя из анализа техники исполнения упомянутых терактов можно констатировать, что основную угрозу европейской безопасности представляют сегодня члены так называемой террористической группировки «Исламское государство» (сокращенные варианты названий — ИГ, ИГИЛ, ДАИШ)¹. В борьбе с ним мировое сообщество стремится координировать свои усилия, несмотря на имеющиеся разногласия и различные подходы к проблеме борьбы с терроризмом.

Оценка действий террористов, попытки выработать стратегию борьбы с ними на международном уровне, в том числе с ИГ, нашли свое проявление в соответствующих заявлениях Генеральной Ассамблеи ООН, Генерального секретаря ООН, в решениях Совета Безопасности ООН², Контртеррористического Комитета ООН, а на европейском и страновом уровнях — в деятельности международных организаций, руководства государств, парламентов, правоохранительных органов и спецслужб. Все это в конечном итоге, даже при наличии разногласий и разных подходов в борьбе с этим явлением при создании антитеррористической коалиции, было направлено на координацию и объединение действий стран. В докладе ООН подчеркивается, что «становлению ИГИЛ способствовали затяжные конфликты в Ираке и Сирийской Арабской Республике и обусловленная ими политическая нестабильность и отсутствие безопасности, а также ослабление государственных институтов и неспособность государства осуществлять действенный контроль над собственной территорией и границами»³.

¹ По представлению Генеральной прокуратуры РФ решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С «Исламская организация» (другие названия «Исламское государство Ирака и Сирии», «Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство Ирака и Шама») признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Решение Верховного Суда России вступило в силу 13 февраля 2015 г. Она также запрещена в США, Канаде, Великобритании, Австралии, Турции, Египте, ОАЭ, Индии, Индонезии.

² За период с июля 2014 г. по февраль 2016 г. Совет Безопасности ООН опубликовал пять заявлений Председателя и принял 21 резолюцию по вопросам, касающимся ИГ и связанных с ним лиц и организаций.

³ См.: Доклад Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ), и о мас-

По мнению ряда экспертов, возникновение ИГ стало проявлением протеста ряда групп радикально настроенных иракцев против 10-летней военной операции США и их союзников в Ираке, приведшей к многочисленным жертвам среди населения. Кроме того, социально-политические проблемы, необратимые ошибки официального Багдада не позволили многим людям, партиям и общественным движениям вписаться в формировавшуюся систему политических и общественных отношений постсаддамовского Ирака¹. Сегодня ИГ перехватило первенство у «Аль-Каиды» и навязывает себя в качестве объединяющего центра всех террористических группировок, которые действуют в мусульманском мире².

Так, комментируя последствия и причины теракта в Ницце, директор Института Европы РАН член-корр. Алексей Громыко отметил, что «терракты начались после вторжения в Ирак в 2003 году — сначала в Англии, потом в Испании, затем во Франции, в редакции Charlie Hebdo. Затем Бельгия и снова Франция. То есть все говорит о том, что это не случайность, а системное явление. Многие европейские страны участвуют в различного рода военных акциях в Африке и на Ближнем Востоке. Мест-

штабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой. № S/2016/92. 2016. 29 января (https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2016/02/N1602355_RU.pdf).

¹ 2009–2014. Противодействие терроризму. Историко-террорологический справочник: в 2 кн. Кн. 1 / В.П. Баранов, В.П. Журавель; М-во внутр. дел Российской Федерации, Гл. командование внутр. войск МВД России, Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. М.: Ред. журнала «На боевом посту» ВВ МВД России, 2015. С. 8; *Иванов С.М.* Исламское государство как передовой отряд международного терроризма // 70-летие Первой ассамблеи ООН и современные вызовы безопасности / под ред. Ал.А. Громыко. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 53–54.

² *Кузнецов А.А.* «Исламское государство» в контексте политических изменений на Ближнем Востоке / А.А. Кузнецов // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 221–229; *Мирский Г.И.* Феномен ИГИЛ / Г.И. Мирский // Запад–Восток–Россия, 2014: ежегодник // Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 2015. С. 106–111; ИГИЛ как угроза международной безопасности: моногр. / коллектив авт.; под ред. А.В. Глазовой; Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2015. С. 188.

ные сообщества подобные вмешательства считают несправедливыми. Вторая причина состоит в том, что ряд держав по-своему расценивают отряды боевиков, деля их на «умеренных» и «радикалов». Кроме того, обозначившийся в последние годы между Западом и Россией разлад, напоминающий времена холодной войны, создал ситуацию, при которой Европа погружается в противоречия (различные политические группы по-разному видят решения острых и общих для европейцев проблем) и как результат страны Евросоюза не в состоянии сконцентрировать усилия на борьбе с терроризмом. Естественно, что террористические группировки этим пользуются¹.

ООН неоднократно отмечал, что ИГ, наряду с «Боко харам» и «Джебхат ан-Нусра», представляет собой беспрецедентную угрозу для международного мира и безопасности. Наиболее полная характеристика ИГ была дана в «Докладе Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой» от 29 января 2016 г.², который был подготовлен во исполнение резолюции 2253 (2015) Совета Безопасности ООН от 17 декабря 2015 г.

Так, по оценке Европола, в 2015 г., когда обозначился большой всплеск террористической угрозы, было совершено 39 терактов, из них 13 ультралевой направленности, 9 ультраправой направленности и 17 квазирелигиозной направленности³. По информации директора антитеррористического центра при Европоле Мануэля Паньягуа, в 2015 г. в странах Евросоюза террористами было подготовлено в общей сложности 211 не-

¹ *Мохова С.* Терроризм может разрушить демократию // Росбалт Петербург. 2016. 15 июля (<http://www.rosbalt.ru/piter/2016/07/15/1532534.html>).

² См.: Доклад Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой. № S/2016/92. 2016. 29 января (https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2016/02/N1602355_RU.pdf).

³ См.: EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2007–2015. The Hague: Europol, 2007–2016.

удавшихся и осуществленных атак. Наиболее кровавые теракты, а их было 17, совершены так называемыми «джихадистами»¹.

По мнению заместителя секретаря Совета Безопасности РФ В. Назарова и ряда других экспертов, для терактов во Франции, Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, в которых погибли граждане более 30 стран, характерны масштабность и массовые человеческие жертвы; отсутствие конкретных требований террористов, свидетельств об исполнителях и заказчиках терактов; обострение противоречий между различными системами ценностей (западной цивилизации и исламского мира); возрастание роли СМИ и Интернета в информационно-психологическом давлении и манипулировании общественным сознанием². Генеральный прокурор Бельгии Фредерик Ван Лев сообщил агентству «Франс Пресс» 9 ноября 2016 г., что боевики, совершившие теракты в Париже и Брюсселе, получили приказы от верхушки лидеров ИГ³. В целом вышеупомянутые теракты свидетельствуют о переносе боевиками крупномасштабных акций за пределы государств Ближнего Востока. А осуществляются они в большинстве случаев членами ИГ, возвратившимися в свои страны из Ирака, Сирии и других конфликтных зон.

В конце 2016 г. группировка ИГ усилила вербовку в свои ряды несовершеннолетних. Так, она привлекла более 150 иракских подростков из региона Таль-Афар близ Мосула, которые вошли в состав ее отряда «Львята халифата», созданного в начале 2015 г. Там они проходят специальную военную и идеологическую подготовку, основанную на радикальном исламе. Ранее подростки использовались только для передачи на передовые позиции боеприпасов, медикаментов, воды и продовольствия, а также сбора разведанных. В последнее время они непосред-

ственно участвуют в боевых действиях и все чаще становятся смертниками¹.

Надо отметить, что общество в странах Европы активно реагирует на теракты и их последствия. Эти преступные действия стали для граждан европейских государств национальной трагедией, мощнейшим психологическим потрясением, временами повергали их в состояние неуверенности и душевной подавленности. Эти психологические последствия терактов, как правило, умело использовала оппозиция на выборах в органы власти в отдельных странах².

Следует подчеркнуть, что в условиях Западной Европы терроризм вместе с нелегальной миграцией направлен не только на разрушение государственной машины, но и на подрыв гражданского общества с его приверженностью идеалам либерализма, гарантией прав и свобод человека и гражданина, культом толерантности и уважения личности. Многие европейцы не без оснований опасаются, что миграционные потоки мусульман могут привести к постепенной исламизации этих стран, к появлению там ячеек и подпольных террористических групп.

Так, по оценке правоохранительных органов ЕС, на ноябрь 2015 г. в Сирии и Ираке находилось около 750 граждан Франции, не менее 850 британцев, порядка 760 граждан Германии³. По данным Международного центра по борьбе с терроризмом, от 420 до 516 выходцев из Бельгии с 2011 по 2016 г. воевали на стороне исламских боевиков в Сирии и Ираке⁴. По данному показателю Бельгия находится на первом месте среди стран Евросоюза из расчета числа боевиков на душу населения. Зна-

¹ Боевики ИГ завербовали более 150 иракских подростков из района Таль-Афар. ТАСС. 2016. 23 ноября (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3806271>)

² Журавель В.П. Итоги парламентских выборов и влияние терроризма на избирателей Франции // Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы – Elections in France – 2017: Results and Perspectives / [отв. ред. В.Я. Швейцер]. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. С. 45–50.

³ Журавель В.П. Основные направления борьбы с терроризмом в Европе / В.П. Журавель // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 9. С. 10.

⁴ Шишло А. ICCT: в Сирии и Ираке воевали до 500 боевиков из Бельгии. РИА Новости. 2016. 2 апреля (<https://ria.ru/world/20160402/1401335199.html>).

чительная часть этих людей — молодежь, мигранты второго поколения, которые родились в Бельгии в мигрантских семьях, получивших на территории страны убежище или гражданство. По информации главы МВД Бельгии Яна Ямбона, с начала войны в Сирии и до 2014 г., когда впервые была выявлена проблема массовой вербовки экстремистов в мигрантских кварталах Европы, в Бельгии существовала легальная организация ваххабитского толка «Шариат для Бельгии», которая занималась отправкой в Сирию боевиков из этой европейской страны. Позднее некоторые из лидеров этой организации оказались под судом¹.

По многочисленным оценкам правоохранительных органов и экспертов, численность ИГ в 2015–2016 гг. в Сирии и Ираке достигала 35 тыс. боевиков, прибывших из более 50 государств мира. Координатор по борьбе с терроризмом в Нидерландах Дик Схооф сообщил агентству «Ассошиэйтед Пресс», что численность «иностранцев боевиков» из Европы в этой группировке на территории Ирака и Сирии составляла на конец 2016 г. 4–5 тыс. человек².

Так, по информации главы МВД ФРГ Томаса де Мезьера, из числа уехавших из Германии 80% — это мужчины, большинство из которых не достигли возраста 30 лет и выросли в Германии, имеют немецкий паспорт или двойное гражданство³. За каждого завербованного в Бельгии молодого человека для участия в военных действиях на стороне «Исламского государства» террористы платят от одной до девяти тысяч евро за человека. Больше всего платят за завербованных ИГ-специалистов и врачей⁴.

¹ Дубровина В. После разгрома ИГ в Сирии в Европу могут вернуться 3–5 тыс. джихадистов — МВД Бельгии. ТАСС. 2015. 13 ноября (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3779891>).

² Спецслужбы Нидерландов: от 60 до 80 боевиков ИГ находятся в Европе и готовят теракты. ТАСС. 2016. 19 ноября (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3797197>).

³ Тимофеева А. Глава МВД ФРГ: около 760 граждан Германии уехали воевать на стороне ИГ. РИА Новости. 2015. 22 ноября (<https://ria.ru/world/20151122/1326158242.html>).

⁴ Арутюнян А. СМИ Бельгии сообщили, во сколько обходится террористам ИГ вербовка людей в стране. ТАСС. 2015. 21 октября (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2365363>).

Следует подчеркнуть, что механизмы терактов постоянно совершенствуются. Известно, что руководители ИГ и других подобных группировок дают своим членам указание жить нормальной жизнью в европейских странах, а когда, с их точки зрения, возникает необходимость — воспользоваться любыми подручными (режущими) средствами для совершения теракта, а также автомобилями, включая большегрузные. Для подобного рода «индивидуальных» терактов не требуется тщательной подготовки, планирования, логистической поддержки, расходов. Да и потенциальные жертвы ходят по улице рядом. Эта самая простая стратегия оказывается и самой эффективной. С точки зрения террористов, лучшего соотношения вложений и результата не может и быть. Можно предположить, что в основном такой и будет большая часть террористических актов в будущем.

Стремительно сокращается по сравнению с предыдущими годами время процедуры вербовки террористов — главным образом через социальные сети¹. Почва для успеха вербовки «удобряется» такими происходящими в европейских обществах процессами, как обостряющаяся конфронтация по национальному и религиозному признакам, на фоне чего активизируется ультраправый и квазирелигиозный терроризм, а также развиваются ультралевые террористические организации.

Контртерроризм: уроки для Европы

Нарастание террористической угрозы в странах ЕС стало результатом ряда факторов, среди которых — миграционная политика ряда государств, обострение противоречий в международных и межконфессиональных отношениях в странах Старого Света, кризис ценностно-нормативной системы поведения граждан. Принципиально важно и то, что в отличие от прошлых лет значительная часть мусульманских мигрантов и их потомков не проявляют желания интегрироваться в новую для себя среду, но при этом они умело и практически беспрепятственно пользуются основополагающими принципами либеральной демократии: свободой слова, вероисповедания и права на объединение.

¹ EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2016. The Hague: Europol, 2016. P. 5, 10.

Вокруг больших городов возникают нередко анклавные для беженцев и мигрантов, что создает значительные неудобства для коренных жителей и сильно затрудняет борьбу с терроризмом со стороны правоохранителей. В этих поселениях взращиваются сотни исламских радикалов, которые помогают террористам скрываться от правоохранительных органов. Они их снабжают деньгами, оружием, средствами транспорта и связи, затрудняя проведение расследований.

Как показывает анализ террористических актов в Париже и Брюсселе, практически все террористы, которые совершили громкие теракты, ранее попадали в руки правоохранительных органов. Более того, многие из них привлекались по статьям, которые должны были привести к длительному сроку заключения. Однако они оказывались на свободе незадолго до совершения крупных терактов. Эти теракты показали бессилие и беспомощность правоохранительных органов в противодействии террористической угрозе. Та систематичность, с которой спецслужбы упускали из виду опасных экстремистов незадолго до совершения ими терактов, вызывает правомерные подозрения и критические оценки со стороны обычных граждан. Многие европейцы задаются вопросом: провалы правоохранителей — не стали ли они результатом банальной халатности, непрофессионализма и «показушности» в их действиях?

На пресс-конференции в столице Франции министр финансов страны Мишель Сапен сообщил, что организация кровавых терактов 13 ноября 2015 г. в Париже обошлась террористам из группировки «Исламское государство» всего в 30 тыс. евро. Это означает, что террористам не пришлось прибегать к переводам каких-либо крупных денежных средств во время подготовки преступления, отметил он. По данным специальной службы по расследованиям французского Минфина Tracfin, использовались кредитные экспресс-карты, чтобы оплачивать машины и жилье, которые понадобились террористам в течение 48 часов перед терактами. По словам М. Сапена, отслеживание даже маленьких сумм могло бы стать ключевым моментом в борьбе против терроризма, если появится возможность сопоставить данные этих карт с другими элементами следствия¹.

¹ Террористы потратили на атаки в Париже 30 тыс. евро. Рамблер. 2015. 3 декабря (<https://news.rambler.ru/world/32073509-terroristy-potratali-na-ataki-v-parizhe-30-tysyach-evro>).

В настоящее время руководители европейских государств, главы правоохранительных органов, парламентарии, вырабатывая общую стратегию противодействия терроризму, проводят мероприятия по пересмотру организационно-правовой структуры правоохранительной системы с целью реорганизации и совершенствования всей системы антитеррористической деятельности, что включает в себя и ужесточение уголовной ответственности за терроризм и экстремизм. Как справедливо отмечает в этой связи заведующая Отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН О.Ю. Потемкина, сложность такой работы состоит в том, что многие вопросы необходимо будет согласовывать и принимать не только на национальном, но и на наднациональном уровне¹.

Важно отметить, что после кровавых терактов во Франции и Бельгии приоритетом для всех правоохранительных органов стран ЕС стало не только предотвращение террористических атак, но и выявление причин и условий, порождающих эти преступления. Так, в ходе встречи 25 февраля 2016 г. в Брюсселе министры внутренних дел и юстиции приняли предложенные Еврокомиссией в середине декабря 2015 г. поправки к Шенгенскому кодексу о границах, позволяющие установить систематический и обязательный контроль за гражданами ЕС, пересекающими границу, посредством поиска информации о них в европейских (Шенгенская информационная система) и международных (система Интерпола) полицейских базах данных. До этого подобным способом осуществлялся контроль лишь за гражданами стран, не входящих в ЕС.

Серьезной проблемой для Евросоюза становится возвращение в свои страны боевиков-террористов, воевавших в Ираке, Сирии и в других конфликтных точках Ближнего Востока. Благодаря им у ИГ появляется возможность обеспечить свое присутствие в государствах их происхождения и использовать их навыки и боевой опыт для привлечения новых сторонников, создания террористических сетей и совершения террористических актов. В связи с этим 11 марта 2016 г. Совет Евросоюза достиг политического согласия по новой антитеррористической

¹ Потемкина О.Ю. Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ Европейского союза. 2016. 20 апреля (www.instituteofeurope.ru/publications/analytics).

директиве, которая была разработана Еврокомиссией после терактов в Париже в ноябре 2015 г. Ее цель — усилить законодательство ЕС в сфере противодействия терроризму, в частности, посредством включения положений о феномене «иностранных боевиков». Следуя рекомендациям ООН, Комиссия предлагает перевести в разряд криминальных такие действия своих граждан, как их поездки в лагеря подготовки террористов, оказание ими финансовой и логистической поддержки таким поездкам, а также любое содействие вступлению в террористические организации.

Так, по информации газеты «Мейл он санди» от 22 ноября 2015 г., Скотленд-Ярд установил наблюдение за почти 400 жителями Лондона, которые подозреваются в связях с международной террористической группировкой ИГ. За 2014 г., по данным МВД Великобритании, в этой стране по подозрению в террористической деятельности было задержано 299 человек, в 2015 г. — 315 человек. Однако осуждены из этой категории были только 39%, а остальные либо отпущены под залог (22%), либо освобождены без предъявления обвинений (37%). При этом женщин среди подозреваемых в терроризме стало больше на 50%, а число несовершеннолетних выросло с 8 до 15%¹.

7 декабря 2015 г. агентство «Бельга» сообщило, что бельгийские правоохранительные органы объявили в международный розыск 160 подданных королевства, которые были ранее осуждены или подозреваются в террористической деятельности, а также порядка 130 боевиков, прошедших через боевые действия в Сирии. Примечательно, что 85 человек из них родились или постоянно проживают в брюссельской коммуне Молленбек, населенной преимущественно выходцами из Северной Африки².

Во многих европейских городах заметно усилены меры безопасности. Так, в связи с террористической угрозой в немецком Ганновере 22 ноября 2015 г. менее чем за два часа до начала был отменен футбольный матч Германия—Нидерланды. На игре

¹ Баранов В.П. 2015. Противодействие терроризму: историко-террорологический справочник / В.П. Баранов, В.П. Журавель // ФСВНГ РФ, Ин-т Европы Российской акад. наук. М.: На боевом посту, 2016. С. 403, 427.

² Там же. С. 423.

планировалось присутствие канцлера ФРГ Ангелы Меркель и других членов кабинета министров. В итоге стадион был эвакуирован, в городе прошли массовые проверки¹.

Понятно, что на этом фоне в центре внимания правоохранителей остается и проблема оборота огнестрельного оружия и фальшивых документов. По данным Европола, в странах ЕС циркулирует большое количество оружия, поступающего главным образом из стран западнобалканской группы (Сербия, Черногория, Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония и Косово), а также из Ливии и Украины. Кроме того, тысячи бланков паспортов находятся в распоряжении ИГ, которое смогло поставить на поток изготовление фальшивых документов.

В целях противодействия нелегальной миграции и терроризму Еврокомиссия также активно продвигает идею совершенствования созданного осенью 2016 г. Европейского агентства охраны морских и сухопутных границ. Эта структура сформирована на основе действующего агентства ФРОНТЕКС и национальных пограничных служб, которые по-прежнему будут нести ответственность за охрану своего участка границы.

В ряде европейских стран все громче звучат призывы прокорректировать законодательные акты антитеррористической направленности в части, касающейся работы средств массовой информации. Одним из толчков к этому стал громкий теракт в январе 2015 г. в помещении редакции сатирического журнала «Шарли Эбдо» в Париже, который опубликовал карикатуры на пророка Мухаммеда, а в блоге Твиттера — и на лидера ИГ Абу Бакра аль-Багдади.

В контексте активизации ИГИЛ в странах Западной Европы возрастает необходимость не только совершенствовать механизмы, формы и методы противодействия религиозному радикализму, тактике действий и идеологии террористов и экстремистов²,

¹ Тимофеева А. СМИ: силовикам известны имена боевиков, готовивших теракты в Ганновере. РИА Новости. 2015. 22 ноября (<https://ria.ru/world/20151122/1326183379.html>).

² Волеводз А.Г. Международно-правовые основы противодействия боевикам-террористам и внутригосударственное право / А.Г. Волеводз // Московский журнал международного права. 2017. № 1. С. 98—109.

но и воспитания у граждан сознания, которое исключало бы любую поддержку террористам¹, а у мусульман — ценностей этноконфессиональной толерантности. В этих целях в ноябре 2015 г. Европейский парламент на своей пленарной сессии в Страсбурге одобрил доклад «О предотвращении радикализации и вербовки граждан Евросоюза террористическими организациями». В документе содержится обширный список предлагаемых мер — усиление охраны границ, расширение обмена данными между разведслужбами европейских стран, в частности сведениями об авиапассажирах, согласование программ и политик стран по предотвращению терроризма и радикализации населения, усиление борьбы с нелегальной перевозкой и торговлей оружием, борьбы с исламским радикализмом, антисемитизмом и расизмом.

Евросоюз путем тщательного сбора отпечатков пальцев пытается бороться с возможным проникновением в Европу террористов вместе с потоком беженцев, усиливает проверку документов². Усиливается диалог с общинами разных культур, проживающих в ЕС. Стала чаще применяться депортация, усилилась работа по борьбе с финансированием терроризма. Так, возвращающиеся из Сирии граждане находятся на контроле у полиции по месту жительства, по ним возбуждаются уголовные дела, а принимавшие участие в боевых действиях привлекаются — при наличии доказательств — к уголовной ответственности. Кстати, и в тюрьмах они все чаще содержатся отдельно от других заключенных.

Федеральный прокурор Бельгии Фредерик Ван Лев сообщил, что в 2015 г. прокуратура страны открыла 315 дел о терроризме, а к марту 2016 г. еще возбудила 60 дел³. Всего в 2015 г. за причастность к террористическим организациям в стране

¹ *Иванцов С.В.* Пособничество в террористическом акте как форма содействия террористической деятельности / С.В. Иванцов // *Безопасность бизнеса*. 2017. № 2. С. 51–55.

² *Войтенко Ю.* Биометрические документы: борьба с международным терроризмом или контроль за личностью? / Ю. Войтенко // *Международная жизнь*. 2016. № 8. С. 42–52.

³ *Добровольский В.* Прокуратура Бельгии в 2016 г. открыла 60 новых дел о терроризме. РИА Новости. 2016. 22 ноября (<https://ria.ru/world/20160321/1394105732.html>).

были привлечены к судебной ответственности 120 человек. И только четверым из их числа были вынесены оправдательные приговоры¹.

Заместитель главы столичной полиции Лондона, руководитель контртеррористического направления деятельности Скотленд-Ярда Марк Роули сообщил, что британские правоохранительные органы за 2015 г. предотвратили семь терактов². За 12 месяцев было произведено 299 связанных с терроризмом арестов, при этом число 18–20-летних задержанных выросло вдвое по сравнению с прошлым годом³.

В свою очередь Хольгер Мюнх, руководитель Федерального ведомства по уголовным делам ФРГ, сообщил, что в центре внимания спецслужб ФРГ на начало 2016 г. находилось 444 исламиста, из которых 212 человек находились в Германии (65 из этого числа отбывали тюремное заключение). Он уточнил, что почти все они мужчины. Примечательно, что 18% из них — коренные жители Германии, родившиеся в христианских семьях, но позднее сменившие вероисповедание⁴. По словам Х. Мюнха, за последние годы (с 2001 г.) правоохранительным органам удалось предотвратить 11 террористических актов на территории Германии⁵.

Глава МВД Франции Бернар Казнёв, выступая в эфире радиостанции RTL, сообщил, что начиная с 2013 г. правоохранительные органы страны обезвредили 18 вербовочных сетей по всей территории страны, провели аресты 11 групп, участники

¹ *Шишло А.* Бельгия лидирует среди стран ЕС по числу осужденных за терроризм. Europol. РИА Новости. 2016. 21 июля (<https://ria.ru/world/20160721/1472477184.html>).

² *Табак М.* В Британии за год предотвращено семь терактов — Скотленд-Ярд // РИА Новости. 2016. 19 февраля (<https://ria.ru/world/20160219/1377357634.html>).

³ В Британии за год задержано рекордное число подозреваемых в терроризме. РИА Новости. 2015. 10 сентября (<https://ria.ru/world/20150910/1241706934.html>).

⁴ *Долгунов А.* ФРГ ведет наблюдение за четырьмя сотнями исламистов — глава уголовной полиции. ТАСС. 2016. 17 января (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2592912>).

⁵ *Филиппов В.* В ФРГ за последние 15 лет предотвратили 11 терактов. ТАСС. 2016. 29 марта (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3160815>).

которых готовились к совершению терактов¹, в 2015 г. силы безопасности страны предотвратили 11 террористических нападений, с начала 2016 г. 311 человек были временно задержаны, 150 отданы под суд, 43 переданы под судебный надзор². Прокурор Парижа Франсуа Моленс уточнил в марте 2016 г. в ходе пресс-конференции в Брюсселе, что на тот момент во Франции проводилось 224 расследования по случаям проявления терроризма, фигурантами которых числились 772 человека. Все они либо находились под следствием и под домашним арестом, либо были объявлены в розыск³.

Особое внимание сотрудники спецслужб стран ЕС обращают на обмен информацией о подозреваемых в терроризме, на создание единых баз данных по антитеррористической деятельности, на разработку совместных антитеррористических методик, на создание условий по формированию соответствующих организационных структур по предупреждению и борьбе с терроризмом. Так, в феврале 2016 г. Европол создал Центр по борьбе с незаконной перевозкой мигрантов, в задачу которого входило оказание поддержки странам Евросоюза в борьбе с криминальными группировками, участвующими в незаконном перемещении людей.

Контртерроризм в режиме онлайн

Несмотря на формально ограниченные полномочия таких структур, как Европол, Евроюст, Интсен и Координатор ЕС по борьбе с терроризмом в оперативной сфере, все они имеют широкие возможности в области коммуникации. Несомненным достижением коммуникационного обеспечения антитеррори-

стической деятельности ЕС на уровне общеевропейских органов стало сочетание важных практических инструментов стратегической коммуникации. К таковым известный эксперт в данной области Д. Базаркина, в частности, относит следующие: 1) сбор и систематизация информации; 2) аналитические работы; 3) многоканальные коммуникации с профильными ведомствами как государств-членов, так и третьих стран; 4) коммуникации с широкой общественностью, направленные на поддержание репутации антитеррористических ведомств¹. Главное сейчас — добиться их реализации в практической деятельности.

Значительное внимание уделяют правоохранительные структуры противодействию террористам в сфере Интернета². Средства коммуникации в целом становятся важнейшим инструментом в руках террористов для распространения призывов к осуществлению их преступной деятельности, демонстрации боевого потенциала, для пропаганды идей, для дезинформирования населения, а также для вербовки в свои ряды новых боевиков, особенно из числа молодежи. Интернет же становится наиболее пригодным инструментом для распространения информации о совершенных терактах, для прославления террористов-шахидов, для сеяния паники среди граждан той или иной страны. Подчеркнем, что одной из задач стратегов терроризма остается подрыв доверия граждан к их правительствам. С этими целями террористические группировки создают и обновляют свои многочисленные веб-сайты, используют возможности радио и телевидения.

¹ Базаркина Д.Ю. Роль коммуникационного обеспечения в антитеррористической деятельности Европейского Союза: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Д.Ю. Базаркина. М., 2017. С. 6–7.

² Бураева Л.А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве / Л.А. Бураева // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 131–134; Гусейнов А.А. Борьба с идеологией терроризма в сети Интернет: социальные сети / А.А. Гусейнов // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2. С. 345–347; Журавель В.П. Противодействие угрозе кибертерроризма / В.П. Журавель // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 5. С. 12–15; Куватов В.И. Противодействие террористическим и экстремистским организациям в сети Интернет / В.И. Куватов, А.И. Примакин, Д.И. Якушев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1. С. 91–94.

¹ Баранов В.П. 2016. Противодействие терроризму / В.П. Баранов, В.П. Журавель // ФСВНГ РФ, Ин-т Европы Российской акад. наук. М.: На боевом посту, 2018. С. 24.

² С начала года во Франции задержаны 15 подозреваемых в терроризме — глава МВД. ТАСС. 2016. 25 января (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2613468>).

³ Баранов В.П. 2016. Противодействие терроризму / В.П. Баранов, В.П. Журавель // ФСВНГ РФ, Ин-т Европы Российской акад. наук. М.: На боевом посту, 2018. С. 90.

Как показывает анализ, террористы через Интернет могут беспрепятственно осуществлять обмен информацией со своими единомышленниками, в том числе используя последних «втемную», т.е. когда те не в состоянии узнать, к чему в конечном счете приводят их действия. Многочисленные чаты и форумы идеально приспособлены для передачи зашифрованных посланий, а современные технологии позволяют легко и скрытно распространять в сети карты, фотографии, инструкции, схемы, пароли.

В этой связи руководство Европола в Гааге в 2017 г. развернуло интенсивную информационную кампанию с целью помешать террористам вербовать сторонников. Для выявления сайтов террористической направленности специальный отдел этой организации организовал 11 января 2017 г. встречу с коллегами из аналогичных подразделений Бельгии, Франции и Великобритании. Эксперты обсуждали возможности и методы быстрого удаления с платформ Facebook и Instagram текстов, содержащих пропаганду терроризма, экстремизма и насилия. 28 февраля 2017 г. Еврокомиссия представила рекомендации по противодействию размещению противозаконного контента на интернет-сайтах. Комиссия призывает незамедлительно реагировать на появление соответствующих материалов на сайтах, в том числе посредством применения специальных технологий для распознавания и уничтожения текстов, а также для предотвращения их скачивания. Примечательно, что, в частности, интернет-компаниям рекомендуется в течение одного часа удалять противозаконный контент после вынесения правоохранительными органами и Европоллом соответствующего предупреждения. Действовавший до того Кодекс поведения цифровых компаний предписывал им реагировать на предупреждения компетентных органов в течение 24 часов. Комиссия также требует, чтобы интернет-платформы четко указывали в своих условиях оказания услуг недопустимость попыток размещения текстов, содержащих пропаганду терроризма¹.

¹ Потемкина О.Ю. Усовершенствование информационных систем в контексте противодействия терроризму // Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 91: январь-февраль 2018 г. (электронное издание). С. 39–40.

В контексте усиления мер по борьбе с терроризмом с октября 2015 г. правительство Великобритании предоставило дополнительные возможности для аннулирования паспортов подростков, чтобы предотвратить их присоединение к террористическим группировкам. Оно внесло в парламент проект закона, обязывающий коммуникационные компании хранить в течение 12 месяцев данные о телефонных контактах и интернет-активности своих клиентов. На цели противодействия террористам в Интернете закон предписывал выделять дополнительное финансирование контрразведке МИ-5, внешней разведке МИ-6 и электронной разведке, а также штабу правительственной связи.

С целью укрепления Службы безопасности и контрразведки, а также Национальной полиции правительство Дании предложило на одобрение парламенту пакет антитеррористических мер, включающий 12 конкретных инициатив, осуществление которых обойдется почти в 1 млрд крон (более 150 млн долл.). В том числе выделены средства и на охрану датского карикатуриста Курта Вестергора¹.

В Болгарии глава МВД Румяна Бычварова представила новую стратегию, направленную на борьбу с радикализацией и терроризмом, разработанную после терактов в Париже. Ее выполнение рассчитано на период с 2015 по 2020 г. Важным элементом программы призвано стать внедрение видеонаблюдения определенных объектов на всей территории². С 2017 г. в Болгарии действует центр по подготовке госслужащих, участвующих в программах борьбы с терроризмом. Министерство туризма должно будет создать единую базу регистрации въезжающих в страну лиц с информацией о сроках и местах их пребывания.

После январского 2015 г. теракта власти Парижа запретили съемки на открытом воздухе на улицах города сцен фильмов-боевиков, в которых участвуют актеры в форме полицейских, ар-

¹ Морозов Н. После терактов в Копенгагене кабмин Дании предложил пакет антитеррористических мер на 150 млн долл. ТАСС. 2015. 19 февраля (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1779375>).

² Журавель В.П. Основные направления борьбы с терроризмом в Европе / В.П. Журавель // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 9. С. 13.

мии или служб безопасности. Запрет вызван опасениями, что актеров в форме могут принять за настоящих стражей порядка и тогда они могут стать мишенями для террористов. Также они могут ввести в заблуждение обычных жителей города¹.

В условиях нарастания террористической угрозы правительства крупнейших государств Европы принимают меры по дальнейшему объединению усилий с партнерами в других странах с целью поддержания регулярного обмена опытом противодействия терроризму и экстремизму. Одновременно в фокусе внимания европейских правительств постоянно присутствуют вопросы реформы сферы занятости, сокращения безработицы, особенно среди молодежи.

Правительства европейских стран взяли на себя обязательство не только информировать население о степени террористической угрозы и необходимых мерах противодействия, но и активно привлекать их к разработке антитеррористических мер, используя при этом передовой опыт других стран, особенно России, США, Израиля, Испании и других государств². Следует отметить, что зачастую решение задач борьбы с терроризмом находится в коллизии с укоренившимися в западных странах установками гражданского общества, деятельностью правозащитных организаций. В этих условиях многие неправ-

вительственные организации ЕС пытаются выступать в роли связующего звена между властями национальных государств Европы, международными неправительственными и региональными организациями, различными международными структурами антитеррористической направленности.

Заметно также, что при подготовке и принятии законодательных актов в национальных парламентах депутаты начали уделять повышенное внимание их соотношению с проблематикой борьбы с терроризмом. Особенно явственно это проявляется применительно к планированию, подготовке и проведению крупных политических, спортивных и культурно-развлекательных и других массовых мероприятий.

Многие эксперты в странах Евросоюза убеждены, что на фоне возрастания угрозы терроризма необходимо смещать центр тяжести в уравнении между свободой и безопасностью в сторону обеспечения безопасности. В этом плане проблема, однако, в том, что даже в нынешних условиях общественное мнение в этих странах не готово поступиться правами и свободами. Многие законодательные и практические инициативы Комиссии в данном направлении вызывают резкую критику Европарламента, экспертов и правозащитников. А это ограничивает способность Евросоюза быстро реагировать на повышение угрозы безопасности.

В современных условиях политические и экспертные сообщества европейских стран пытаются предлагать новые концептуальные подходы, модели и элементы национальной и международной стратегий борьбы с терроризмом. В этом им, однако, препятствуют двойные стандарты в определении тех или иных группировок как террористических. Явно не работает на решение общих задач борьбы с терроризмом и ухудшение отношений стран Евросоюза с Россией. Намечившаяся эскалация противостояния между странами Евросоюза и Российской Федерацией по ряду проблем отвлекает внимание политических элит в этих странах от насущной задачи совместного противодействия исламистскому терроризму и всем видам экстремизма.

¹ Власти Парижа после терактов запретили съемки фильмов-боевиков на улицах города. РИА Новости. 2015. 5 февраля (<https://ria.ru/culture/20150205/1046166934.html>).

² Михайленко А.Н. Россия в противодействии международному терроризму: разрешение проблемы / А.Н. Михайленко // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1. С. 207–216; Цитович Я.В. Роль правоохранительных органов и спецслужб в механизме современного государства: [опыт Израиля] / Я.В. Цитович // Гражданин и право. 2017. № 2. С. 86–94; Михайлин И.В. Борьба России и Испании против терроризма: сравнительный анализ / И.В. Михайлин // Власть. 2016. № 9. С. 215–222; Урамян А.А. Роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом / А.А. Урамян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 43–51; Чернядьева Н.А. Американская региональная (ОАГ) и национальная (США) модели борьбы с международным терроризмом / Н.А. Чернядьева // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 1. С. 26–29; Шумилина И.В. Вашингтон корректирует стратегию борьбы с пропагандой терроризма / И.В. Шумилина // США. Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 10. С. 26–40.

Заключение

На пути к деконфликтации: возможные сценарии

Александр Шумилин

В период президентства Барака Обамы (2008–2016 гг.) трудно было себе представить, что ближневосточные проблемы и вызовы могут оказаться «яблоком раздора» между основными партнерами по Евро-Атлантическому альянсу – США и Евросоюзом. Это, однако, стало реальностью уже на втором году президентства Дональда Трампа: главным толчком для усиления расхождений послужил анонсированный Белым домом 8 мая 2018 г. выход США из международного соглашения по ядерной программе Ирана (СВПД). После ряда жестких заявлений лидеров Евросоюза, призванных обозначить несогласие и даже протест против подрыва Вашингтоном, казалось бы, выстроившейся за предшествовавшие два года системы взаимоотношений с Ираном, руководство ЕС приступило к практическим шагам. 6 июня Еврокомиссия запустила процедуру согласования между членами ЕС введения в действие законодательства (Blocking Statute – «Блокирующий регламент»), отменяющего на территории ЕС действие экстерриториальных санкций США в отношении Ирана. Поскольку на протяжении двух последовавших месяцев ни одно из государств-членов не высказало возражений, то 7 августа 2018 г. этот законодательный акт вступил в силу, освобождая коммерческие компании от необходимости подчиняться на пространстве Евросоюза юридическим нормам, исходящим от каких-либо третьих стран.

Вторым шагом ЕС в этом направлении стала работа над созданием специального финансового механизма с целью обеспечить расчетные операции с Ираном в обход американских санкций («special purpose vehicle» (SPV)). Заявление по этому поводу сделала Федерика Могерини, верховный представитель

Евросоюза по вопросам внешней политики и политики безопасности, после ее встречи 25 сентября 2018 г. с представителями Великобритании, Франции, Германии, России, Китая и Ирана¹. Напомним, что эти страны на тот момент придерживались мнения, что Тегеран выполняет условия «ядерной сделки», а потому он не должен подвергаться наказанию. А новый механизм призван «вселить уверенность в субъектов хозяйственной деятельности продолжать законную активность с партнерами в Иране»².

В тот же день, 25 сентября, окружение Трампа весьма резко отреагировало на заявление Могерини: Джон Болтон, советник президента США по национальной безопасности, подчеркнул, что США не позволят другим государствам, в том числе странам ЕС, обходить американские санкции против Ирана. По его словам, Вашингтон будет «агрессивным и непоколебимым» в обеспечении соблюдения экономических санкций против Тегерана и «не позволит другим странам их подорвать»³. При этом Болтон добавил следующее: «Европейский союз силен в риторике и слаб в реализации подобных планов. Мы будем внимательно отслеживать процесс становления данного механизма, которого пока нет, да и не обозначен временной рубез его запуска. Мы не намерены разрешать Европе или кому-либо еще уклоняться от наших санкций»⁴. По словам советника Трампа по национальной безопасности, платежная система SWIFT «должна внимательно следить» за осуществляемыми с ее помощью сделками с Ираном⁵.

Такого рода пока еще риторическая схватка – явление крайне редкое для союзников по Евро-Атлантике. Справедливо, на наш взгляд, определение происходящего как «трещины в Евроатлантическом альянсе». Неудивительно, что Иран прибегает

¹ Europe, Russia and China join forces with a new mechanism to dodge Iran sanctions / CNBC. 2018. Sept. 25 (<https://www.cnbc.com/2018/09/25/eu-russia-and-china-join-forces-to-dodge-iran-sanctions.html>).

² Ibid.

³ Bolton says U.S. will be aggressive, unwavering on Iran sanctions // Reuters. 2018. Sept. 25 (<https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-bolton-sanctions/bolton-says-u-s-will-be-aggressive-unwavering-on-iran-sanctions-idUSKCN1M52V7>).

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

к максимально широкому набору аргументов, с тем чтобы углубить наметившийся раскол между Вашингтоном и Брюсселем. В основном они направлены на убеждение европейцев не проявлять слабину перед лицом «американской агрессии», продолжать наладившуюся с 2016 г. торговлю с Тегераном, покупать иранские энергоносители, постепенно ликвидируя все остающиеся пока в силе (из введенных до 2015 г.) ограничительные меры. При этом Тегеран не стесняется пускать в ход угрозы в отношении Евросоюза, требуя от европейцев компенсировать ущерб, наносимый действиями администрации Трампа по разрушению «ядерной сделки» — особенно в сфере торговли нефтью. Глава иранского МИД говорит о возможности его страны как вернуться к более высокому уровню обогащения урана, оставаясь формально в СВПД, так и полностью покинуть соглашение¹. Но и это, похоже, не исчерпывает арсенала иранских угроз — в запасе еще остаются меры военного характера: расширить программу создания баллистических ракет и... блокировать Ормузский пролив (главную нефтяную артерию в Персидском заливе, через которую поставляется порядка 20% всего мирового экспорта «черного золота»²). Такого рода угрозы, в свою очередь, вызывают резкую и решительную реакцию со стороны США, что делает применение ими военной силы практически неизбежным, считают многие эксперты в странах Евро-Атлантики³.

Иными словами, вот она, точка весьма вероятного взрыва в виде боестолкновений ВМФ США и Ирана, которые вполне

¹Iran presses European Union on measures to salvage nuclear deal / New York Post. 2018. May 25 (<https://nypost.com/2018/05/25/iran-presses-european-union-on-measures-to-salvage-nuclear-deal>).

²Iran threatens to block Strait of Hormuz / Gulf News. 2018. Sept. 30 (<https://gulfnews.com/news/mena/iran/iran-threatens-to-block-strait-of-hormuz-1.2246857>).

³Zakaria T. Closing Strait of Hormuz not so easy for Iran: analysts / Reuters. 2011. Dec. 29 (<https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-hormuz/closing-strait-of-hormuz-not-so-easy-for-iran-analysts-idUSTRE7BR1DG20111228>); Elias P. Iran's Posturing on the Strait of Hormuz / The Washington Institute for Near East Policy / Fikra Forum. 2018. Jul. 20 (<https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/iran-posturing-on-the-strait-of-hormuz>); Is Iran serious about closing the Strait of Hormuz? / MEMO. 2018. Jul. 10 (<https://www.middleeastmonitor.com/20180710-is-iran-serious-about-closing-the-strait-of-hormuz>).

могут спровоцировать самую широкую цепную реакцию: от подключения к боевым действиям арабских монархий Персидского залива, обмена ракетными ударами между Ираном и монархиями до новой волны воздействия на Иран и его союзников военными средствами в таких зонах конфликтов, как Сирия или Йемен. В Сирии против Ирана и «Хезболлы» наверняка активизируется Израиль, который, не исключено, попытается нарастить нынешнюю (с 2015 г.) интенсивность ракетных ударов по враждебным ему целям. При этом отнюдь нельзя исключать, что Израиль (и не только он) может воспользоваться этим «фейерверком» в Заливе и Сирии, чтобы нанести удар по ядерным объектам на территории Ирана. Напомним, что военная опция решения ядерной проблемы Ирана постоянно анонсируется руководством Израиля.

«Фактор Ирана» (его политики в регионе) может стать триггером военных действий не только в силу «лобового столкновения» иранских кораблей с американскими в зоне Ормузского пролива. Этот фактор может работать опосредованно, как это происходит на территории Сирии, где присутствие подразделений собственно иранского КСИР, по оценкам экспертов, достаточно ограничено, но оно с лихвой «компенсируется» присутствием и активными действиями иранских прокси — «Хезболлы» и шиитской милиции, которые военное и политическое руководство Израиля рассматривает как непосредственную угрозу. Удары израильских ВВС по иранским объектам, вызывающие ответ сирийских ПВО, провоцируют боевые ситуации с не всегда предсказуемыми последствиями, как это произошло с непреднамеренным сбитием 17 сентября 2018 г. сирийцами с помощью российской системы С-200 нашего самолета-разведчика Ил-20. Тогда погибли 15 российских военнослужащих. Нельзя исключать, что подобные инциденты (сбитие самолетов — преднамеренно или нет) могут получить продолжение в виде ответных ударов, что наверняка повлечет за собой задействование армады натовских кораблей и самолетов в Восточном Средиземноморье. Впрочем, такого рода сценарии можно избежать с высокой долей вероятности, если между российской группировкой в Сирии и центрами управления ВС США и НАТО в регионе как минимум сохранится действующий уровень коммуникации, а временами и координации (в нанесении ударов по остаткам террористических группировок

типа «Исламское государство»). Лучше, разумеется, если этот уровень будет повышаться.

Третий сценарий возможной масштабной военной вспышки в регионе, как и второй, связан с обещанными Трампом и поддержанными лидерами стран Евросоюза ракетными ударами по объектам ВС Сирии в случае вероятного применения армией Башара Асада химического оружия против повстанцев, главным образом в провинции Идлиб. Осенью 2018 г. Москве и Анкаре удалось достичь компромисса, который был призван исключить намеченную и подготовленную к тому времени совместную военную операцию проасадовского альянса (Дамаска—Тегерана—Москвы) против террористических группировок, контролировавших часть территории этой провинции. Как раз в ходе этой — несостоявшейся или отложенной — операции и ожидалось применение войсками Башара Асада (по американской версии) или провоцирование применения со стороны оппозиционных Дамаску групп (по российской версии) химического оружия в основном против мирных граждан. Если от проводившихся только Соединенными Штатами (в апреле 2017 г.) или совместно с европейскими союзниками (в апреле 2018 г.) ограниченных ракетных ударов по объектам сирийской армии российские военные не пострадали, то никто не может гарантировать, что в случае обещанных Пентагоном расширенных ударов возмездия среди их жертв или пострадавших не окажутся россияне. В этом случае, вполне вероятно, с российской стороны может последовать какой-то ответ — реальный или демонстрационный. Скорее всего, логично предположить, что Минобороны РФ заранее определило возможные объекты для каждого из упомянутых типов ударов. Надо полагать, с целью соблюсти симметрию взаимных (со странами Запада) ударов, но предотвратить их дальнейшую эскалацию.

В целом же военно-политическая обстановка в этой части ближневосточного региона (Персидский залив—Сирия—Ирак) сохранит тенденцию к эскалации в силу прежде всего во многом противоположных интересов вовлеченных в сирийский расклад внешних акторов. Заметим, что число нерегиональных крупных держав, прямо или косвенно вовлеченных в затянувшийся сирийский конфликт, с ходом времени не сокращается, а, наоборот, возрастает: так, осенью 2018 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель прилагала немалые усилия с целью преодолеть со-

противление оппозиции в Бундестаге по вопросу возможного развертывания германских подразделений на территории Сирии¹, а Урсула фон дер Ляйен, министр обороны Германии, подтвердила готовность своей страны рассмотреть вопрос о создании первой постоянной базы немецких войск на Ближнем Востоке². Об этом она заявила в середине сентября 2018 г., находясь с рабочим визитом в Иордании, куда Германия переводит порядка 300 своих военнослужащих с турецкой авиабазы Инджерлик. Предполагается, что германские военнослужащие в Сирии займутся тренировкой подразделений курдов (включая и Пешмергу в Сирии и Ираке) и Сирийских демократических сил (умеренных оппозиционных Асаду группировок).

Основание для прогнозируемой эскалации напряжения дает и меняющаяся стратегия США в отношении Сирии и Ирана: из «чисто сирийской» (при Бараке Обаме и «раннем» Дональде Трампе, заявлявшем о намерении вывести американские подразделения из Сирии после разгрома ИГИЛ) она становится отчетливо *ираноцентричной* («Проблема Ирана важнее проблемы Сирии»), хотя в американской прессе ее чаще именуют «новой стратегией США по Сирии». Назначенный в середине августа 2018 г. спецпредставителем Государственного департамента по сирийской проблеме Джеймс Джеффри в беседе с корреспондентом газеты *The Washington Post* заявил следующее: «Новая политика по Сирии сводится к тому, что мы уже не выводим свои подразделения из этой страны до конца текущего года... Американские военные останутся там, пока Сирию не покинут иранские подразделения и будет нанесено окончательное поражение “Исламскому государству”... Это означает, что мы не торопимся: президент санкционировал более активный подход к проблеме». Речь идет, суммирует автор статьи Карен де Янг, специалист по вопросам национальной безопасности, о новом «натиске» США по сирийскому во-

¹ Germany says in talks about possible military role in Syria // Reuters. 2018. Sept. 10 (<https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-germany/germany-says-in-talks-about-possible-military-role-in-syria-idUSKCN1LQ124>).

² Siebold S. Germany committed over long-term to help Iraq rebuild: defense minister // Reuters. 2018. Sept. 16 (<https://www.reuters.com/article/us-iraq-germany/germany-committed-over-long-term-to-help-iraq-rebuild-defense-minister-idUSKCN1LW0GQ>).

просу — как на военном, так и на дипломатическом поприщах¹. Сотрудники Белого дома, опрошенные аналитиком К. де Янг, пояснили, что новую линию поведения в сирийском конфликте американский президент одобрил после того, как российская сторона, мол, подтвердила свои «неспособность и нежелание» убедить Иран вывести его военные формирования из Сирии².

После очевидного провала попытки США приобщить Россию к своей антииранской стратегии (см. заявления С. Лаврова³ и реакцию Джона Болтона после встречи с В. Путиным⁴), судя по всему, и возникла потребность Вашингтона в частичной корректировке его подхода к сирийской проблеме: помимо уже упомянутого отказа от вывода американских военнослужащих из Сирии «новая стратегия» возвращает такую базовую установку времен президентства Барака Обамы, как уход Башара Асада с поста президента в результате политического транзита⁵. Антииранская же доминанта остается главным элементом подхода Белого дома к сирийской проблеме. Это выглядит естественно с учетом восприятия американской общественностью проблемы Ирана как основной для Ближнего Востока.

Следует подчеркнуть, что ставку на «антииранизм» (демонизацию Ирана) Трамп успешно эксплуатировал еще в ходе

¹ *De Young K.* Trump agrees to an indefinite military effort and new diplomatic push in Syria, U.S. officials say // The Washington Post. 2018. Sept. 6 (https://www.washingtonpost.com/world/national-security/in-a-shift-trump-approves-an-indefinite-military-and-diplomatic-effort-in-syria-us-officials-say/2018/09/06/0351ab54-b20f-11e8-9a6a-565d92a3585d_story.html?noredirect=on&utm_term=.3c7a66ffa24).

² Ibid.

³ Лавров считает уход Ирана из Сирии нереалистичным // РИА Новости. 2018. 4 июля (<https://ria.ru/syria/20180704/1523924337.html>).

⁴ *Williams D.* Trump adviser Bolton says Russia ‘stuck’ in Syria, Iran must leave // Reuters. 2018. Aug. 22 (<https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-usa-russia-inter/trump-adviser-bolton-says-russia-stuck-in-syria-iran-must-leave-idUSKCN1L709R>).

⁵ *De Young K.* Trump agrees to an indefinite military effort and new diplomatic push in Syria, U.S. officials say // The Washington Post. 2018. Sept. 6 (https://www.washingtonpost.com/world/national-security/in-a-shift-trump-approves-an-indefinite-military-and-diplomatic-effort-in-syria-us-officials-say/2018/09/06/0351ab54-b20f-11e8-9a6a-565d92a3585d_story.html?noredirect=on&utm_term=.3c7a66ffa24).

своей избирательной кампании на протяжении 2016 г. Она оказалась достаточно эффективной и во внутривластном аспекте: отталкиваясь от критики политики Обамы по Ирану («ядерная сделка» 2015 г.) и Сирии («химическая сделка» вместо ударов по войскам Асада в 2013 г.), произраильские и проарабские (в основном суннитских монархий Персидского залива) лоббистские структуры в США активно мобилизовывали своих сторонников на поддержку Трампа. Эти два элемента, составившие основу ближневосточной политики команды 45-го президента США, выразились в следующих действиях: в а) провозглашении Трампом намерения выйти из СВПД, за которым последовали реальные шаги в мае 2018 г.; и в б) применении силы (ракетные удары) против войск Асада в случае использования последним химического оружия.

По разным опросам, от 50 до 60% американцев с правом голоса устойчиво поддерживали удары по позициям армии Асада в апреле 2017 и 2018 гг. (по данным Gallup, 50%, а по данным других опросов — 58–60%)¹. При этом на протяжении 2017 и 2018 гг. опросы фиксировали нежелание/отказ большинства американцев ввязываться в боевые действия (наземные) как в Сирии, так и особенно против Ирана, ограничиваясь ракетными ударами в случае необходимости. Опросы фиксируют существенное преобладание таких настроений как на массовом уровне, так и их отражение в политическом классе независимо от партийной принадлежности: опубликованный в начале января 2018 г. опрос компанией *J. Wallin Opinion Research* показал, что против втягивания в наземные операции, но за применение ограниченных военных мер высказываются 78% демократов, 64,5% республиканцев и 68,8% независимых политических активистов. При этом 86,4% опрошенных считают, что в качестве

¹ *Reinhart R.* Snapshot: Half of Americans Approve of Strikes on Syria // Gallup. 2018. Apr. 24 (<https://news.gallup.com/poll/232997/snapshot-half-americans-approve-strikes-syria.aspx>); *Smeltz D., Wojtowicz L.* American support for US strikes against Syria split along partisan lines / The Chicago Council on Global Affairs. 2018. May 9 (<https://www.thechicagocouncil.org/publication/american-support-us-strikes-against-syria-split-along-partisan-lines>); *Brennan D.* Most U.S. voters approve of Trump’s Syria strikes but also say they won’t work, poll reveals // Newsweek. 2018. Apr. 18 (<https://www.newsweek.com/majority-us-voters-backs-trumps-syria-strikes-also-think-they-wont-work-poll-891146>).

«последнего аргумента» может и должна использоваться сила¹. Показательно также, что число тех, кто полагает, что военная операция против Ирана становится реальной и даже неизбежной, практически сравнялось с носителями противоположной точки зрения. В июле 2018 г. компания *Rasmussen Reports* зафиксировала в пределах 37% поддерживающих военную операцию против Ирана, а противников – порядка 38%². При этом в сентябре 2018 г. 50% опрошенных той же компанией сочли, что предпринимаемые администрацией Трампа меры по принуждению Ирана к переговорам для «улучшения ядерной сделки» (а не полного отказа от нее) могут оказаться продуктивными. 40% опрошенных считают эти шаги президента бесполезными³.

Как видно, восприятие Ирана (его «экспансионистской политики» и ядерной программы) как значимой угрозы для Америки и ее союзников усиливается в общественном мнении США. Проблема же Сирии видится как частный случай воспроизведения и одновременно «подпитки» главной – иранской – угрозы режимом Асада. Последний же как таковой воспринимается как продолжение «режима иранских мулл». Важно также сознавать, что этот нарратив разделяется и подпитывается не только администрацией, но и большинством американских законодателей (Конгрессом США): неудивительно, что порой Белый дом и Конгресс по-своему «соревнуются» в жесткости оценок политики Тегерана. Сирия, таким образом, вполне может определяться в рамках «новой стратегии» Трампа как поле ограниченного применения военной силы для противодействия прежде всего Ирану.

Среди предлагаемых различными «мозговыми центрами» в США обновлений нынешнего подхода Белого дома к пробле-

¹ *Garden J.* A New Poll Shows the Public Is Overwhelmingly Opposed to Endless US Military Interventions // *The Nation*. 2018. Jan. 9 (<https://www.thenation.com/article/new-poll-shows-public-overwhelmingly-opposed-to-endless-us-military-interventions>).

² 37% call for U.S. military action against Iran // *Rasmussen Reports*. 2018. Jul. 27 (http://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/iran/37_call_for_u_s_military_action_against_iran).

³ Half think new Iran sanctions will be effective in renegotiating nuclear deal // *Rasmussen Reports*. 2018. Aug. 9 (http://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/iran/half_think_new_iran_sanctions_will_be_effective_in_renegotiating_nuclear_deal).

ме Сирии–Ирана заметно преобладает восприятие этого конфликтного узла в вышеуказанном ключе («Сирия для США – частный случай проявления противостояния с Ираном»). Тем не менее появляются и аналитические работы, посвященные обновлению сирийского аспекта стратегии США. Одна из наиболее, на наш взгляд, значимых из таковых – аналитический доклад под названием «10-градусное смещение в сирийской стратегии» (*A 10-DEGREE SHIFT IN SYRIA STRATEGY*), подготовленный на базе Брукингского института группой известных специалистов по вопросам безопасности и Ближнего Востока¹. Выводы и рекомендации авторов доклада не только вполне, на наш взгляд, вписываются в общие постулаты «новой стратегии США по Сирии», но их можно рассматривать как детализацию данной стратегии. Вкратце она сводится к следующим тезисам:

– поскольку у США нет возможности свергнуть Асада силовыми методами (без напряжения ресурсов), равно как и посредством Женевского процесса, то следует смириться с его временным нахождением на посту президента, что должно быть «исправлено» в рамках политического процесса с участием сирийской оппозиции и под давлением США и Евросоюза, в частности путем отказа в оказании гуманитарной помощи и содействия в реконструкции районов Сирии под контролем правительства Асада;

– сделать применение силы (без развертывания дополнительного контингента в Сирии) постоянным фактором давления на правительство Асада, прибегая к ракетным ударам не только в случае применения последним химического оружия, но и посредством установления «красных линий», призванных удерживать Асада от совершения преступлений против собственного народа (установления блокады населенных пунктов, использования бочковых бомб, уничтожения больниц и т. д.). Такое применение военной силы со стороны США должно быть точечным, не ограниченным определенной территорией (в отличие от «бесполетных зон»), а также при обязательном уведомлении России о намерении нанести удары;

¹ *Alaaldin R., Fritz J., Heydemann S., Jones B., O'Hanlon M.* A 10-degree shift in Syria strategy // *The Brookings Institution*. 2018. Sept. (https://www.brookings.edu/research/a-10-degree-shift-in-syria-strategy/?utm_campaign=Foreign%20Policy&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=65936650).

– совместно с Евросоюзом и суннитскими монархиями Персидского залива мобилизовать ресурсы для оказания помощи населению и реконструкции в районах вне контроля Асада, в частности превратить в такую зону провинцию Идлиб, ныне «опекаемую» Турцией, предотвратив ее переход под контроль Асада; создать для доминирующих на северо-востоке Сирии курдских группировок альтернативу, способную воспрепятствовать наметившимся договоренностям между курдами и Асадом, что представляет потенциальную угрозу Турции, союзнице США по НАТО¹.

Что касается отношения США и, как подразумевается, Евросоюза к происходящему на территории Сирии, контролируемой Асадом и его партнерами (Ираном и Россией), то один из принципиальных аспектов прописан в докладе так: «...США должны прилагать усилия, с тем чтобы наращивать разногласия внутри проасадовского альянса, содействовать возникновению условий, которые могли бы побуждать отдельных участников прорежимной коалиции прийти к выводу о том, что им будет намного лучше при смене руководства в Дамаске. Намеченные на 2021 год выборы могли бы стать важным рубежом для такого транзита, если он не произойдет раньше»².

Если с этой антиасадовской установкой политической стратегии США в целом, как представляется, могут согласиться европейские союзники Вашингтона, то антииранский крен ближневосточной стратегии Дональда Трампа они вряд ли могут принять. В отличие от действующей американской администрации европейцы в целом продолжают воспринимать конфликт в Сирии отдельно от проблемы Ирана. Если для политиков ЕС сирийский конфликт сводится в основном к проблеме противостояния значительной части населения этой страны «диктаторскому правлению клана Асадов», т. е. к задаче освобождения от диктаторского режима, всевластия его спецслужб и карательных органов, и уже во вторую очередь – противостоя-

¹ *Alaaldin R., Fritz J., Heydemann S., Jones B., O'Hanlon M.* A 10-degree shift in Syria strategy / The Brookings Institution. 2018. Sept. (https://www.brookings.edu/research/a-10-degree-shift-in-syria-strategy/?utm_campaign=Foreign%20Policy&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=65936650).

² *Ibid.*

ния террористическим группировкам на сирийской территории («терроризм – ответ на диктатуру Асада, на подавление суннитского большинства»), то проблема Ирана понимается в европейских элитах главным образом как комплекс технологических и политических составляющих, связанных с ядерной программой военной направленности. Любопытно, что даже такие острые вопросы, как программа развития баллистических ракет и «экспансионистская политика Тегерана в регионе», трактуются европейцами как набор вторичных озабоченностей, которые могут быть урегулированы путем последующих переговоров в рамках системы отношений, создававшейся на базе СВПД. Первично все то, что связано с предполагаемой ядерной программой военной направленности.

Важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что, если для США антииранская стратегия может оказаться выгодной и успешной (если, конечно, манипулировать ею, не доводя до военного столкновения), поскольку она позволяет объединить под крылом Америки различные группы ее союзников в регионе, которые еще сравнительно недавно враждовали друг с другом (например, арабские монархии и Израиль), то для европейцев, уже основательно повязанных экономическим взаимодействием с Ираном через СВПД, перспектива противостояния Исламской республике может оказаться разрушительной для самой концепции ближневосточной политики Старого Света. Вопрос во многом теперь в том, насколько Вашингтону удастся (или не удастся) приобщить европейцев к своей антииранской стратегии, которая наверняка обернется для них ловушкой.

Одним из вариантов выхода европейцев без чрезмерных политических и экономических издержек из ситуации двойственности в отношении Тегерана могла бы стать линия ЕС на предотвращение победы Ирана в Сирии, на противодействие Ирану, но сугубо в сирийском контексте, т. е. не напрямую, а официально оппонируя там режиму Башара Асада. В Европе, судя по всему, склонны полагать, что если в конечном счете ситуацию в Сирии (в перспективе) иранское руководство не сможет рассматривать как свою победу, то оно, скорее всего, сократит масштаб собственных «экспансионистских амбиций» в регионе в целом, «уйдет в оборону», что в обозримом будущем может снять для Евросоюза с повестки необходимость выбора: проявлять ли солидарность с Соединенными Штатами

в их противостоянии с Ираном или дистанцироваться от этого противостояния.

«Обновленная стратегия по Сирии» заметно сблизила позиции США и Евросоюза в данном вопросе. В частности, в том, что касается отношения к перспективе сохранения Башара Асада на президентском посту (теперь и Вашингтон, как и Брюссель, считает, что Асад должен уйти на каком-то этапе еще процесса урегулирования), а до тех пор на него должно оказываться не только политическое, но и силовое давление различными способами (США сохраняют свои подразделения на северо-востоке Сирии). Также это касается отношения Вашингтона к Женевскому процессу как основной площадке для поиска политического урегулирования в Сирии. Не исключено, однако, что в ответ на этот шаг навстречу ЕС администрация Трампа ждет от европейских партнеров большей солидарности по проблеме «нейтрализации» Ирана. Насколько эти ожидания реалистичны, покажут события, связанные с продолжающимся противостоянием Вашингтона и Брюсселя по проблеме СВПД. Но даже если это противостояние будет постепенно ослабевать и сходить на нет еще при президентстве Дональда Трампа, европейские элиты, судя по всему, сознают, что стратегия ЕС на Ближнем Востоке не может быть в целом успешной без идентификации ее особенностей, а точнее — определенных отличий от стратегии американской. Только в этом случае она может сохранять привлекательность для ближневосточных партнеров Евросоюза — арабских стран, Израиля, а также Ирана.

Об авторах

Шумилин Александр Иванович — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН (*Введение, главы I, II, заключение*)

Карасова Татьяна Анисимовна — кандидат исторических наук, руководитель Отдела изучения Израиля, Институт востоковедения РАН (*глава III*)

Мелкумян Елена Суменовна — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института, РГГУ (*глава IV*)

Шуркан Анна Анатольевна — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН (2014–2017 гг.), приглашенный исследователь Центра по изучению религии и общества Университета Виктории в канадской провинции Британская Колумбия (*глава V*)

Шумилина Инна Викторовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт США и Канады РАН (*главы IV, VI*)

Журавель Валерий Петрович — кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН (*глава VII*)

Научное издание

**Евро-Атлантика сегодня:
ближневосточные вызовы**

Монография

Оформление художника *А.Ю. Никулина*

Выпускающий редактор *А.В. Владимирская*

Корректор *А.В. Латунова*

Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 16.11.2018.
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Ньютон».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,0. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ № .

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
ИНН/КПП: 7703007355/770301001
125993, г. Москва, ул. Моховая, д. 11 стр. 3
Тел. 8 (495) 692-10-51
<http://www.instituteofeurope.ru>
europe@ieras.ru / europe-ins@mail.ru

Издательство «Международные отношения»
123995, Москва, улица 1905 года, д. 7, стр. 1
Тел.: 8(495)280-05-25
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

ISBN 978-5-7133-1623-5

9 785713 1316235